

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 17

МИНИСТЕРСТВО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УЛЬЯНОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ им. И. А. ГОНЧАРОВА

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 17

Ульяновск
Издательство «Корпорация технологий продвижения»
2019

УДК 947 (471.42)
ББК 63.3 (2Р354-4Ул)я431
К 78

Печатается по решению Ученого Совета Ульяновского областного
краеведческого музея им. И. А. Гончарова.

Редакционный совет:

Ю. К. Володина, О. Е. Бородина, М. Р. Гисматулин, В. И. Лосева.

К 78 КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ. Сборник научных трудов. Вып. 17. –
Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения»,
2019. – 244 с.

ISBN 978-5-94655-357-5

Основу сборника составили выступления, прозвучавшие на межрегиональной научной конференции «Итоги краеведческого года. История и современность Среднего Поволжья» (Ульяновск, 27 марта 2018 г.). Конференция проводилась в рамках деятельности Совета музеев Приволжского федерального округа.

Публикуемые в сборнике статьи затрагивают актуальные вопросы истории и культуры Среднего Поволжья, различные аспекты музейной деятельности.

Сборник предназначен для специалистов-историков, краеведов, учителей школ, студентов и всех интересующихся историей и культурой родного края.

Фото на обложке:

Вид города Симбирска. Гравюра М. И. Махаева и П. А. Артемьева по рисунку А. И. Свечина. 1770 г. УОКМ.

Бульвар на улице Большой Саратовской. Фото А. С. Муренко. 1866–1867 гг. УОКМ.

ISBN 978-5-94655-357-%

УДК 947 (471.42)

ББК 63.3 (2Р354-4Ул)я431

© ОГБУК «Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова», 2019

© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2019

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Е. К. БЕСПАЛОВА

Н. М. КАРАМЗИН И ГРУЗИНСКИЕ КНЯЗЬЯ П. М. И М.П. БАРАТАЕВЫ¹

Проблема взаимоотношений двух выдающихся симбирян – историографа Н. М. Карамзина и князя Михаила Петровича Баратаева (1784–1856) – в карамзиноведении осталась без внимания исследователей, хотя последний являлся видным представителем прогрессивного российского дворянства первой половины XIX в., и, подобно своему известнейшему земляку, внёс значительный вклад в развитие культуры, науки и просвещения не только Симбирского – Ульяновского края, но и России в целом. Однако у автора данной статьи имеются некоторые свидетельства о конкретных фактах общения историографа с князем М. П. Баратаевым, почерпнутые из сохранившегося обширного эпистолярного наследия последнего, а также и предположения о возможных отношениях Н. М. Карамзина с его отцом – симбирским наместником (губернатором) Петром Михайловичем Баратаевым.

Отец и сын Баратаевы происходили из древнегрузинского рода князей Бараташвили. В России этот род появился в 1724 г., когда грузинский царь Вахтанг VI² с согласия Петра I эмигрировал в Москву с семейством, сыновьями Бакаром и Георгием, многочисленной свитой в количестве 1186 человек. В состав свиты входили видные военные и гражданские лица, учёные, писатели, деятели культуры, представители духовенства и 43 особы княжеского и дворянского происхождения [9, с. 22], в том числе и Мельхиседек Мельхиседакович Баратаев³, который состоял камергером⁴ у сына Вахтанга VI цесаревича Бакара (1699–1750).

После смерти Вахтанга VI, случившейся 26 марта 1737 г. в Астрахани, большинство его свиты осталось в России, приняв российское подданство и поступив на службу к российской императрице Анне Иоанновне, за

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А.

² Вахтанг VI (1675–1737) царствовал в Картли в 1703–1711 гг. и в 1716–1724 гг.

³ Даты жизни князя М. М. Баратаева неизвестны.

⁴ *Камергер* – придворное звание высокого ранга, изначально обозначавшее лиц, приближенных к государю.

что получили поместья и крепостных. В именном Высочайшем указе от 23 апреля 1733 г. указывалось, что выехавший из Грузии в Россию с царём Вахтангом Леоновичем грузинский камергер князь Баратаев находится на российской службе капитаном [27, с. 426].

Михаил Михайлович Баратаев (так он стал называться на русской службе) служил в Астраханском гарнизоне, участвовал в военных действиях с Турецкой Портой и крымским ханом за дагестанские и персидские земли, а затем был определён астраханским полицмейстером [26, л. 3–4].

В семье М. М. Баратаева и его жены Анны росли четыре сына, которых князь сам обучил грамоте, арифметике, геометрии, «артиллерийским и прочим наукам» [18, Л. 1 об.]. По данным Герольдмейстерской конторы, в 1755 г. два его старших сына служили в астраханском гарнизоне [7, л. 489 об.].

Старший сын Пётр Михайлович (1734–1789), подобно отцу, служил в артиллерии, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Так, 4 марта 1756 г. он был произведён в подпоручики [6, л. 117], в 1764 г. пожалован чином майора, в 1775 г. – полковника, в 1779 г. – генерал-майора. Императрица Екатерина II указом от 1 января 1780 г. доверила ему возглавить открывавшееся в декабре этого года Симбирское наместничество [10, с. 276–277]. За старание и ревность, проявленные в деле открытия и управления наместничеством, П. М. Баратаев в 1786 г. был возведён в чин генерал-поручика. 22 сентября 1787 г., «за отличную службу, в делах радение и искусство, сохранение во вверенном ему месте в порядке, и точное исполнение должностей с успехом и пользою государственною» [16, л. 1; 22, л. 25] он был пожалован орденом Святого Равноапостольного князя Владимира и большого креста 2-й степени¹.

Два младших сына князя М. М. Баратаева по примеру старшего брата, достигли высоких чинов на военной и гражданской службе и также возглавили губернии. Генерал-поручик Семён Михайлович (1745–1798) выполнял обязанности казанского наместника (1789–1796), Иван Ми-

¹ Орден Святого Равноапостольного Князя Владимира в 4-х степенях был учреждён Екатериной II в честь князя Владимира Крестителя 22 сентября 1782 г., в 20-летний юбилей своего царствования, для награждения как военных чинов, так и гражданских служащих. Орден двух первых степеней состоял из двух частей: звезда, которая носилась на левой стороне груди, и большой крест на ленте, носившийся либо через правое плечо (1-я степень), либо на шее (2-я степень). Орден 3-й и 4-й степеней представлял собой только крест, который носился на шейной ленте (3 степень) или в петлице (4 степень).

хайлович с 1796 г. был уфимским губернатором¹. Самый младший сын, князь Андрей Михайлович, в звании артиллерии капитана во время пугачёвского мятежа в 1774 г. был выдан своими солдатами Е. Пугачёву и замучен до смерти в Саратове [16, с. 34].

На территории Симбирской губернии род князей Баратаевых появился в связи с назначением генерал-поручика П. М. Баратаева на должность наместника (губернатора) Симбирского наместничества. На плечи П. М. Баратаева легла сложная обязанность по претворению в жизнь коренной областной реформы в управлении государством, проводимой Екатериной II по изданному ей 7 ноября 1775 г. особому законодательному акту – «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [32, с. 229–296]. В результате претворения императорского постановления 27 декабря 1780 г. была образована самостоятельная административно-территориальная единица – Симбирское наместничество, первые 9 лет существования которого прошли под управлением князя П. М. Баратаева.

Управление П. М. Баратаевым Симбирским наместничеством было ознаменовано теми общественно-культурными процессами, в которые были вовлечены и сам Н. М. Карамзин, и его земляки, и его единомышленники. В первую очередь, проявлением этого процесса явилось учреждение в Симбирске учебных заведений нового типа, характеризовавшихся всеобщностью и бесплатностью: 22 сентября 1786 г. было открыто главное народное училище, а 24 июня 1787 г. четыре малых народных училища, чем было «положено основание просвещения в Симбирской губернии» [8, л. 4].

Не без личного участия П. М. Баратаева, возглавлявшего Приказ общественного призрения, в Симбирском наместничестве развернулась в 80-е гг. XVIII столетия широкая деятельность, основным направлением которой было распространение в провинциальном обществе просвещения путём организации книжной торговли и приобщения симбирян к чтению. Главным деятелем являлся Иван Петрович Тургенев – друг и сподвижник Н. И. Новикова, один из активнейших членов московского масонства и Дружеского учёного общества. Цель этого общества, по словам М. Н. Лонгинова, состояла «в переводе полезных книг с разных языков, издании их и оригинальных сочинений, распространении просвещения, направлении воспитания юношества и раздаче разных пособий бедным» [28, с. 13].

¹ Младший брат П. М. Баратаева князь Иван Михайлович, будучи коллежским асессором, исполнял должность председателя Уголовного суда Симбирского наместничества (1780–1787).

Возглавляемый П. М. Баратаевым Приказ общественного призрения, постоянно заботясь о распространении просвещения в Симбирской губернии, 29 апреля 1787 г. «за полезное почел взять на свое попечение книжную от [Типографической. – Е. Б.] Компании¹ лавку, в смотреии здесь у господина Полковника Ивана Петровича Тургенева находящуюся: ту предусморя выгоду, что и [главное народное. – Е. Б.] училище может пользоваться книгами» [34, л. 7].

В приводимом отрывке речь идёт о книжной лавке, которая была открыта ещё в 1783 г. при непосредственном участии князя П. М. Баратаева. В то время она находилась «в смотреии» у Ивана Васильевича Коллюбакина², который был непосредственно связан с Н. И. Новиковым, являясь его комиссионером по продаже в Симбирске книг, издаваемых в типографии Московского университета. Впоследствии И. В. Коллюбакин стал членом симбирской масонской ложи «Златой Венец», где исполнял должность 2-го надзирателя, Карамзин находился с ним в дружеских отношениях. К 1787 г. (ко времени заключения упоминаемого контракта между Приказом общественного призрения и Типографической компанией) книжная лавка перешла от И. В. Коллюбакина «в смотреение» к И. П. Тургеневу.

Как хорошо известно, И. П. Тургенев³ сыграл в жизни Карамзина едва ли не предопределяющую роль. Именно он, находясь в 1783 г. в Симбирске, «уговорил молодого Карамзина ехать с ним в Москву» и попробовать свои силы в переводах или сочинительстве. По приезду в столицу Карамзин вошёл в кружок Н. И. Новикова и его ближайших сподвижников. В этом новиковском кружке, по словам И. И. Дмитриева, «началось образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное» [19].

¹ Типографическая компания – товарищество на паях, образованное в 1784 г. из кружка Новикова для издательских целей.

² И. В. Коллюбакин (род. 1749) – отставной артиллерии майор, в 1778 г. получил увольнение от военной службы в чине капитана, с образованием Симбирского наместничества 18 сентября 1780 г. был определён советником в Палату уголовного суда, 20 февраля 1783 г. перемещён в верхний земский суд председателем. Отставлен с этой должности 8 мая 1785 г. (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 730. Л. 485–500).

³ И. П. Тургенев (1752–1807) – писатель, переводчик масонских трактатов. Воспитывался в гимназии при Московском университете (1767–1771), участвовал в военных действиях во время первой русско-турецкой войны. Находясь в Крымском корпусе, в Александровской крепости в октябре 1776 г. посвящён в масоны. В Петербурге в 1777 г. сблизился с Н. И. Новиковым, А. М. Кутузовым, В. В. Чуловым, стал членом лож «Гарпократа» и «Астреи». В 1779 г. переселился в Москву, где продолжил заниматься масонством и участвовал в переводческой и издательской деятельности Новикова. Член «тайной сиенцифической» (независимой) ложи «Гармония», в 1782 г. – член ложи «Девкалиона», вошёл в состав Директории VIII (российской) масонской провинции, один из первых русских розенкрейцеров.

Другим замечательным явлением общественной жизни Симбирска конца XVIII в. явилось то, что именно во время управления П. М. Баратаевым наместничеством в 1784 г. была открыта И. П. Тургеневым масонская ложа «Златой Венец», в которой братом 2-й степени с самого начала её деятельности состоял Николай Карамзин [30, с. 369].

В связи с этим фактом сам собой возникает вопрос о принадлежности П. М. Баратаева к масонскому ордену, поскольку при прямом его участии как правителя губернии и председателя Приказа общественного призрения проходили все выше описанные события общественной и культурной жизни провинциального общества.

Историк масонства профессор Парижского университета Т. А. Бакунина внесла фамилию П. М. Баратаева в составленный ей и изданный в Брюсселе в 1940 г. «Биографический словарь русских вольных каменщиков» [47, с. 44]. Современный исследователь истории российского масонства А. И. Серков причислил князя П. М. Баратаева к членам Ордена вольных каменщиков, действовавших в России в XVIII в., отнеся его (хотя и под вопросом) к братьям симбирской масонской ложи «Златой Венец» [41, с. 86]. Хотя фамилия П. М. Баратаева не значится в опубликованном П. Бартевым «Списке членам Златого Венца», состоявшем из 17 фамилий, расписанных по степеням, который был приложен к письму, посланному сразу же после открытия ложи в Москву, в ложу «Святого Моисея»¹ [30, с. 368–369]. Таким образом, при отсутствии подтверждающих документов вопрос о принадлежности первого правителя Симбирского наместничества к Ордену вольных каменщиков пока остаётся открытым.

Но, тем не менее, симбирский наместник П. М. Баратаев имел, как думается, не только деловые связи по службе, но и дружеские отношения со многими членами масонской ложи «Златой Венец».

В связи с этим в первую очередь следует назвать непременною соучастника во всей деятельности Баратаева по управлению наместничеством, его непосредственного помощника по должности правителя наместничества поручика правителя (или вице-губернатора) Александра Фёдоровича Голубцова (1735–1796). Известно, что он с 1774 до 1781 г.

¹ Масонская ложа «Святого Моисея» была учреждена в 1781 г. в Москве, мастером стула в ней был поэт, драматург, издатель и переводчик Ф. П. Ключарев (1754 (1751, 1755)–1822). С 1776 г. служил провинциальным секретарём в штате генерал-фельдмаршала графа З. Г. Чернышева. Сослуживцем Ф. П. Ключарева являлся старший адъютант при графе Чернышеве (1779–1784) И. П. Тургенев. Кроме того Ф. П. Ключарев входил в новиковский кружок. Ложа «Святого Моисея» была подчинена префектурному капитулу «Латоны» – наиболее влиятельной ложе-матери, находившийся сначала под начальством Н. И. Новикова.

являлся воеводой Пермской провинции, а с образованием Пермского наместничества и до 1783 г. служил председателем Пермского Верхнего земского суда и состоял в масонской ложе «Золотой Ключ», которая с 1781 г. действовала в Перми под руководством И. И. Панаева. В 1783 г. А. Ф. Голубцов получил новое назначение в Симбирское наместничество на должность поручика правителя. Эту должность он исполнял до 1792 г., за что в 1786 г. был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени и в 1792 г. получил чин действительного статского советника [47, р. 183–184; 41, с. 258]. Обращает на себя внимание тот факт, что он был хорошо знаком по Петербургу с И. П. Тургеневым, так как оба они в 1773–1774 гг. участвовали в работах петербургской ложи «Гарпократа», где А. Ф. Голубцов со времени основания ложи (15 мая 1773 г.) исполнял обязанности секретаря [41, с. 963]. Поэтому он при создании в 1784 г. в Симбирске масонской ложи стал управляющим мастером [30, с. 369].

Другим представителем симбирского дворянства, сыгравшим непосредственную роль в учреждении главного народного училища, являлся Александр Петрович Соковнин (1737–1800), назначенный первым директором этого учебного заведения. Он приступил к обязанностям 23 декабря 1786 г., когда явился в училище и предъявил в Приказ общественного призрения «полученное им на сей случай <...> письмо от генерал-губернатора Симбирского и Уфимского» О. А. Игельстрема [34, л. 5 об.–6]. Правда, А. П. Соковнин исполнял эту должность недолго; 22 мая 1788 г. он написал прошение на имя О. А. Игельстрема, в котором хлопотал об отставке по причине болезни. В учреждённой ложе «Златой Венец» А. П. Соковнин исполнял одну из главных должностей в иоанновском масонстве – должность рителя.

Упомянутый выше генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств барон Осип Андреевич Игельстром (1737–1823), у которого в непосредственном подчинении находился П. М. Баратаев, также принадлежал к Ордену вольных каменщиков. Барон О. А. Игельстром в 1784 г. был назначен Екатериной II генерал-губернатором Симбирским и Уфимским, в апреле 1785 г. получил предписание немедленно отправляться во вверенные ему губернии, осмотреть их, а осенью приехать в Петербург для личного доклада о них императрице [1, с. 345].

О принадлежности барона О. А. Игельстрема к масонскому ордену стало известно из обнаруженного в Государственном архиве Российской Федерации письма, которое 9 июня 1785 г. написал симбирский вице-губернатор А. Ф. Голубцов к проживавшему в то время в Москве И. П. Тургеневу [13, л. 2–3].

В письме упоминаются находившиеся в то время в Симбирске братья ложи «Златой Венец» в количестве трёх. В это число вошли: 2-й надзиратель Иван Васильевич Колюбакин, который 8 мая 1785 г. получил по личному прошению отставку с должности председателя верхнего земского суда [25, л. 500], а также состоявшие в степени «товарищей» «любезные братья» Николай Карамзин и Пётр Яковлевич Норов¹. Письмо интересно тем, что в нём А. Ф. Голубцов описывает свою встречу с прибывшим в Симбирск генерал-губернатором графом О. А. Игельстромом, во время которой последний дал ему знать «словесно», что «он из числа нашего сообщества», то есть принадлежит к масонскому ордену.

К тому же, под управлением князя Баратаева трудились многие члены симбирской ложи, занимая те или иные должности в органах управления Симбирским наместничеством.

Не стоит забывать и о старшем брате Н. М. Карамзина Василии Михайловиче (ум. 1827), который с открытия Симбирского наместничества в 1780 г. и до 1785 г. включительно занимал должность губернского прокурора и, исполняя её, без всякого сомнения, часто общался с наместником. В Симбирске у него был собственный дом, в котором останавливался Николай в 1783–1785 гг. во время своих приездов в губернский город. По нашему мнению, изложенному в ряде работ, посвящённых ранней биографии Н. М. Карамзина [3, с. 3–14], он приехал в Симбирск, взяв отпуск на 11 месяцев с 6 февраля 1783 г. по службе в Преображенском полку. По мнению некоторых исследователей, этот отпуск стал началом его отставки. Действительно, указ об отставке подпрапорщика Николая Карамзина в числе служащих нижних чинов с награждением офицерскими чинами был подписан 1 января 1784 г., а Государственная Военная Коллегия 9 января того же года утвердила список уволившихся со службы в Преображенском полку. Известно, что Карамзин приехал в Симбирск и долго здесь прожил: с апреля (а может, и раньше?) по июль 1785 г. Об этом свидетельствуют три письма (от 5, 20 мая, 11 июня [40, стб. 473–481]) к нему Александра Андреевича Петрова (нач. 1760-х (1764)–1793), его друга по Дружескому учёному обществу и сотрудничеству в издаваемых Новиковым журналах.

Анализируя деятельность симбирского наместника князя П. М. Баратаева на фоне общественно-исторических процессов последней четверти XVIII в., следует отметить, что возможная его причастность к Ордену вольных каменщиков и масонское окружение (что не вызывает ника-

¹ Норов Пётр Яковлевич в 1782–1786 гг. – заседатель Симбирского совестного суда, в 1789–1796 гг. – ассессор Симбирской палаты уголовного суда.

кого сомнения) в какой-то степени определяли характер и мотивацию предпринимаемых им практических действий. Но с сожалением нужно признать, что в настоящее время отсутствуют какие-либо конкретные примеры существования взаимоотношений Н. М. Карамзина с князем П. М. Баратаевым. Однако изложенные выше сведения позволяют предположить о знакомстве их друг с другом.

Сын П. М. Баратаева Михаил Петрович – участник русско-французской кампании 1806–1807 гг., награждённый за боевые заслуги орденами Св. Владимира 4-й степени и «Золотой Крест», а также прусским орденом «За заслуги» – представлял собой в высшей степени выдающуюся и замечательную личность, пользовавшуюся заслуженным уважением и почётом у дворян Симбирской губернии. Выразительным свидетельством такого отношения являлось то, что он около 20 лет служил по выборам симбирского дворянства, выполняя с декабря 1815 г. обязанности уездного, а с конца 1820 и до 1835 г. – симбирского губернского предводителя дворянства.

Кроме активнейшей общественной деятельности, М. П. Баратаев был поэтом и переводчиком, нумизматом и антикваром, любителем древностей и коллекционером, «человеком умным, просвещенным и с душой», как отзывался о нём М. А. Дмитриев [20, с. 177].

В историю общественной и культурной жизни России князь М. П. Баратаев вошёл как действительный член Императорского Московского общества сельского хозяйства¹ (диплом от 20 декабря 1820 г. [14, л. 3]). Годом ранее, 22 сентября 1819 г., он был избран членом-корреспондентом Учёного комитета Императорского Человеколюбивого общества [14, л. 1]. Впоследствии, с 1846 г. являлся членом-основателем Императорского русского археологического общества².

¹ Московское общество сельского хозяйства образовано в 1818 г. по инициативе московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, князя С. И. Гагарина, Н. С. Мордвинова, графа П. А. Толстого и др. Открыто в 1820 г., хотя устав утвержден в 1819 г. Находилось под покровительством императора Александра I. Общество собирало сведения о состоянии сельского хозяйства и промыслов, активно пропагандировало рационализацию сельского хозяйства в крупных помещичьих имениях и внедрение новых сельскохозяйственных культур – картофеля, табака, сахарной свёклы и пр., приобретало за границей животных высокопродуктивных пород для их внедрения в России.

² Императорское Русское археологическое общество (первоначально – Археологическо-нумизматическое общество) основано в Петербурге в 1846 г. Основная задача его сводилась к тому, чтобы «посредством него любители археологии и нумизматики могли бы находиться

В связи с этим следует отметить, что М. П. Баратаев прославил свое имя и как автор вышедшего в 1844 г. в Петербурге под редакцией Д. Чубинашвили довольно обширного труда «Нумизматические факты Грузинского царства» с текстом на трех языках – русском, грузинском и французском. Сочинение это, роскошно изданное на собственные средства автора, посвящено было императору Николаю I.

В основу изданного труда была положена нумизматическая коллекция, которую князь собирал на протяжении всей жизни. Баратаевское собрание было известно за пределами Симбирской губернии. Но особенно оно было пополнено, когда князь Баратаев находился на Кавказе, исполняя с июня 1839 г. по 1842 г. должность начальника Закавказского таможенного округа [15, л. 3]. Находясь на исторической родине в Тифлисе, князь Баратаев увлеченно занимался изучением истории и культуры Грузии. Он всерьез занялся собиранием именно грузинских монет и составил богатейшую коллекцию монет, «оставшихся в Грузии и вообще на Кавказе со времен иноземного господства или завезенными купцами» [9, с. 290].

Капитальный труд «Нумизматические факты Грузинского царства» был встречен в России и за границей с огромным интересом. Петербургская Академия наук отметила труд «весьма почетным отзывом», а за границей автор был избран почетным членом Французской Академии наук и действительным членом Датского антикварного общества. Кроме этого, он в июле 1843 г. получил от цесаревича Великого князя Александра Николаевича бриллиантовый с вензелевым изображением его имени перстень за поднесение «нумизматического альбома, изобретенного им, до сего еще неизвестного способа снятия металлических копий с древних монет и медалей» [33, л. 1].

Кроме того, имя Баратаева более известно как имя одного из значительных и чрезвычайно деятельных представителей российского масонства Александровского времени. Он являлся бессменным руководителем – Великим мастером – симбирской ложи «Ключ к Добродетели», которая действовала с 1817 по 1826 г., несмотря на запрет масонства в августе 1822 г. императором Александром I. О той роли, которую князь Баратаев играл в рамках общероссийского масонского движения, красноречиво говорит тот факт, что он входил в Капитул Феникса – тайный

в постоянных сношениях и, сообщая взаимно плоды разысканий и трудов своих, принести некоторую пользу наукам в отечестве, распространяя в оном и вне пределов империи полезные сведения о фактах археологии и нумизматики» (Из «Первого отчета Археологическо-нумизматического общества в Санкт-Петербурге» за 1846 г.).

и высший орган управления масонством в России. К тому же, он являлся почётным членом многих масонских лож, действовавших в России в начале XIX в.: «Российского Орла», «Соединённых друзей», «Избранного Михаила», «Белого Орла» и Великой Директориальной Ложы Астреи.

Должность губернского предводителя предоставляла князю возможность не только выступать с различными общественными инициативами и начинаниями, но и организовывать дворян губернии на дела благотворения. Князь Баратаев явился одним из инициаторов создания в Симбирске благотворительного общества под названием «Симбирское женское общество христианского милосердия», которое открыло свои работы 3 марта 1818 г. С самого начала деятельности общество поступило под покровительство супруги Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны. В этом обществе Баратаев на протяжении почти четверти века (1819–1835) являлся бессменным секретарем и, практически, руководителем его действий, инициатором всех благотворительных начинаний в губернии. Детищем своим он считал Дом Трудолюбия для девиц из беднейших семейств и сирот, открывшийся 2 мая 1820 г., в котором он долгое время выполнял обязанность Почётного попечителя. Во многом благодаря М. П. Баратаеву было основано другое благотворительное учебное заведение – пансион при Симбирской гимназии, где он также являлся Почётным попечителем.

Именно князь М. П. Баратаев, будучи губернским предводителем дворянства, ещё при жизни историографа выступил с инициативой увековечить память знаменитого уроженца Симбирской губернии Н. М. Карамзина на его родине.

22 декабря 1825 г. дворяне Симбирской губернии, собравшиеся по случаю очередных выборов, «рассуждая о предметах, относящихся к пользе губернии и чести своего сословия», поддержали инициативу губернского предводителя дворянства князя М. П. Баратаева. Он предложил поместить портреты двух известнейших уроженцев Симбирской губернии в зале дома Дворянского собрания, чтобы сохранить для потомства «черты Историографа Н. М. Карамзина и Действительного Тайного Советника И. И. Дмитриева, как Дворян сей губернии, которые приносят особенную честь месту своего рождения и заслугами, оказанными отечеству, и славою, равно сим заслугам» [43].

Идея помещения портретов Карамзина и Дмитриева в зале Дворянского собрания появилась у князя Баратаева после прочтения опубликованной 12 декабря 1825 г. в «Московских ведомостях» заметки, в которой передавалось полученное из Веймара 12 ноября известие о праздновании

юбилея немецкого поэта, драматурга, мыслителя и члена Веймарского Тайного совета Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749–1832) [42, с. 3452]. В заметке сообщалось, что 7 ноября исполнилось 50 лет со времени, как Гёте прибыл в Веймар по приглашению Карла Августа, герцога Саксен-Веймар-Эйзенах. «Его Величество Герцог Веймарский, желая ознаменовать день сей особенным благоволением к г-ну Гёте, поручил Министру своему, Барону фон Фричу, вручить ему собственноручное Его Величества письмо с медалью, сделанною в Берлине г-м Брандтом, по рисунку, изобретенному самим Герцогом». На медали были отчеканены на одной стороне портреты Герцога и Великой княгини, а на обороте бюст Гёте, окружённый двумя лавровыми ветвями, с надписью: «Карл Август и Луиза – Гёте».

Князь Баратаев, прочитав в «Московских ведомостях» сообщение о юбилее Гёте, решил предложить дворянам идею, подобно Германии, в России показать «единодушную признательность соотечественников к достоинствам великого Писателя». Тем более, собрание симбирских дворян проходило в декабре месяце, когда Карамзину только что исполнилось 59, а Дмитриеву – 65 лет. Предводитель дворянства, предлагая собранию рассмотреть вопрос о помещении портретов Карамзина и Дмитриева в зале Дворянского собрания, рассчитывал подвигнуть дворян Симбирской губернии принятым единогласным решением преподнести своеобразный подарок Н. М. Карамзину к его будущему 60-летию и И. И. Дмитриеву – к уже наступившему 65-летию.

В сохранившемся и дошедшем до нас «Постановлении» симбирского дворянства от 22 декабря 1825 г. было записано следующее: «Руководимы достолюбезным чувством уважения к истинным достоинствам мужей, отличившихся просвещенным умом своим и полезно посвятивших себя на служение отечеству, поставляем приятнейшею обязанностью увековечить в потомственное воспоминание и уважение для почтеннейшего Симбирского Дворянства достойнейших сочленов оного Господ Дворян и урожденных в Симбирской Губернии <...> Ивана Ивановича Дмитриева и <...> Николая Михайловича Карамзина – известнейшего Историографа России, как особ толико отличенных заслуженною известностию не токмо в пределах обширного Отечества нашего, но и в Европе, отдающей единогласную дань хвалы высоким достоинствам и дарованиям сих почтенных соотечественников наших. Имена их нераздельные со славою и честью родины и отечества; как знаменитых сынов оного, так и великих образователей родного языка нашего заслуживают» [36, л. 133 об.].

С этим эпизодом из общественной жизни симбирского общества связан один «анекдотический случай», о котором М. А. Дмитриев в 1838 г. поведал в письме М. П. Погодину: «Когда князь Баратаев предложил Дворянам поставить в зале Дворянского Собрания Портреты Карамзин и Дмитриева, то они очень пожимались, думая, что с них за это хотят собрать деньги. Наконец один из дворян решился подойти к Губернскому Предводителю с вопросом: "Ведь это, Ваше Сиятельство, сынок Ивана Гавриловича!" – Сынок, сударь! – "Так что же это такое? И батюшки-то его статую не ставили!" – Да ведь вот и вам не ставили, – отвечал Баратаев, – а сынку вашему может быть и поставят! – впрочем, этот дворянин был приезжий из уезда. Наконец Баратаев сладил с ними, уверив их, что с них денег за это не возьмут, и что Карамзин и Дмитриев пришлют эти портреты сами. Так и сделалось; и наконец, оба портреты были поставлены!» [38, л. 27].

Сообщение о единодушно принятом на общем собрании, проходившем 22 декабря 1825 г., «Постановлении» симбирских дворян было опубликовано в газете «Северная пчела» в сообщении «Из Симбирска от 3 марта» [44].

Вскоре после общего собрания, 5 января 1826 г. М. П. Баратаев написал письмо И. И. Дмитриеву в Москву, приложив при этом копию «Постановления», в котором писал: «Из оной усмотреть изволите не лицемерное стремление Симбирского Благородного Дворянства воздать знаменитым соотчинам своим дань истинного и совершенного уважения к высоким и отличным достоинствам, толико достохвально посвященным вам, Милостивый Государь, славе родины, чести Отечества и пользе общественной, и к незабвенным трудам, которыми вы, обогатив Словесность России, бессмертными творениями, образовали и прославили родной язык наш. Симбирское Дворянство, изъявляя от лица сословия своего, гордящегося честью иметь вас, милостивый Государь, сочлена столь знаменитого, красу родины нашей и Отечества, достодолжные

¹ Дмитриев Иван Гаврилович (1736–1818) – отец И. И. Дмитриева. В 1753 г. вступил в военную службу, дослужился до чина капитана, в 1778 г. был назначен в г. Сызрань воеводским товарищем. По открытию в 1780 г. Симбирского наместничества получил должность городничего г. Сызрани, а «за тщательное исполнение оной в 1784 г. был произведен в надворные советники». По воспоминаниям его внука М. А. Дмитриева, «он был строг в исполнении своей должности, но справедлив, а о честности его, составляющей общее свойство рода Дмитриевых, и говорить излишне. Обыватели Сызрана <...> боялись его строгости и точности, но уважали и любили его за равную ко всем справедливость и приветливость». В 1791 г. по прошению в виду болезни был уволен со службы. В 1793–1795 гг. сызранское дворянство в знак и уважения избрало его своим предводителем. В Сызранском уезде Симбирской губернии находилось родовое имение Дмитриевых с. Богородское.

чувства уважения, желает увековечить оные в очах потомства, внесением в Зал Общего Присутствия собрания Благородного Дворянства бессмертное имя и в живописи представленное изображение ваше. Да украсят оные заседание почтенного сословия Симбирской Губернии, да послужат доказательством уважения единоплеменцев ваших к великому – и да откроют каждому сочлену нашему пример, по коему шествуя, возымел бы он достойно заслужить совершенное уважение современников и благородное воспоминание потомства» [39, л. 2–2 об.; 5, с. 44 (впервые опубликовано)].

Эти же слова были князем Баратаевым адресованы и Н. М. Карамзину в несохранившемся письме к нему. Вероятно, письмо к Карамзину было написано несколько раньше, мы полагаем, во второй половине декабря 1825 г., поскольку официальное письмо к Дмитриеву от 5 января 1826 г. имеет делопроизводственный номер «1».

Объясняя в письме свои действия, губернский предводитель дворянства Баратаев писал И. И. Дмитриеву: «Принимая как одну из приятнейших наград служения моему, в звании мною занимаемом, лестнейшее на меня возложение быть первым вестником пред единоплеменцами моими, столь знаменитыми, нелегким чувств уважения к ним почтеннейших соотчичей моих, я имел честь отнести о сем слово в слово к Его Превосходительству Николаю Михайловичу Карамзину¹, – не смея отделить ни в словах, ни в чувствах моих, тех истинно великих мужей, которые отличаются не только высокими познаниями и достоинствами, но и нежнейшею связью непрерывного дружества, на взаимном уважении основанной, – соревнуя единственно в любви, славе и пользе Отечества, – да неразделимыми встретить их позднейшее потомство» [39, л. 2 об.].

Следовательно, признав объяснения М. П. Баратаева за истину, мы вполне можем считать, что адресованное им письмо к И. И. Дмитриеву в то же время есть послание к Н. М. Карамзину, которое, к сожалению, остаётся неизвестным.

Возможно, подобные слова, которые были изложены в письме, были произнесены Баратаевым во время личной встречи в Петербурге с Н. М. Карамзиным при сообщении ему постановления симбирских дворян. Хочется обратить особое внимание на время встречи Баратаева с Карамзиным. О ней имеются сведения в письме М. П. Баратаева к министру внутренних дел Д. Н. Блудову (1785–1864) от 6 февраля 1834 г. В нём Баратаев, рассказывая министру о принятом «Постановлении»

¹ Выделение курсивом – Е. Б.

дворян на общем собрании 22 декабря 1825 г., сообщил: «В следующем году [1826 г. – Е. Б.] я был почтен личным изъявлением искреннейшей благодарности к Дворянству и признательным пожатием руки Незабвенного, – к общему всех прискорбию готовящегося уже вступить в небесное свое отечество. Я удостоился так же слышать высокое, достопамятное изречение Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны при воспоминании Ея о потере невозвратной. "Vous êtes de la patrie des poètes, vous avez Dmitrieff et vous avez Karamzin, dont la perte est irreparable!"¹ – изволила мне сказать Всемиловейшая Государыня» [36, л. 131].

В этом фрагменте из письма М. П. Баратаев сам свидетельствует о времени свидания с историографом, произошедшем до 22 мая 1826 г., поскольку именно эта дата является датой кончины Н. М. Карамзина. Указание в письме на болезнь Карамзина указывает на последние месяцы или даже дни жизни писателя. Более точное время встречи с историографом определяется по событиям, произошедшим в том году в жизни самого губернского предводителя дворянства.

Хорошо известно, что М. П. Баратаев привлекался к следствию над участниками восстания декабристов. Архивариус канцелярии Министерства иностранных дел коллежский асессор Егор Самойлович Рейнеке² 15 февраля 1826 г. направил императору Николаю I донос, в котором сообщал о «карбонарстве»³ симбирского предводителя дворянства и руководителя местных масонов князя М. П. Баратаева [11, л. 1–3]. Результаты доноса не замедлили сказаться. Уже на следующий день после объявления Высочайшей воли штабс-ротмистр Слепцов был отправлен в Симбирск для взятия под арест князя Баратаева. 18 февраля в Симбирске Баратаева арестовали, 3 марта он доставлен в Петербург, где предварительно был допрошен генерал-адъютантом В. В. Левашовым⁴. Однако после нескольких допросов и очной ставки

¹ «Вы с родины поэтов, у Вас есть Дмитриев, у Вас есть Карамзин, потеря которого невосполнима» – пер. с франц. яз.

² Рейнеке Егор (Георг) Самойлович (даты жизни неизвестны) – видный масон, родственник Н. И. Новикова («внук Н. И. Новикова» – как он себя называл), бывший до запрещения масонства Великим секретарём Великой Ложи Астреи (1819–1821) и с сентября 1819 г. являлся почётным членом симбирской ложи «Ключ к Добродетели».

³ «Карбонары» (карбонарии, от слова угольщики) – члены тайной революционной организации, которая существовала в первой трети XIX в. в Италии и Франции.

⁴ Левашов Василий Васильевич (1783–1848) – военный и государственный деятель, один из наиболее доверенных сотрудников Николая I. Входил в состав следственной комиссии по делу декабристов. За участие в успешном подавлении восстания декабристов произведён в генерал-лейтенанты.

с обвинителем, состоявшейся 20 марта, по резолюции императора от 26 марта князь М. П. Баратаев за недоказанность вины был освобождён из-под ареста с оправдательным аттестатом [11, л. 1–46; 2, с. 357–371]. Но сразу после освобождения Баратаев не отправился в Симбирск, а остался в столице.

Соответственно, с Карамзиным Баратаев мог встретиться в промежуток времени между 26 марта и 22 мая. Выскажем осторожное предположение о том, что князь Баратаев вполне мог присутствовать 25 мая в Александро-Невском монастыре на погребении тела Карамзина, на которое «прибыли знатнейшие воинские и гражданские чиновники и другие знатные особы, многие из пребывающих в здешней столице Учёных и Литераторов. Все, искренними слезами и душевным воспоминанием добродетелей, талантов и заслуг усопшего, платили справедливую дань праху великого Россиянина» [45, с. 1774].

Слова же императрицы Александры Фёдоровны о двух симбирских уроженцах и её «высокое, достопамятное изречение <...> при воспоминании Ея о потере невозвратной» князь Баратаев мог слышать лично от неё на коронационных торжествах в Москве 26 августа 1826 г., во время представления губернских предводителей дворянства новому императору.

Столь благосклонное замечание императрицы, произнесённое ей по отношению к Карамзину и Дмитриеву, «внушило мысль прибегнуть к достойнейшим нашим симбирским поэтам, обрадовать их сим вниманием, просить у них новых сочинений, собрать в одну книгу в виде Ал<ь>манаха и всеподданнейше поднести Августейшей Покровительнице [Симбирского женского общества христианского милосердия, покровительницей которого являлась Александра Фёдоровна. – Е. Б.]. Сумму же вырученную обратить в капитал Дома Трудолюбия. Ив. Ив. Дмитриев, Денис В. Давыдов, Ал. Сер. Пушкин, [Н. М.] Языков, М. А. Дмитриев, [Д. П.] Ознобишин и многие из <ь>явили мне свою готовность, первый же обещал и несколько писем Карамзина», – писал князь Баратаев 19 декабря 1833 г. в письме статс-секретарю императрицы Александры Фёдоровны Н. М. Лонгинову [37, л. 107–107 об.].

Идея с изданием альманаха с благотворительной целью зародилась у князя Баратаева ещё в ноябре 1831 г. Он планировал составить альманах под названием «Волга» или «Симбирка»: «Можно сделать очень замечательную книжку и напечатать отдать Сленину¹», – признавался

¹ Сленин Иван Васильевич (1789–1836) – известный издатель и книгопродавец, выпустил в свет 2-е издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Был издателем

он в письме к Н. М. Лонгинову [37, л. 93]. Средства, полученные от распродажи издания, предполагалось обратить в пользу Дома Трудолюбия и пансиона для воспитания и образования детей бедных дворян. Для этого Баратаев собирался обратиться к симбирским поэтам и писателям, в том числе и к вдове Екатерине Андреевне Карамзиной (1780–1851), и просить у них произведений («стишков и прозы»).

К сожалению, судьба предполагаемого Баратаевым альманаха нам неизвестна, подтверждения в архивных документах не найдены. По всей видимости, издание не было осуществлено.

Портреты же Карамзина и Дмитриева в зале Дворянского собрания были установлены; об этом сохранились свидетельства современников. Например, прибывший в Симбирск 31 марта 1834 г. новый симбирский гражданский губернатор Иван Степанович Жиркевич в своих «Записках» указывал, что «в зале симбирского дворянского собрания, с высочайшего соизволения, находятся портреты Дмитриева и Карамзина» [21, с. 88]. Об этом же в 1838 г. писал М. А. Дмитриев в письме М. П. Погодину: «Родина Карамзина и Дмитриева не совсем равнодушна к их славе, <...> здесь, в Симбирске, в зале Благородного Собрания и Дворянских выборов, поставлены, по предложению бывшего Губернского Предводителя Кн<язя> Баратаева, обоих их портреты!» [38, л. 25–25 об.]

Подобно портретам двух выдающихся уроженцев Симбирской губернии Карамзина и Дмитриева, живописный портрет князя Баратаева также был помещён в зале Дома Трудолюбия. Такое решение было вызвано щедрым подарком М. П. Баратаева, решившего преподнести в дар Дому Трудолюбия свой научный труд «Нумизматические факты Грузинского царства». В ответ на поднесение книги члены Совета в 1847 г. постановили в знак особой благодарности за значительнейший вклад в создание и развитие Дома Трудолюбия поместить портрет в зале благотворительного заведения. Императрица Александра Фёдоровна на просьбу Совета Симбирского женского общества христианского милосердия дала своё Высочайшее соизволение, и портрет князя Баратаева был помещён в зале Совета с надписью: «Князь Михаил Петрович Баратаев, положивший первое основание Симбирскому Дому Трудолюбия» [17, л. 1].

Впоследствии, в 1834 г., когда дворяне Симбирской губернии, желая воздвигнуть памятник выдающемуся писателю и историографу Н. М. Ка-

первых двух книжек альманаха «Полярная звезда» А. А. Бестужева-Марлинского и К. Ф. Рылеева на 1823–1824 гг. и альманаха «Северные цветы» А. А. Дельвига на 1825–1826 гг.

рамзину, обратились к Николаю I за разрешением на сооружение и на объявление добровольной подписки по всей России, и получив на своё предложение Высочайшее соизволение, князь М. П. Баратаев предложит вместо монумента учредить учебное заведение для воспитания и образования юношества. По его мнению, учебное заведение постоянно функционировало бы и приносило практическую пользу обществу.

О своём видении памятника Карамзину М. П. Баратаев 6 февраля 1834 г. сообщил министру внутренних дел Д. Н. Блудову. Вполне разделяя желание увековечить в Симбирске память о Карамзине, князь Баратаев доказывал ему, что вместо памятника из бронзы и мрамора было бы полезнее учредить учебное заведение и назвать его Карамзинским: «Я желал бы, чтобы Памятник Ему [Н. М. Карамзину. – *Е. Б.*] воздвигаемый, был не просто уроком и наставлением, но более; что бы он был средством к наставлению, истинным и вечным благодеянием для потомства не токмо родины Его, но и для стран далеких от оной; чтобы воздвижением своим Он представлял собою Эмблему всеобъемлющего Гения его и повсеместного об нем воспоминания; чтобы ни изваяние, ни обелиск, часто среди пустынной и безмолвной площади обращающееся в Кенотаф¹, не напоминали о потере – токмо не зримого! И не помрачали бы грустью взор чтущих Его Соотчичей, отдаленных от него – токмо вечностию <...> Так и памятник Его да пребудет полный жизни, словес, благоденствия и благомыслия. <...>

Словом, я желал бы, чтобы Памятник Карамзину на родине Его был учреждением Учебного Заведения для воспитания и образования юношества, соединяясь с открывающимся ныне Пансионом при Гимназии, сей рассадник нравственного и физического развития оного, усиленный пожертвованиями России, украшенный именем Карамзина, истинно осчастливил бы родину Его и доставил бы фамилии Его новый род утешения предоставлением старшего в роде права представлять определенное число кандидатов по собственному назначению для пользования курсом учения на счет общественного иждивения. В сие Святилище признательности современников и вековой благодарности потомства, да внесется изображение его и оно на скрижалях сердец благодетельствованных отцов, чад и сирых впечатлется резцом вечного благоговения» [36, л. 130–132 об.].

Князя Баратаева вполне можно было понять. Он не один десяток лет постоянно заботился о создании пансиона в Симбирске. Впервые мысль

¹ Кенотаф (буквально: «пустая могила») – надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного, своего рода символическая могила.

о его создании была высказана им на дворянских выборах в декабре 1815 г. На этом собрании Баратаев, будучи избран симбирским уездным предводителем дворянства, поставил перед дворянами вопрос об учреждении особого благотворительного учебного заведения для детей дворян самого бедного состояния, «а паче тех, коих родители были убиты или ранены в прошлую Французскую Компанию, с содержанием их одеждою, пищею наподобие воспитывающихся при Шляхетских Кадетских Корпусах» [35, л. 62 об.].

Мнение князя Баратаева дворянством Симбирской губернии было принято единогласно. Учредить пансион дворяне собирались на средства, добровольно жертвуемые по подписке. При всей своей готовности к воплощению в жизнь всего полезного и могущего быть полезным впоследствии, князь Баратаев предпринимал всевозможные действия для составления и увеличения капитала, необходимого для устройства пансиона. «Я не хочу умереть, не основав сего полезнейшего заведения», – написал он 15 января 1824 г. в письме статс-секретарю императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинову, имея в виду «давно желаемый пансион» [37, л. 47 об.–48].

Во многом благодаря умелому руководству и неисчерпаемой энергии Баратаева, а также усилиям дворян по сбору средств, 25 июня 1831 г., в день рождения императора Николая I, было создано учебное заведение при гимназии для воспитания 10 сирот и детей дворян беднейшего состояния под наименованием «Благотворительное учреждение Симбирского Благородного дворянства». Но для того, чтобы преобразовать его в гимназический пансион с содержанием в нём 20 воспитанников, положенных по новому Уставу Учебных заведений, утвержденному 8 декабря 1828 г., требовалось увеличения капитала. Лишь 18 февраля 1834 г. Благородный пансион при Симбирской гимназии был торжественно открыт. Он был едва ли не первым в России. Но, тем не менее, дела в нём обстояли не вполне благополучно. Вот почему князь Баратаев ратовал об учреждении учебного заведения в память Н. М. Карамзина вместо монумента, имея в виду основной целью такой меры составление приличного капитала для лучшего устройства и прочного содержания Пансиона.

М. П. Баратаев в желании учредить учебное заведение в честь Н. М. Карамзина не был одинок. Его поддерживал и А. И. Тургенев, который в письме к князю П. А. Вяземскому 18 мая 1837 г. из Москвы сетовал, что министр внутренних дел Д. Н. Блудов настоял на памятнике по проекту С. И. Гальберга. «В бытность мою в Симбирске, – писал А. И. Тургенев, – пока я и многие другие благонамеренные желали и на-

деялись, что обелиск не состоится, и что наконец согласятся на желание нашего большинства употребить весь капитал на учреждение десяти или двенадцати карамзинистов при гимназии, где бы в зале поставить и бюст Карамзина, я хотел присоединить мою сумму на содержание одного или двух тургенистов; но когда состоялся доклад о памятнике, я послал его в Симбирск, но все еще помышлял об одном или двух карамзинистах и об одном тургенисте из сей суммы, полагая, что будет значительнее. У меня были уже для сего ввиду и кандидаты в Симбирске» [29, с. 16–17].

Следует к этому добавить, что дворяне, желая соорудить в Симбирске памятник Н. М. Карамзину и получив на это Высочайшее соизволение, на собрании 15 августа 1833 г. размышляли о том, «какой именно памятник был бы согласнее с благотельным влиянием полезной деятельности Карамзина на умы и образование своих сограждан». Они решили, что лучшим памятником Карамзину будет строительство здания, «в котором поместить изваяние сего представителя просвещения России и библиотеку для общего употребления жителей Симбирска» [36, л. 81–82]. Для этого они разработали проект, составленный губернским архитектором Иваном Николаевичем Лизогубом. В проект архитектор кроме библиотеки включил и здание пансиона со строением под размещение его служащих [36, л. 75а–77б].

Вероятно, выдвигая свой проект, дворяне Симбирской губернии, как сторонники библиотеки, так и сторонники учебного заведения, хотели воспользоваться удобным случаем и средствами, поступавшими к ним по Всероссийской подписке на памятник Карамзину, полагая при этом, что польза от такого проекта будет несравненно больше, чем от монумента.

Идея создания библиотеки давно присутствовала в симбирском обществе. Ещё в мае 1831 г. М. П. Баратаев по просьбе губернатора А. Я. Жмакина (1780–1850) представил подробнейшие соображения по устройству публичной библиотеки. Эти предположения Баратаева впоследствии послужили основой для устава открытой в апреле 1848 г. общественной библиотеки. Дворяне решили учреждаемую библиотеку назвать Карамзинской в память знаменитого уроженца Симбирской губернии, имевшего огромное влияние на распространение просвещения в России, на что 16 октября 1846 г. последовало Высочайшее соизволение. На первом заседании Комитета Карамзинской общественной библиотеки М. П. Баратаев был избран в её почётные члены.

На заявленные симбирскими дворянами проекты по созданию библиотеки и учебного заведения вместо монумента Н. М. Карамзину от

министра внутренних дел последовал отрицательный ответ. В отношении к симбирскому губернатору И. С. Жиркевичу 2 ноября 1835 г. Д. Н. Блудов пояснял свои возражения: сооружение здания библиотеки и приобретение для неё книг потребует значительного капитала, которого не имеется; памятник, который будет находиться внутри помещения библиотеки, не всякому и не всегда может быть доступен, тогда как «главнейшая цель оного есть то, чтобы в нем передать потомству видимый знак глубокого уважения и живейшей признательности русских к заслугам их незабвенного соотчича». Насчёт учебного заведения министр ответил: сколько ни была похвальна мысль учредить его с именем Карамзина, но «к крайнему сожалению едва ли может быть приведена в действие, как по неимению на то достаточного капитала, так и по тому, что высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Карамзину в г. Симбирске» [36, л. 225–226 об.].

Рассуждения дворян, и в том числе М. П. Баратаева, относительно характера и назначения возводимого памятника (представляющего собой комплекс из учебного заведения и публичной библиотеки) были созвучны с просветительскими воззрениями и идеями Н. М. Карамзина. Последний придавал первостепенное значение проблемам «просвещения русского народа, воспитания юношества, возвышению национальной гордости, пробуждению самостоятельности в общественной деятельности» [31, с. 3]. Отношение к этим вопросам Карамзин красноречиво отразил в статьях, напечатанных в 1802–1803 гг. в журнале «Вестник Европы». В них он пишет о необходимости нравственного образования России, которое, по его мнению, «есть корень государственного величия и без которого самые блестящие царствования бывают только личною славою монархов, не Отечества, не народа». Изъясняясь по поводу подготовки нового поколения учителей, он отмечал, что «успехи просвещения должны более и более удалять государства от кровопролития, а людей от раздоров и преступлений: как же благородно ученое состояние, которого дело есть возвышать нас умственно, морально и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствий» [46, с. 322]. В распространении науки в России Н. М. Карамзин видел одно из основных средств развития гражданственности и достижения общего благосостояния. Научное знание, считал он, «необходимо для человека и гражданина, если он желает называться просвещенным» [24, с. 262].

Историк-публицист сочувствовал предпринимаемым Александром I мерам по улучшению народного образования и приветствовал вновь

учреждаемые в соответствии с принятым императором 24 января 1803 г. указом приходские (сельские) училища, которые способствовали распространению школьного обучения среди крестьян.

Карамзин считал, что российское дворянство может проявить человеколюбие в новом деле заведения приходских (сельских) училищ в России и «доказать свое усердие к Отечеству», «доказать, что польза общая нам всего любезнее». «Дворянство никогда не упало там, где оно любило жертвы для общего блага», – с уверенностью заявлял Карамзин в одной из своих ранних статей [23, с. 53–55].

Свою позицию на значительную общественную и нравственную пользу от благотворительности дворянства Карамзин открыто высказывал в статье «О верном способе иметь в России довольно учителей». Он подал мысль иметь в каждом учебном округе от 300 до 500 воспитанников на казенном или общественном содержании для замещения достойнейшими из них учительских должностей. «Патриотическая ревность нашего дворянства и купечества может в сем случае обнаружиться с блеском и существенною пользою, чтобы не отягощать казны издержками. Благодеяние есть потребность нежной души: чем предмет его вернее и спасительнее, тем оно должно быть усерднее» [46, с. 323]. Вместе с тем, Карамзин побуждал дворян к пожертвованиям на развитие народного просвещения. «Пусть богатый человек, – писал он, – достойно славится тем, что его благотворительность воспитывает десять или двадцать молодых людей при Университете: другой не менее его может радоваться мыслию, что, уделяя нечто от плодов своего трудолюбия, даст хотя *одному* сыну бедного мещанина средство учиться и быть полезным гражданином. Благодеяние такого рода *бесконечно*, и следствия его переживут наших внуков: ибо всякой образованный ум, действуя на современников, действует и на потомство, которое не особенным откровением, а нашими мыслями и сведениями должно просветиться» [46, с. 324].

Подобных взглядов на просвещение и науку придерживался и князь М. П. Баратаев.

В заключение отметим, что данное исследование, направленное на показ предполагаемых связей князя П. М. Баратаева и очевидных свидетельств знакомства и соприкосновений М. П. Баратаева с Н. М. Карамзиным, дополняет и расширяет круг знакомств последнего, тем самым вводит в карамзиноведение новые исторические персонажи.

Литература и источники

1. Архив графа Игельстрома // Русский архив. – 1886. – № 11.
2. Беспалова Е. К. Архив симбирской масонской ложи «Ключ к Добродетели» в фондах Государственного архива Российской Федерации // V Сытинские чтения. Материалы Всероссийской науч. конф. «История и культура Поволжья в микроисторическом измерении». – Ульяновск, 2010.
3. Беспалова Е. К. К вопросу о связях Н. М. Карамзина с московскими мартинистами // Карамзинский сборник. «По чувствам останусь республиканцем...». Реформы и революция как способ мироустройства сквозь призму карамзинской эпохи. Сб. материалов Всероссийской науч.-практической конф. (Ульяновск, 6–7 декабря 2017 г.). – Ульяновск, 2018.
4. Беспалова Е. К. Новые источники по истории Симбирской масонской ложи «Златой Венец» и участия в ней Н. М. Карамзина // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. Вып. 16. – Ульяновск, 2018.
5. Беспалова Е. К. Памятник Н. М. Карамзину в Симбирске. История создания по документам, письмам и периодическим изданиям. – Ульяновск, 2016.
6. Ведомости и известия Военной коллегии. 1756 г. // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 456.
7. Ведомости об офицерах. 1754–1755 гг. // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 419.
8. Ведомость Приказа общественного призрения в Главное училищное правление с открытия по 1788 г. // РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1184.
9. Горгидзе М. Грузины в Петербурге. – Тбилиси, 1976.
10. Григорович Н. Канцлер Князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. I. 1747–1787 // Сб. Императорского Российского исторического общества. – Т. 26. – СПб., 1879.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 199.
12. ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 491.
13. ГАРФ. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 6.
14. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 656. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАУО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 9.
16. ГАУО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 20.
17. ГАУО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 30.
18. ГАУО. Ф. 656. Оп. 2. Д. 6.
19. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В 3-х чч. Изд. М. А. Дмитриева. – М., 1866.
20. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. – М.: Новое литературное обозрение, 1998.
21. Записки И. С. Жиркевича // Русская старина. – 1890. – Т. LXVII. – Июль.
22. Именной список дворянам Симбирской губернии, внесенным в родословную книгу. Рукопись. Отдел редких книг и рукописей Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В. И. Ленина.
23. Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. – 1803. – № 5. – Март.
24. Карамзин Н. М. О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. – 1803. – № 23–24.
25. Книга дел по Симбирской губернии. 1785 г. // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 730.
26. Копии постановлений Правительствующего Сената от 1 ноября 1750 г., 8 марта и 2 мая 1751 г. об определении грузинских и имеритинских князей и дворян на службу

- Её императорского Величества и о пожаловании князю Мельхиседеку Баратаеву ранга титулярного советника за участие в битве при осаде Дербента // ГАУО. Ф. 656. Оп. 2. Д. 6.
27. Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Т. I. Изд. 2-е. – СПб.: Изд. А. С. Суворова, 1895.
 28. Лонгинов М. Н. Филантропическое издание Типографической Компании (1786) // Современник. – 1857. – Т. LXVI. – № 8. – Отд. 5. «Библиографические записки».
 29. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. IV. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1837–1845. Изд. Графа С. Д. Шереметева. Под ред. и с прим. В. И. Саитова. – СПб., 1899.
 30. Осмнадцатый век. Исторический сборник, издававшийся П. Бартевым. Т. II. – М., 1869. .
 31. Очерк деятельности и личности Карамзина (читан академиком Я. Г. Гротом в торжественном собрании Императорской Академии наук 1 декабря 1866 г. // Санкт-Петербургские ведомости. – 1866. – № 323. – 4 (16). – Дек.
 32. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (далее – ПСЗ). Т. XX. С 1775 по 1780 г. № 14.392 от 7 ноября 1775 г. – СПб., 1830.
 33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 522. Оп. 1. Д. 4.
 34. РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1184.
 35. РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 392.
 36. РГИА. Ф. 1284. Оп. 18. Д. 51.
 37. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 157. Архив Н. М. Лонгинова. № 23606/CLXXI б 20.
 38. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 231/2. К. 11. Д. 1.
 39. РО РГБ. Ф. 231/1. К. 17. Д. 18.
 40. Русский архив. Историко-литературный сборник. Вып. 1. – М., 1863.
 41. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2002. Энциклопедический словарь. – М., 2001.
 42. [Сообщение] «Из Веймара, Ноября 12 «н<ового> ст<илия>» [1825 г.] // Московские ведомости. – 1825. – № 99. – 12 дек.
 43. [Сообщение] «Из Симбирска от 3 марта» [1826 г.] // Московские ведомости. – 1826. – № 26. – 31 марта.
 44. [Сообщение] «Из Симбирска от 3 марта» [1826 г.] // Северная пчела. – 1826. – № 34. – 20 марта.
 45. [Хроника из Санкт-Петербурга, 26 мая 1826 г. Вчера, 25-го, происходило в Александро-Невском монастыре погребение тела Н. М. Карамзина...] // Московские ведомости. – 1826. – № 45. – 5 июня.
 46. Ц. Ц. [Карамзин Н. М.] О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. – 1803. – № 8. – Апр.
 47. Vakunina T. Le répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIII et XIX siècles)». – Брюссель. 1940.

**МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ г. СИМБИРСКА
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

Памятные книжки, статистические обозрения и адрес-календари Симбирской губернии являются официальными справочными источниками, содержащими сведения о структуре государственных и общественных учреждений, а также сведения о повседневной жизни губернии. Из издававшихся на протяжении почти 60 лет «Памятных книжках Симбирской губернии» (с середины XIX в. до 1916 г. включительно) сегодня сохранились 24 выпуска.

В исследуемый период 1860–1916 гг. число жителей Симбирской губернии постоянно росло, а вместе с ним выросло и число мусульман с 6,5 % до 9,5 % от общего населения губернии. В г. Симбирске татарское население также заметно увеличилось с 1,3 % до 6,15 %, что говорит о постоянном развитии губернского центра и интересе к нему со стороны татарский элиты.

Симбирские татары-дворяне

Первые поместья «служилых татар» находились на территории нескольких уездов Симбирской губернии. В Государственном архиве Ульяновской области сохранился список из 50 татарских фамилий, наделённых поместной землёй: «В июне 1690 года в Симбирском уезде из порожних земель выделены поместья мурзе Умралею Степанову сыну Мамалаеву 100 четвертей, а товарищам его 49 человекам, по 50 <...> И лес, и угодья отказать (т. е. «узаконить». – *Прим. автора*) им всем вообще в поместья и со всеми угодья» [8, с. 167–188]. Данный список является уникальным источником образования татарской части симбирского дворянства. За два века численность национального дворянства значительно сократилась вследствие стремления власти к христианизации «инородцев». «Семьи, принявшие крещение, остались в дворянских родословных книгах, а семьи, сохранившие мусульманство и обедневшие, остались государственными крестьянами и не могли представить доказательств, удовлетворявших Герольдию (хотя теоретически сохраняли право дальнейшего доказательства дворянства)» [4, с. 9]. Один из примеров – древняя ветвь Тенишевых (Исеша, Емаша, Сафар), впоследствии принявшая христианство и сохранившая дворянский титул в отличие от своих мусульманских родственников [3, л. 13 об. –14].

К началу XX в. среди большого числа симбирских дворян процент татар был ничтожен, и, скорее всего, мусульмане были личными дворянами, получившими титул за собственные гражданские заслуги. В дореволюционный период в родословных книгах числились мусульмане Алеевы, Искаковы, Шариповы. Дворянами других губерний значились Х. Х. Ассанович [6, 1910, с. 56], М. А. Еникеев и М. В. Еникеева [2, № 963, 623].

Татары-дворяне не обладали высоким экономическим статусом в своей общине, отличались уровнем образования, владели русским языком, некоторые из них были представлены в учреждениях губернского центра. Так, Еникеев Абдул Салихович – губернский секретарь [6, 1868, с. 42], коллежский секретарь казенной палаты Министерства финансов [6, 1869, с. 48], казначей, надворный советник Буинского уездного казначейства [6, 1875, с. 213; 1877, с. 60]; Еникеев Ибрагим Абдуллович – коллежский регистратор казенной палаты Министерства финансов [6, 1901–1902, с. 84]; Ассанович Хусаин Хасанович – гласный Городской думы, член исполнительной училищной комиссии при Городской управе [6, 1910, с. 37].

Татарское духовенство

Духовенство также можно отнести к привилегированному сословию. В 1914 г. в губернии насчитывалось около 11 тыс. православных священников и 859 представителей магометанского духовенства. В г. Симбирске была одна мечеть и 4 представителя духовного сословия. Это род указного муллы Абдул Вели Гафарова, наиболее стабильно представленный в «Памятных книжках». С 1868 г. он являлся действительным членом статистического комитета Губернского по крестьянским делам присутствия [6, 1868, с. 42]. В конце 1880-х гг. его на этом посту традиционно сменил сын. Ахун Мухамет-Шакир Велиуллинович Гафаров руководил медресе при мечети, в 1893 г. ему была пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте. Известно, что в 1904 г. мулла М. Ш. Гафаров работал также законоучителем в Симбирском кадетском корпусе, что говорит о некотором количестве обучавшихся в нём кадетов-мусульман. В 1912 г. должность члена статистического комитета перешла к мулле Абдул Кариму Гафарову. Таким образом, фамилия Гафаровых до самой революции представляла магометанское вероисповедание в Духовном ведомстве губернии.

Татары-купцы

Купечество в 1860-е гг. составляло незначительный процент населения Симбирского края и насчитывало в трёх гильдиях 460 человек, в

1880–1890-е гг. численность его увеличилась и достигла максимальной величины – свыше 700 человек. В последующий период эта цифра несколько снизилась, а затем (на рубеже и в первое десятилетие XX в.) стабилизировалась в пределах 500–600 человек [1, с. 15]. Купцы составляли наиболее активную в экономическом отношении часть населения и подпитывались выходцами из других сословий. На протяжении XIX в. в гильдейское купечество записывались дворяне, бывшие чиновники, государственные крестьяне. Татары занимали значительное место в торговой и предпринимательской сфере губернии, так, в 1868 г. из 141 симбирского купца 1-й и 2-й гильдии 37 были татарами.

За более чем полуторавековой период существования образ купца изменился до неузнаваемости. В конце XVIII в. купеческое сословие состояло из торгующего крестьянства, в большинстве неграмотного, не умевшего подписывать купчие крепости и другие финансовые документы, работающего под «честное купеческое слово». Гораздо дальше пошли их дети. Второе и третье поколение купцов и промышленников, работавших в конце XIX – начале XX вв., было образованным, активным, предприимчивым, легко впитывало западный опыт и идеи. Ручное деревенское производство они заменили машинной техникой, вышли со своими товарами на мировой рынок. Татарские купцы участвовали в общественной жизни губернского центра и до 1918 г. были движущей силой татарской общины, вкладывая средства в её развитие. «Городовое положение» 1870 г. ввело городские думы (законодательный орган) и управы (исполнительный орган). По закону (имущественному цензу) избирательные права принадлежали состоятельным гражданам, владельцам недвижимостью или предприятиями, торговцам и купцам. В Симбирской городской думе большинство гласных были представителям гильдейского купечества, но татарские фамилии в Думе появились лишь с 1909 г.

По данным «Памятных книжек», наибольшее число татарских фамилий, занятых в работе тех или иных симбирских учреждений принадлежало купечеству. Этот список начинается с середины 1870-х гг. с фамилий многочисленной семьи Акчуриных. В «Памятной книжке» 1875 г. действительным членом губернского статистического комитета становится Акчурин Андрей Семёнович (Абдрашит Сулейманович. – *Прим. автора*), а гласным от Карсунского уезда в губернской земской управе избран Тимофей (Тимербулат. – *Прим. автора*) Курамшевич Акчурин. Кроме того, членом учётного и ссудного комитетов Симбирского отделения Госбанка, а также членом правления симбирского Общества взаимного кредита до своей смерти в 1878 г. являлся Хасан Сулеймано-

вич Акчурин. Все они – крупные землевладельцы, купцы 1-й гильдии, потомственные почётные граждане, владельцы суконных фабрик в д. Самайкино, д. Ляховке, с. Гурьевке, «Торгового дома вдова Акчурина с сыновьями» в Симбирске.

В 1880-е гг. представительство татар в общественных органах управления сводится к члену статистического комитета А. В. Гафарову. Лишь в 1889 г. в Симбирском губернском податном присутствии от Карсунского земства вновь появляется фамилия Тимербулата Курамшевича Акчурина.

О 1890-х гг. судить трудно, т. к. «Памятные книги» за этот период не сохранились. Начало XX в. в Симбирской губернии отличалось интенсивным развитием, уездные города разрастались, значительно увеличилось количество ведомств, органов управления, банков, частных кредитных учреждений. К прежним татарским суконным фабрикам Акчуриных, Алеева и Хусаинова добавились новые промышленные предприятия: суконные фабрики Б. Ш. Юсупова, А. А. Агишева, Х. Ф. Трегулова, У. А. Кильдеева, мыловаренные заводы И. А. Алимova, позже М. М. Тенишева, лесопильный и чугунолитейный заводы Акчуриных, Тенишевых. В списке крупных землевладельцев губернии появились новые фамилии И. Х. Алеева и Ш. Г. Муллина. Активизировалась деятельность в татарских общинах, шел процесс создания мусульманских благотворительных обществ, росло число мечетей и мектебов. Становится популярным коммерческое образование. Впервые в Симбирском коммерческом училище нештатным преподавателем правил магометанского вероучения назначен Мирзасалих Нугайбеков, который проработал в училище до 1917 г.

1900-е гг. характеризуются сменой поколений в татарской элите и появлением новых имён. В первую очередь, это Якуб Тимербулатович Акчурин, избранный членом губернского по фабричным делам присутствия. Материалы «Памятной книжки» 1910 г. впервые дают сведения о татарах-гласных Городской думы XI четырёхлетия (1909–1912): Хусаин Хасанович Асанович (училищная, ревизионная, по выработке системы счетоводства комиссии), Карим Шамшетдинович Абушаев (санитарная и ломбардная комиссии), Шигабутдин Гафарович Гафаров (ярмарочная, больничная комиссии). Таким образом, из 44 гласных и 9 кандидатов Симбирской городской думы 3 были татарами.

Здесь уместно более подробно охарактеризовать новых гласных Симбирской Думы. О дворянине Х. Х. Асановиче было сказано выше. К. Ш. Абушаев – выходец из известной семьи купца 2-й гильдии

Ш. Абушаева, которая занималась торговлей, плодоводством и сельским хозяйством, за что имела награды. Карим Шамшетдинович был также коннозаводчиком, владел магазинами «Китайских чаёв, сахара и кофе Ш. Абушаева», занимался благотворительностью. К 1917 г. Карим Абушаев подтвердил свою успешную деятельность и стал купцом 1-й гильдии. Также гласным из татар был симбирский купец Ш. Г. Гафаров, учредитель мусульманского общества Симбирского уезда (1908–1909). Надо сказать, что татарские представители в Симбирской городской думе в разные периоды работы большой активности не проявляли, вопросов, касающихся национальной жизни, не поднимали. Самым добросовестным гласным был К. Ш. Абушаев, но и он из 130 заседаний посетил лишь 35 [7, с. 17]. Скорее всего, татарские купцы не видели в Думе пользы для татарской общины и самостоятельно решали её проблемы, лишь по мере необходимости участвуя в решении общегородских задач.

Кроме гласных Городской думы, в «Памятных книжках» и «Адрес-календарях» появляются и другие татарские фамилии. Личный почётный гражданин Мухамет Тенишев был членом Комитета (учетно-ссудного по кредитам торговым и промышленным предприятиям) Симбирского отделения Госбанка, а Мубин Тенишев – членом учётного комитета Симбирского отделения Волжско-Камского коммерческого банка. Мубин и его отец Мухамедзян Тенишевы многие годы вели дела и были доверенными купца Тимербулата Акчурина. Кроме того, братья Тенишевы владели мыловаренным заводом в г. Симбирске, а позже – чугунолитейным и механическим заводами в Симбирском уезде.

В последний дореволюционный период, в 1910-е гг., в органах самоуправления сохраняли свое участие Я. Т. Акчурин, К. Ш. Абушаев, А. К. Гафаров, М. М. Тенишев. В новый состав Городской думы XII четырёхлетия были избраны Ибрагим Курамшевич Акчурин, Зариф Серазетдинович Бахтеев, Абдул Кадыр Гафарович Гафаров. И. К. Акчурин также представлял Городскую думу в Общем присутствии Казённой палаты по промысловому налогу. Это был наилучший состав татарских представителей, когда в Симбирской думе стали рассматриваться общественные проблемы татар: об отводе места для постройки мусульманской школы (1912), о назначении пособия на содержание мусульманской школы (1914), о постройке второй мечети (1914), о постройке лавок под торговлю мясом для мусульман (1915), о выделении денежного пособия на содержание мусульманских школ (1917), об открытии мусульманских школ (1917) [7].

О гласных можно сказать следующее. Имя И. К. Акчурина как обще-

ственного деятеля широко известно. Он закончил Симбирский кадетский корпус, владел несколькими иностранными языками, принимал активное участие в татарском национальном движении, был представлен на съездах партии «Иттифак аль-муслимин». О высоком авторитете Ибрагима Акчурина в мусульманском мире Российской империи говорит и тот факт, что в июне 1915 г. он был кандидатом на должность муфтия России. З. С. Бахтеев – человек нового поколения татарских деловых людей, активно проявивший себя как в бизнесе, так и в общественной деятельности. В 1911 г. Бахтеевы вошли в «Общество суконных фабрикантов России», объединивших 46 крупных представителей отрасли [5, с. 15]. Зариф Бахтеев ратовал за светское образование для мусульман, в том числе для девочек. Татарские «думцы» добились государственного субсидирования татарской школы, а Зариф Бахтеев стал председателем совета школы [9, с. 50–56]. Он участвовал в создании Симбирского благотворительного мусульманского общества, призванного поддерживать начинания в сфере культуры, образования и духовной жизни. О гласном Думы А.-К. Г. Гафарове известно пока мало. Он был выходцем из состоятельного торгового крестьянства, коммерсантом, активным членом Симбирского мусульманского общества. Летом 1918 г. А. К. Гафаров был введён в Городскую управу, вошёл в список кандидатов от партии «Союз возрождения России», но выборы в Симбирскую думу тогда провалились.

Татарские купцы выполняли общественные нагрузки, например, назначались присяжными заседателями (Шарипов, Мангушев, Насыров, Рафиков и др.), занимались сами и привлекали других к участию в мусульманских обществах (Ассанович, Хусаинов, Хамидуллин, Еникеев, Ишуков и др.), стремились к получению за работу наград и почётных званий. Представители купечества активно поддерживали национально-просветительскую деятельность, что на тот момент было первостепенной задачей в развитии татарской общины.

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что татарские фамилии в правительственных, сословных и общественных учреждениях Симбирска встречались довольно редко. Связано это было с привычной обособленностью жизни татарских общин, преобладающим в них конфессиональным образованием, слабым владением русским языком большинства населения. Однако татарское купечество стремилось к открытости и дальнейшему включению населения в общероссийское правовое поле и деловую жизнь. Вместе с тем, именно купцы, вкладывая свои средства в образование, благотворительность и поддержку духовенства,

способствовали сохранению этнической самобытности, становлению и развитию собственных национальных институтов.

Литература и источники

1. Галимова Л. Н. Мир провинциального купечества. Купечество города Симбирска во второй половине XIX – начале XX века: социально-бытовой аспект – М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. – 224 с.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 137. О. 35. Д. 564, 565. Раскладочные ведомости налога с недвижимых имуществ города Симбирска на 1915 год.
3. ГАУО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 362. Л. 13 об.–14.
4. Еникеев С. Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа: Гилем, 1999. – 355 с.
5. Ефимов Ю. Д. Очерки истории суконной промышленности Симбирской губернии конца XIX – начала XX вв. / Ю. Д. Ефимов. – Ульяновск: Стрежень, 1993. – 66 с.
6. Календари и памятные книжки Симбирской губернии (1863–1916 гг.) – Симбирский губернский стат. комитет. – Симбирск: Симбирская губернская типография.
7. Краткий обзор деятельности Симбирской городской думы в 1909–1912 гг. (XI четырёхлетие). – Симбирск: тип. Балакирщикова, 1913. – 53 с.
8. Новеньков К. И. Земельный вопрос служилых татар деревни Старое Тимошкино Симбирской губернии в XVIII–XIX вв. / Юсуф Аккура и симбирские купцы Акчурины: сб. статей. – Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2017. – 336 с.
9. Таиров Н. И. Татарские предприниматели и школьное образование в Поволжье и Приуралье // Новый исторический вестник. – 2008. – № 18.

Т. А. ГРОМОВА

НЕУТВЕРЖДЕННЫЙ ГЕРБ ДВОРЯН ТЕРЕНИНЫХ*

Одной из актуальных тем в современной геральдической науке является поиск, описание и публикация самобытных и неутвержденных гербов российских дворян, изображения которых иногда встречаются на надгробьях, фронтонах старинных дворянских особняков, а также в музейных собраниях на личных печатях, предметах мебели, посуде, владельческих знаках в книгах, документах и часто являются единственными дошедшими до нас источниками, более нигде не сохранившимися.

В фотодокументальном фонде Ульяновского краеведческого музея хранится «Свидетельство конного завода наследников Михаила Николаевича Теренина» (УКМ – 58039), выданное в 1913 г. на вороного жеребца Магнита. Документ представляет собой типографский бланк черно-белой печати размером А3 с рамкой по краю. Ее верхняя часть изящно оформлена. Большую часть документа занимает рукописный текст с родословной лошади. Над текстом размещены три главных

Фрагмент Свидетельства конного завода
наследников Михаила Николаевича Теренина

награды завода Терениных – медали, полученные на Всероссийских выставках¹. По углам в верхней части рамки две лошадиные головы, обращенные друг к другу. Между ними по центру рамки венчающий весь документ рисунок дворянского владельческого герба Терениных в обрамлении лавровых ветвей.

Поскольку рисунок герба черно-белый, цвета полей и гербовых элементов изображены штриховкой. Их прочтение позволяет составить следующее описание герба: «Щит (в виде растянутой шкуры) разделен на четыре части, из коих в первой в лазоревом поле изображены в виде треугольника три шестиугольные серебряные звезды. Во второй части в золотом поле две скрещенные стрелы острием вверх, над ними дворянский рыцарский шлем с гребнем, повернутый вправо. В третьей части в пурпуровом поле серебряная крепость. В четвертой в золотом поле из облака, выходит облеченная в латы рука, держащая меч. Щит увенчан дворянским шлемом и короною с тремя страусовыми перьями. Щитодержатели вольно гуляют у щита: с правой стороны львиный леопард выходящий, с левой стороны – фантастический орел сидящий». Лавровые ветви по обе стороны герба, вероятно, призваны заменять отсутствующий намет. Ни в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи», ни в «Сборнике Высочайше утвержденных дипломных

¹ Слева – императорский приз от Императорского московского общества охотников конского бега. В центре – почетный отзыв, полученный на Научной Казанской промышленной выставке 1890 г. Справа – Орловский приз «В память столетия основания рысистой породы гр. Орлова-Чесменского».

гербов российских дворян» подобного герба нет, как и любого другого, относящегося к фамилии дворян Терениных. Отсюда вывод – перед нами неутвержденный дворянский герб.

Упоминания о дворянах Терениных редко можно встретить не только в российской геральдической литературе, но и в дворянских родословных сборниках. А между тем, из разных архивных источников известно, что род этот достаточно древний, упоминается в отдельных документах XVI в. по Новгородской Деревской пятине и Москве, в XVII в. был отмечен в Среднем Поволжье. О земельных владениях Терениных в Алатырском уезде (на территории будущей Симбирской губернии) говорится в акте 1638 г., где речь идет о распоряжении алатырского уездного воеводы Федора Ивановича Нащокина, данного казачьему сотнику Измаилу Митюрину и площадному подъячему Терентию Аникееву провести земельный раздел между служилыми татарами с. Сафаджай¹. Раздел предполагал их совместное пользование окрестным лесом. В документе, в частности, говорится: «...А в лес им ездить со старыми помещици вместе в мордовской и черемисской до Суры реки и за Сурью по правой и по левой стороне верст по десять и всякими лесными угодьями (пользоваться?): бревна и лупья, опричь бортнова дерева. Через поля алаторцов детей боярских: Семена и Обоима Терениных, <...> Василия Теренина и других»².

Следующее упоминание о Терениных относится к правлению царя Алексея Михайловича. По его грамоте в 1671 г. алатырцу Михаилу Семеновичу Теренину за его службу в войну с поляками пожаловано было поместье в вотчину в Алатырском уезде³. В 1684 г. в числе алатырских помещиков называется его правнук чебоксаренин Федор Лукич Теренин: «192 года, ноября 15 дня, в деревнях Ратове и Жукове и на Сурской переловоке поместья: Федора Кольцова 55 четей, брата его Василия Кольцова 11 1/2 четей, Федора Теренина 20 1/2 четей»⁴. В 1700 г. Ф. Л. Теренин вел в Чебоксарском уезде отводные и межевые книги. Он, вероятно, не имел наследников, и вся его алатырская и чебоксарская вотчина перешла

¹ Татарское с. Сафаджай (Сабачи, с 1940 г. Красная Горка) Пильнинского р-на Нижегородской обл. основано в 1451 г. служилыми татарами.

² С. Б. Сенюткин, О. Н. Сенюткина. История татарской деревни Сафаджай – Красная Горка в XV–XX века Сайт: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?4091>. Заходила 08.07.18.

³ Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г. с алфавитным указателем и приложением. Сост. М. П. Чернявским. – Тверь, 1869. – С. 229.

⁴ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Архив П. С. Таушева. Т. 5. – Симбирск, 1912. – С. 134, 291.

племяннику, сыну брата Гаврилы Лукича Теренина Осипу Гавриловичу, а от него его детям и последующим потомкам.

Из родословной росписи Терениных известно, что у Осипа Гавриловича Теренина были сыновья Василий (1730–1774), Кузьма (1734–1774), Михаил и Гаврила. Двое из них, сержант Кузьма и прапорщик Василий Теренины, были убиты в 1774 г. пугачовцами на экономическом винокуренном заводе в Алатыре¹. Михаил Осипович в чине премьер-майора в 1780 г. указан среди помещиков Курмышского уезда Симбирского наместничества². Из детей О. Г. Теренина известно потомство Кузьмы Осиповича – сыновья Михаил³ и Алексей⁴, дочь Елена.

После выхода в апреле 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству» и указа Екатерины II о заведении в наместничествах дворянских родословных книг капитан Михаил Кузьмич Теренин в 1795 г. подал прошение о внесении его как представителя древнего рода в 6 часть ДРК Тверского наместничества⁵, а в 1825 г. – в ДРК Казанской губернии вместе с сыном Николаем. К этому времени он имел чин 5 класса. И хотя Казанское дворянское депутатское собрание вынесло положительное решение, зная давнюю историю рода Терениных, Временное Присутствие Герольдии его не утвердило. В докладе Присутствия было записано: «...указом от 29 октября 1843 г. за № 5054 дало знать собранию, что из документов, представленных коллегии о роде Терениных, видно, что Федору Лукичу Теренину за заслугу предков и его по грамоте 1695 г. пожаловано поместье в Алатырском уезде в деревне Медяны и бывшая во владении его земля в Чебоксарском уезде при деревне Петиной, и что имение это

¹ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 183. Л. 247.

² Создание Симбирского наместничества. Курмышский уезд. 1780 г. <http://archeo73.ru/Russian/18vek/gubernia1780/curmymch.htm/>

³ Теренин М. К. (1767–29.01.1826, Введенская слобода), потомственный дворянин, в 1794 г. – капитан, ассессор Палаты уголовного суда Тверского наместничества, в 1822 г. – провиантмейстер 5 класса, коллежский советник. Являлся землевладельцем Тверской, Симбирской и Казанской губерний. После отца К. О. Теренина, дяди М. О. Теренина и брата А. К. Теренина унаследовал недвижимое имение в Алатырском уезде Симбирской губернии и Чебоксарском уезде Казанской губернии. Жена: княжна Елизавета Петровна Баратаева (16.07.1786–1850, Киять, Богоявленская церковь), дочь генерал-поручика П. М. Баратаева (1734–02.09.1789, Симбирск, Покровский монастырь) и Е. С. Назимовой (1765–1802).

⁴ Теренин А. К. (1770–20.04.1813) начал службу вахмистром конной гвардии, участник Отечественной войны 1812–1814 гг., в чине подполковника командовал 3-м Новороссийским драгунским полком, награжден орденами: Святого Георгия 4 ст. – 4.02.1807 г., за Бородинское сражение – Святой Анны 2 ст. с алмазами и золотой шпагой «За храбрость». Погиб в сражении под Лютценом (Гроссгёршен) в 1813 г.

⁵ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 4061. «По доказательству дворянства капитана Михаила Кузьмина Теренина». Начато 15.09.1795, окончено 19.02.1849 г.

перешло по наследству от Федора к Осипу. Но, чтобы имение переходило по наследству в потомство Федора Лукича Теренина на дворянском праве, доказательств на то ни в списке не прописано, ни особо не представлено; состоит ли оно ныне в роде, или выбыло в посторонние владения, по непредставлению доказательств, не известно. И самое происхождение от Федора Осипа, от Осипа Кузьмы, от Кузьмы Михаила, именуемого чиновником 5 класса, а от него к Николаю, не доказано»¹. Свидетельства же дворян, как сообщалось в указе Герольдии, доказательством в соответствии со Сводом Законов не является. К тому же, М. К. Терениным не было представлено «доказательство о службе или на чин 5 класса». Поэтому Временное Присутствие Герольдии отказало в утверждении Терениных в древнем дворянстве и внесении Михаила Теренина и его сына Николая в 6 часть ДРК Казанской губернии, но не отказало просителю в праве на дворянство по чинам.

В начале 1860-х гг. сын М. К. Теренина надворный советник и кавалер Николай Михайлович Теренин² подал прошение о записи его и трех его сыновей Михаила, Александра и Степана, в ДРК Симбирской губернии с причислением к древнему дворянству, приложив все имеющиеся в распоряжении семьи документы. Среди них копия с отказной книги на отказ в 1730 г. земли при с. Медяны Алатырского уезда прадеду просителя капралу О. Г. Теренину, 7 патентных квитанций с 1754 по 1806 гг. из Алатырской провинциальной канцелярии и Курмышского уездного казачества о платеже его предками податей за имение и других повинностей, доказывающих, что его предки владели недвижимым имением; доверенность дяди просителя А. К. Теренина братьям на управление их родовым имением, 2 патента на чины 6 и 5 класса М. К. Теренина, купчая на проданную землю их предков в Чебоксарском уезде при деревне Петинной, формулярный список просителя и метрические свидетельства его и сыновей, копию о дворянстве из Казанского дворянского депутатского собрания и сумму денег за ведение дел³. Но и эта попытка записаться в древнее дворянство оказалась безуспешной. 14 мая 1865 г.

¹ ГАУО. Ф. 111.45. Оп. 1. Д. 38. Л. 6.

² Н. М. Теренин (02.03.1809–17.04.1870, Киять, Богоявленская церковь), действительный статский советник (1860), из потомственных дворян. В 1828 г. окончил школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, служил в лейб-гвардии Конном полку, участвовал в подавлении Польского восстания (1832), почетный смотритель Буинского уездного училища (1835), с 1860 г. – в отставке. Награды: кавалер орденов Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 3 ст. с бантом, темно-бронзовая медаль в память 1853–1855 гг. на Владимирской ленте и знак отличия беспорочной службы за 20 лет.

³ ГАУО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ. 1–1 об., 3–5, 6 об. –8.

Теренины из Казанской губернии были внесены в 3 часть ДРК Симбирской губернии¹.

Хлопотать же о получении в Герольдии герба, что было сопряжено со значительными материальными затратами, по-видимому, Теренины не пытались. Говорила ли в них обида в связи с отказом утверждения в древнем дворянстве, или просто не видели в этом смысла, или тому иная причина, судить трудно. В этом вопросе они не являлись исключением. Известно, что из 50 тыс. российских дворян только 6 тыс. имело утвержденные гербы². И дело было не в том, что у большинства семей не доставало на это средств. В XVIII–XIX вв., как отмечает О. Н. Наумов: «Многие семьи не использовали гербы при доказательстве достоинства, явно недооценивая их потенциала как знака правового и социального статуса»³.

Н. М. Теренин числился среди наиболее богатых землевладельцев Поволжья, владел 18 тыс. десятин земли. В Свяжском уезде Казанской губернии за ним числилось 800 душ крестьян, каменный дом в Казани. В Буинском уезде Симбирской губернии в селах Киять, Кишак, Утинищи с деревнями он владел 699 душами крестьян, а также одним из лучших в губернии конным заводом, который основал в середине 1840-х гг. Несколько лет подряд Н. М. Теренин входил в Симбирский комитет о губернском коневодстве, его лошади участвовали в рысистых зимних (по льду р. Свяга) и летних конных бегах. В 1853 г. газета «Симбирские губернские ведомости» писала: «1 февраля действительный член Общества любителей конского бега Н. М. Теренин раздал от себя наездникам, ехавшим во время рысистых бегов на призы, прекрасные массивные вызолоченные перстни с надписью "Первый бег в Симбирске 1853 год". Это вдохновило наездников...». В этих скачках бежали лошади Н. М. Теренина Боец и Павлин (выиграл приз, а в 1849 и 1850 гг. выиграл на скачках в Пензе)⁴.

Женой Н. М. Теренина в 1837 г. стала Александра Степановна Стрекалова⁵, «смолянка», в 1836–1837 гг. фрейлина императрицы

¹ Поливанов В. Н. Материалы к истории Симбирского дворянства 1781–1900. – Симбирск, 1900. – С. 43.

² Гербы Дворянских Родов России. Сайт

³ Наумов О. Н. Очерки по русской геральдике: избранные труды. – М.: Старая Басманная, 2014. – С. 356.

⁴ Газета «Симбирские губернские ведомости», 1 февраля 1855 г.

⁵ Стрекалова А. С. (около 1817 – около 1870, Киять, Богоявленская церковь?), дочь генерал-лейтенанта Степана Степановича Стрекалова, казанского военного губернатора, в дальнейшем – сенатора, и дворянки Екатерины Васильевны Стрекаловой, урожденной Давыдовой (19.03.1793–09.10.1823, Санкт-Петербург); внучка Степана Федоровича Стре-

Александры Федоровны, супруги императора Николая I¹. «Была весьма благочестивая во всем, подчинялась влиянию мужа, разделяя его взгляды и понятия».

Имение в Симбирской губернии с усадьбой и конезаводом в с. Киять после родителя унаследовал старший сын Михаил Николаевич Теренин (20.05.1839–1899). С 1856 г. он нес военную службу в лейб-гвардии Конном полку, в 1863 г. в чине штабс-ротмистра вышел в отставку по семейным обстоятельствам. В 1860 г. женился на Александре Петровне Струковой². Брак не был случайным. Мать А. П. Струковой Анна Алексеевна в девичестве Арбузова, как и А. С. Стрекалова, тоже в 1836–1837 гг. была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Возможно, что они были подругами и брак их детей был результатом этой дружбы.

Супруга М. Н. Теренина умерла после 8 лет брака, оставив на попечении мужа двух сыновей: Николая (14.12.1861–?) и Петра (13.10.1863–?). Они стали единственными наследниками ее приданого имения в Екатеринославской губернии и уезде (3817 дес. 599 саж. земли) и в Константиноградском уезде Полтавской губернии (41153 дес. 2307 саж.). В 1875 г. М. Н. Теренин вступил во второй брак с двоюродной сестрой Надеждой Валериановной Дьяковой (1851–1906?) и стал отцом еще четверых детей³.

Карьера М. Н. Теренина сложилась удачно. В 1871 г. его избрали Симбирским губернским предводителем дворянства. Через 2 года он был пожалован в звание камергера Высочайшего двора, получил чин действительного статского советника. В 1887 г. был назначен Симбирским гражданским губернатором, через 2 года произведен в тайные советники и в 1893 г. назначен владимирским губернатором. Скончался М. Н. Теренин 21 ноября 1899 г. и похоронен в с. Киять при Богоявленской церкви в семейной усыпальнице⁴.

калова (1728–1805), статс-секретаря Императрицы Екатерины II, тайного советника, сенатора. Окончила Смольный институт благородных девиц в 1836 г. вместе со своей сестрой Елизаветой Степановной (21 выпуск).

¹ Общий штат Российской империи на 1837 год. I ч. Стр. 49–51.

² Струкова А. П. (23.02.1838–19.04.1868, Киять, Богоявленская церковь), дочь отставного генерал-майора Петра Ананьевича Струкова (14.6.1803–11.05.1881) и Анны Алексеевны Арбузовой (1819–1882), помещиков Екатеринославской губернии.

³ Дети М. Н. и Н. В. Терениных: Михаил (01.03.1879, Симбирск–02.07.1957, Сан-Франциско), Валериан (07.07.1876–?), Елизавета (14.09.1877–?), Надежда (30.08.1881?–24.11.1929, Харбин). Е. М. Теренина была замужем за симбирским дворянином, конезаводчиком, камергером Высочайшего Двора Николаем Федоровичем Беляковым (1861–?), чья подпись стоит под «Свидетельством» на лошадь Магнит.

⁴ Горбунов К. Е., Сивопляс И. Э., Шабалкин А. Ю. Симбирские гражданские губернаторы. – Ульяновск, 2003. – С. 134–139.

Но вновь обратимся к неутвержденному гербу Терениных. Когда он появился и кто был первым его обладателем? Сравнение герба Терениных с гербами родственных им семей выявило его почти зеркальное сходство с дипломным гербом дворян Арбузовых. В трех из четырех частей использованы одни и те же гербовые элементы.

Неутвержденный герб дворян Терениных	Герб дворян Арбузовых
Щит разделен на четыре части, из коих в первой в лазоревом поле изображены в виде треугольника три шестиугольные серебряные звезды. Во второй части в золотом поле две скрещенные стрелы острием вверх, над ними дворянский рыцарский шлем с гребнем, повернутый вправо. В третьей части в пурпуровом поле серебряная крепость. В четвертой в золотом поле из облака, выходит облеченная в латы рука, держащая меч. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, с тремя страусовыми перьями. Щитодержатели вольно гуляют у щита: с правой стороны львиный леопард выходящий, с левой стороны – фантастический орел сидящий.	Щит разделен на четыре части, из коих в первой в золотом поле изображена половина черного двуглавого коронованного орла. Во второй в лазоревом поле в виде треугольника, три шестиугольные серебряные звезды. В третьей части в пурпуровом поле серебряная крепость и над оной луна. В четвертой в золотом поле из облака, облеченная в латы рука, держащая меч. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, с пятью страусовыми перьями. Намет на щите золотой подложенный пурпуром ¹ .

Как видно из выделенных частей текста, в описании обоих гербов сходство налицо. В гербе Терениных отсутствует эмблема первого поля герба Арбузовых – половина черного двуглавого коронованного орла, и введена во второе поле «своя» воинская эмблема – скрещенные стрелы и шлем. Из сходства гербов можно сделать вывод, что герб Терениных не мог появиться ранее 1860 г., то есть до женитьбы М. Н. Теренина на А. П. Струковой, дочери А. А. Струковой, урожденной Арбузовой. С большей вероятностью можно утверждать, что первообладателями герба были Николай² и Петр³ Михайловичи Теренины. Возможно, что А. А. Струкова (Арбузова) заменила братьям умершую мать, а для Ни-

¹ Герб дворян Арбузовых находится в I части «Сборника дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в «Общий гербовник» (С. 45).

² Теренин Н. М. (род. 14.12.1861, СПб. – ?), действительный статский советник, потомственный дворянин Симбирской губ. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета, вступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Уланский полк. В том же году вышел в запас в связи с избранием буинским уездным предводителем дворянства. На посту находился до 1905 г. В с. Киять Буинского уезда Симбирской губ. ему принадлежала усадьба и 3232 дес. 3000 саж. земельных угодий. В 1918 г. эмигрировал из России.

³ Теренин П. М. (род. 13.10.1863, Висбаден –?), статский советник, потомственный дворянин Симбирской губ. В 1884 г. окончил Пажеский корпус, произведен в корнеты лейб-гвардии Уланского полка. С сентября 1887 г. в отставке в чине гвардии поручика. Тетюшский уездный предводитель дворянства с 1890–1901 гг. Действительный член Губернского статистического комитета. С 1904 г. – вице-президент Симбирского общества охотников конского бега. Член Казанского Поземельного Банка в 1913–1915 гг. Жена: (30.08.1902) Екатерина Сергеевна фон Руммель (24.11.1876–?). .

колая Михайловича Теренина являлась еще и крестной матерью (восприемницей при крещении). Герб вполне мог быть сочинен братьями в память о бабушке.

На сегодняшний день при отсутствии сведений о других примерах бытования неутвержденного герба дворян Терениных «Свидетельство конного зезавода наследников Михаила Николаевича Теренина» является единственным подтверждением его существования. И прав В. К. Лукомский, говоря об источниковедческих возможностях гербов: «Специфика герба заключается в том, что он паспортизирует и датирует определенный предмет, сообщая ему наименование владельца и хронологическую дату владения, и тем превращает "немой" материальный памятник в "говорящий" исторический источник»¹.

**Автор выражает благодарность Е. А. Мишину (г. Ростов) за консультативную помощь в написании статьи.*

Л. С. КУЗИНА

ОГНЕННАЯ КАТАСТРОФА В СЫЗРАНИ 1906 г.

В начале XX в. от огня страдали многие российские города, в том числе и достаточно крупные. Выгорали целые кварталы и городские районы, и происходило это из-за отсутствия в них противопожарных водопроводов. Ситуацию усугубляла примитивность пожарной техники того времени, а также недостатки в градостроительстве и уличной планировке. Все это в полной мере относилось к Сызрани, которая уже тогда была крупным транспортным узлом и торговым центром в Поволжье. Несмотря на это, в Сызрани каменных домов было немного. Чаще всего в них располагались государственные или культовые учреждения, находящиеся в центральной части города. А вот на окраинах Сызрань оставалась почти сплошь деревянной и больше напоминала деревню, чем город. В застроенных без всякой планировки кварталах селился самый бедный люд. Лепились друг к другу маленькие дома в два окна. Многие из них были крыты соломой, причем дома соединяли самые обыкновенные деревенские плетни.

¹ Наумов О. Н. Очерки по русской геральдике: избранные труды. – М.: Старая Басманная, 2014. – С. 301.

Сызранская пожарная охрана того времени была немногочисленна и плохо организована. Она не раз приезжала на место происшествия без запасов воды, потому что никто не удосуживался заранее съездить на реку и наполнить бочки. В подтверждение можно привести один из отчетов того времени об итогах проверки пожарной команды: «Из числа трех машин, входящих в пожарный обоз, одна оказалась самой старой конструкции и должна по-настоящему поступить в музей древностей. При испытании действия этой машины рукав лопнул, и вода разлилась по улице. Пожарная команда крайне нерасторопна и находится в полном беспорядке. Ведра оказались помятыми, брезенты порванными, лошади молоды, совсем не объезжены, управлять ими возницы не умеют» [1].

Причина пожара – любовь к варенью

Июнь и начало июля 1906 г. в Среднем Поволжье выдались довольно жаркими. Как свидетельствует городская хроника того времени, днем температура воздуха в течение нескольких недель достигала 30 и более градусов, а дождей почти не было. Неудивительно, что к началу июля в городе установилась пыльная и знойная сушь, во время которой все деревянные строения насквозь были прожарены палящим солнцем и горячим воздухом. Одним словом, окраинные кварталы Сызрани из-за этой жары стали похожи на бочку с порохом.

С чего начался пожар в тот трагический день, окончательно установить так и не удалось. Существует несколько версий возникновения этого события. Из донесения прокурора Казанской палаты Чебышева следует, что «пожар возник 5 июля в половине 2-го часа дня при сильном ветре, во второй полицейской части города, расположенной за речкой Крымзой, ближе к мужскому монастырю на Щепалинской улице во дворе одной вдовы – домовладелицы, которая на погребнице варила варенье и по неосторожности зажгла внутри строения, при большой скученности в этой бедной части города исключительно деревянных строений, при стоявшей тогда жаркой, сухой погоде и сильном ветре, пожар быстро принял огромные размеры и стал распространяться по направлению к вокзалу Московско-Казанской железной дороги» [2].

Из мемуарных воспоминаний актера Павла Орленева следует что, «крестьянка средних лет варила смородинное варенье. В избе же находилась годовалая девочка и, проснувшись, начала громко кричать. Крестьянка побежала к ней и, не заметив, что задела ногой за жаровню, скрылась в избе, а в это время от опрокинутой жаровни успело загореться

крыльцо избы, и сильным ветром стало разносить огонь. Когда бабенка выбежала из избы, сарай и сеновал уже горели во всю» [3].

Из летописи Казанского кафедрального собора следует, что «пожар возник в 12 часу дня, загорелся деревянный дом за рекой Крымзой – Юдина (близ мужского монастыря), как говорят, от неосторожного обращения с огнем во время варки варенья» [4].

Так или иначе, общегородская катастрофа в тот день началась, в общем-то, с пустяка. И если принять версию, что все произошло именно «от варенья», то получается, что в какой-то момент обыватели за огнем просто не усмотрели. Когда пламя перекинулось на расположенные поблизости деревянные строения, незадачливые «варенщики» так и не смогли остановить его своими силами.

Что творилось в Сызрани...

Тут в дело вмешался сильный ветер. За какие-то считанные минуты он перебросил пламя через речку Крымзу, после чего погнал огненный вал в направлении центра города. Затем поднялся вихрь, и от разлетавшихся искр и головней загорелось сразу в нескольких местах, а ветер менял направление, и огонь в течение 6 часов кольцом охватил весь город. «Сила огня была так велика, что на расстоянии 100–150 метров от горевших зданий невозможно было проходить. Пожар не дошел до Казанского вокзала на несколько сот метров, когда ветер неожиданно повернул вправо, и перекинувши огонь через речку Крымзу в другом конце города ближе к зданию Земской управы и женскому монастырю, завернул его в обратную сторону, охватив пожаром всю главную улицу вплоть до старого собора и тюрьмы, которая сгорела уже в 10 часов вечера. В месте поворота огня, на Песчаной и Ильинской улицах погибло особенно много народа, охваченного пожаром со всех сторон. Принять меры к спасению какого-либо имущества не было никакой возможности. Перенесенные из одного дома в другой вещи складывались в каменные кладовые, выносились на площади и в овраг на берега Крымзы. Но все одинаково погибало в огне. Уносившие имущество люди были вынуждены бросать его ради спасения себя и детей» [5]. Некоторые пытались укрыться от пожара в реках, но вода в Крымзе и в Сызранке просто кипела от огня. В те времена в Сызрани было 2 противопожарных бассейна – на Соборной площади у Казанского собора и на Кузнецкой площади около церкви Архангела Михаила. Люди, искавшие в них спасение, просто сварились, таков был жар пожара.

В журнале «Нива» в описании этого пожара говорилось следующее:

«Самый страшный момент настал, когда огонь подобрался к артиллерийским пороховым погребам. Взрывы пороха, грохот разрывающихся снарядов, треск ружейных пуль были последним прощальным салютом погибавшей Сызрани» [6].

Как впоследствии в своих записках рассказывал очевидец этой катастрофы мещанин Иван Труханов, даже среди бела дня зарево сызранского пожара было видно за 90 верст от Сызрани – у г. Хвалынска, что находится ниже по течению Волги [7].

Последствия были ужасны

Из четырех с половиною тысяч домов сгорело более четырех тысяч. Больше 30 тыс. населения провели ночь в полях за городом, сохранив за редким исключением только платье, в котором были до пожара. Этим объясняется гибель всего казенного имущества и дел почти во всех правительственных учреждениях и у должностных лиц. Уцелели, по-видимому, лишь несгораемые сундуки и шкафы в кладовых банков и казначейства. Остались не истребленными пожаром мужской монастырь и крайние за ним улицы, вокзалы Казанской и Сызрано-Вяземской железных дорог и постройки при них, кавалерийские казармы «Новая линия». Уцелела расположенная в верхней части города, параллельно ул. Симбирской, так называемая ул. Новая (ныне ул. Рабочая), где после пожара были временно расквартированы все присутственные места, и заречная слобода – Преображенская, за Сызраном. Ветер был с ее стороны, поэтому она и осталась целой. Сохранилась так же пристань на Волге. Но местность, называемая Жареный бугор, которая весной представляет остров, отделённый водой от города, вся выгорела.

Разрушены пожаром 9 церквей: Ильинская, Никольская, Покровская, Троицкая, Единоверческая, Архангела Михаила, домовые при духовном училище и городской богадельне, Христорождественский собор, Средненский монастырь, где в кельях сгорело 6 монахинь.

«Утром 7 июля город представлял лишь дымящиеся остатки каменных зданий и обгоревшие сады, во многих местах еще горело, хотя в ночь на 6 июля был сильный дождь. 2 нефтяных бака представляли огромные костры, застилавшие большое пространство густым дымом. По улицам валялись трупы людей и животных. В течение 7 и 8 июля собрано до 60 трупов людей, по несколько человек находили, видимо укрывшихся от огня в погребах и подвалах и там сгоревших» [8].

За сутки сытый и благополучный город превратился в пепел.

Поджог или провокация?

Сразу же после сызранской катастрофы одно за другим стали появляться предположения, что пожар такой силы и с такими последствиями не мог быть простой случайностью. Высказывались мнения, что здесь не обошлось без происков радикально настроенных политических группировок или террористических формирований, которые значительно активизировались в период первой русской революции 1905–1907 гг.

Например, одна из версий, получившая в печати широкое распространение после Октябрьского переворота 1917 г., гласила, что город подожгли царские агенты, чтобы заглушить набиравшее в то время здесь силу социал-демократическое движение. Дело в том, что в начале XX в. г. Сызрань был одним из самых активных большевистских центров Симбирской губернии. Доказательством данной версии является письмо Марка Тимофеевича Елизарова, направленное к сызранцам и бестужевцам, которое в сокращенном варианте было напечатано в газете «Сызранское Утро» в 1917 г. В нем М. Т. Елизаров, вспоминая о сызранских событиях июля 1906 г., писал следующее: «Царские слуги сожгли город Сызрань, черная сотня восторжествовала, и пришлось всем поборникам света идти в подполье» [9].

Эту версию подтверждают и воспоминания другого очевидца пожара, сызранца Георгия Кононовича Захватава, записи которого впоследствии были опубликованы его внучкой Верой Александровной Козьяковой: «Старушка, мать хозяина дома, варила в тот день на таганке варенье. Неожиданно во двор вошел неизвестный мужчина в крестьянской одежде и попросил воды. Старушка направилась в дом, оставив его одного. Принесла воды, мужик напился и ушел, но спустя некоторое время загорелся сарай, а затем и дом. Возможно, в отсутствие хозяйки незваный гость перенес из таганка горячие угли под сарай. Подобные случаи будто бы были в тот день и в других кварталах города... В общем, складывалось такое впечатление, что город подожгли почти одновременно и сразу в нескольких местах...» [10].

Далее из воспоминаний очевидцев следует, что «...жара в тот день и в самом деле стояла просто несносная, но ветра с утра не было. Большинство сызранцев сначала не придавало особого значения начавшемуся пожару – ведь он походил на все остальные, которые тушились своевременно... Но тут неожиданно выяснилось, что водопроводные колодцы дают лишь тоненькую струйку воды – главная магистраль, открывающая напор воды в колодцах, оказалась перекрытой, где-то за чертой города, в районе запасного бассейна, располагавшегося на раменской дороге.

В результате пожарная команда из-за отсутствия воды ничего не смогла сделать. Уже вскоре к тушению огня наряду с пожарной командой подключилось почти все население города. Воду таскали в бочках из Сызранки и Крымзы, но толку от этого оказалось мало» [11]. Далее в подтверждение своей версии о поджоге автор приводит еще один пример: «Хотя он сам лично вместе с толпой помогал тушить мельницу, она тем временем разгоралась все сильнее и сильнее, словно кто-то вместо воды поливал ее керосином...» [12].

Социалисты – поджигатели

В те же годы появилась и другая версия сызранской катастрофы, согласно которой город подожгли не кто иные, как сами социал-демократы, желавшие вызвать в городе беспорядки и тем самым скомпрометировать местные власти. Газета «Симбирские Вести» от 15 июля 1906 г. писала: «Возникли слухи, что город тогда подожгли студенты и молодежь, устраивавшие митинги и забастовки. Тут под влиянием слухов и паники с криком: "Бей поджигателей" жители стали избивать всех, кого принимали за таковых. Толпа с кольями и палками зверски убила послушника монастыря и телеграфиста, воспитанника школы, заезжего артиста. Толпа видела в каждом интеллигентном лице своего врага – поджигателя...» [13]. Позже над участниками беспорядков был суд, и 16 человек за самоуправство и нанесение побоев получили различные виды наказания (в основном это были крестьяне, находившиеся в Сызрани на заработках).

А вот что по этому поводу в сентябре 1906 г. писал журнал «Пожарное дело»: «За несколько дней до случившегося поджога уже распространялись слухи и анонимки со стороны рабочих и грузчиков поволжских пристаней и смежных железных дорог». Здесь камнем преткновения, толкнувшим поджигателей на это преступление, назывались в первую очередь постоянная экономическая кабала, в которую коммерсанты загнали рабочих, а также недоразумения с работодателями [14].

Заезжие артисты

В театральных мемуарах «Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим» мы узнаем, что он тоже был свидетелем тех трагических событий.

В начале июля 1906 г. в Сызрани группа из 5 артистов во главе с Павлом Орленевым остановилась в гостинице. «Было жаркое лето, и, конечно, печи в коридорах и номерах не затапливались. В гостиничном номере появился запах дыма». Наскоро одевшись, артист Павел Орленев

вышел в коридор гостиницы. Коридор был также весь наполнен дымом. «Из номеров испуганно выглядывали и выскакивали в одном белье и другие жильцы, и все тревожно спрашивали: "Где, отчего горит?"». Ко мне в номер сбежались актеры. Орлов побежал на улицу и вскоре вернулся страшно бледный: "Вся Сызрань в огне!". Началась паника.

Все разбежались по своим номерам и стали выносить на улицу вещи. Улица была полна перепуганным народом. Крики: "Горим, горим, спасите!". Обмороки, истерики женщин. Во всех церквях бил набат, раздававшийся каким-то страшным гулом. Артисты стояли растерянные и смотрели, что собирались делать горожане. Многие, взяв узлы и корзины на плечи, пробирались в поле. Они присоединились к ним. Находясь среди горожан, слышали подробности начала пожара.

В поле артисты просидели больше трех часов. Народу из города прибавлялось, приезжали в телегах, нагруженных вещами погорельцев. Узнав, что один вокзал сгорел дотла, но другой, железнодорожный, еще цел, решили нанять освободившуюся телегу на дальний вокзал и перевезти все вещи. Сторговались и поехали потихонечку, шажком, подвигаясь понемножку к вокзалу. На пути артистов стали расспрашивать: "Да кто вы такие, не краденые ли у вас вещи?". Артисты или отмалчивались, или отшучивались. Вопросы встречающихся становились все чаще и назойливее: "Вы кто такие? Откудова? Стойте, стойте, что вы не отвечаете?". Обступают телегу, берут лошадь под узду. Наше состояние все тревожнее. Отвечаем: "Да мы из театра, мы погорельцы, представлятели, вон посмотрите наши вещи". А там действительно было несколько театральных костюмов. У меня костюм Фердинанда: я в Америке играл "Коварство и любовь". Меч торчал из корзины, не укладываясь в нее. Раза два нас, осмотревши, отпускали. Но чем дальше, тем было все страшнее. Стало совсем темно. Пьяных видимо-невидимо. И вот окружили нас бабы, озлобленные, оставшиеся без крова и пищи, с маленькими детьми, задержали нашу телегу, взяли лошадь за узду и начали скликать мужиков: "Мужики, мужики, идите сюда, вот они, поджигатели, вот они!".

Собрались мужики, начали обшаривать карманы, хватать за горло, раздались пьяные крики: "Бей, бей их, поджигателей!". Разгулявшаяся ярость встретила себе поддержку в возвращающихся обозах пьяных пожарных, которым крестьяне, а главное, бабы указали на нас как на поджигателей. В это время у Н. Орлова пожарный из жилета вынул золотые часы, сорвал золотую цепочку, ударил его по голове. Орлов упал. И тут нас начали бить. Бабы, идущие с пожара, били нас ведрами и коромыс-

лами, а мужики бросали на землю и топтали ногами. Молодые парни, опьяневшие, стаскивали одежду с моих несчастных товарищей актеров. Касьянова приняли уже за мертвого и тащили топить в реку. Он был без памяти и не сопротивлялся. Ребята начали стаскивать с него брюки и говорить: "Все равно, он мертвый, ему на том свете не надо штанов, там не носят". Я все это прекрасно видел и слышал и, вспомнив из пьесы "Еврей" фразу Лейзера: "А я притворился мертвым с открытым ртом, так он плюнул мне в рот и ушел"; я тоже открыл рот, но чуть не погубил себя, едва не расхохотавшись.

Кончилось избиение тем, что на счастье в толпе оказалась сестра милосердия и, узнав актеров, с большой настойчивостью остановила – одна маленькая женщина – всю толпу и приказала нести артистов в одну уцелевшую от огня избу. Положили их на пол, под голову подложили мешки с сеном и овсом». Когда впоследствии знаменитый киевский хирург Базаров оперировал голову Орленеву, то из раны вытащил много соломы. Из Сызрани актеров привезли в Пензу и положили на излечение в лечебницу.

По всей России и за границей, в Норвегии и даже Америке напечатаны были телеграммы: «Орленев и его товарищи во время сызранского пожара были приняты за поджигателей, и, растерзанных, их бросили в огонь». В Христиании норвежские артисты справляли панихиду по «убиенному артисте Орленеве». В Пензе он получил телеграмму из Америки: «Прокурор предлагает две тысячи долларов на излечение твоей головы, телеграфируй мне, куда перевести доллары. Алла Назимова». Он послал отказ с глубокой благодарностью доброму прокурору [15].

Однако даже с учетом этих документов и свидетельств наиболее правдоподобной все же представляется бытовая версия, согласно которой, катастрофический по своим масштабам сызранский пожар 5 июля 1906 г. все же носил совершенно случайный характер.

С этим вполне можно согласиться, и вот почему: как бы ни велико было желание власть предержащих разгромить большевистский центр или, наоборот, революционно настроенной молодежи «насолить» властям, вряд ли они стали ради этих сиюминутных целей приносить в жертву целый город, где жили, в том числе и сами поджигатели, и их родственники.

Отличившиеся на пожаре

В то страшное время настоящим героем для сызранцев стал сторож собора унтер-офицер Яков Чуркин. Вот как об этом подвиге сообщалось

в «Симбирских епархиальных ведомостях» № 3 за 1909 г. «Казанский собор при пожаре уцелел потому, что ведомый рукой Господа церковный сторож вовремя потушил загоревшуюся наружную раму, через которую огонь мог проникнуть внутрь. В итоге сгорела сторожка и обгорела колокольня, которые быстро были восстановлены...».

Благодарные горожане наградили Якова Чуркина золотой медалью и 100 рублями денег [16].

Смотритель дорожных сооружений Сызранского уезда крестьянин с. Томышева Фёдор Макарович Потапов, зная о командировке из Сызрани в г. Симбирск земского техника Ястребова, когда пламя охватило почти весь город, не помня о своём семействе, решился спасти семейство своего начальника Ястребова, состоящее из жены и 5 малолетних детей. «Уговаривая жену г. Ястребова уйти от угрожающей опасности, он, Потапов, взял с собой двоих детей дочь Людмилу и сына Сергея, и направился к реке Крымзе, жена же Ястребова с тремя сыновьями Николаем 10 лет, Валерием 9 лет и Григорием 7 месяцев поспешила в противоположную сторону и с ними погибла в огне. Спасая детей Ястребова, он, Потапов, подвергал как себя, так и их опасности в жизни, едва не задохнувшись от дыма, а потому просит Управу ходатайствовать о награждении его серебряной медалью "За спасение погибавших"» [17].

В Сызранском пожаре пострадала и земская больница. В ней находилось 62 пациента, среди которых было много лежачих больных. К чести больничного персонала, никто из пациентов не пострадал, все были спасены, даже не получив ни одного ожога. «Особо отличились при этом смотритель Романов, фельдшер Затеев, служители Миронов, Климин, хожалка Андреева, которые выносили тяжелобольных на руках. По ходатайству городских земских врачей от 8 ноября 1906 г., смотритель Романов и фельдшер Затеев были представлены к награждению золотыми медалями "За спасение погибавших", остальные – серебряными» [18].

Город, восставший из пепла

Российское правительство оказало помощь населению сгоревшего города. Решением Министерств внутренних дел и земледелия сызранцам выделили довольно крупную по тем временам денежную сумму. Сюда также прислали партию консервированных продуктов, а горожанам разрешили бесплатный отпуск леса для строительства новых домов. Через некоторое время помощь жителям Сызрани стала поступать уже со всей России и даже из-за ее пределов.

Сразу же после пожара был создан Временный комитет помощи погорельцам, немедленно начавший сбор пожертвований на нужды города и пострадавших. В числе жертвователей оказался и российский император Николай II, который внес в фонд помощи погорельцам 30 тыс. рублей. Самарцы же вплоть до сентября ежедневно присылали в Сызрань груз хлеба и мяса, достаточный для того, чтобы им можно было накормить 10 тыс. человек. Много средств для пострадавших собрали жители Кузнецка (ныне Пензенской обл.). Артисты уездного г. Ставрополя уже через несколько дней после пожара дали благотворительный концерт в пользу погорельцев. Кроме того, по указанию правительства уже через день после бедствия на станцию Сызрань для оказания медицинской помощи прибыл специальный санитарный поезд Всероссийского общества Красного Креста. Поставленный на запасные пути состав какое-то время заменял горожанам сгоревшие больницу и амбулаторию.

Пассажиры проходивших по Волге пароходов тоже стремились отдать погорельцам свою запасную одежду – настолько их поражали увиденные последствия огненной катастрофы.

В пожаре существенно пострадало здание Сызранской городской думы, и поэтому ее экстренное заседание под председательством городского головы Мартиниана Чернухина состоялось в доме его предшественника С. Чурина. На местные власти навалился огромный груз проблем по восстановлению города. Гласные Городской думы обсуждали чрезвычайную ситуацию с 8 по 10 июля 1906 г. На заседании были приняты решения об оказании материальной помощи пострадавшим, а для восстановления города создали строительную комиссию под председательством Чернухина. Тогда же депутаты постановили, что с того времени на ул. Большой (ныне ул. Советская), центральной улице Сызрани, должны были возводиться только каменные дома.

В том же году начали строительство некоторых сооружений, призванных усилить пожарную безопасность города. В частности, в некоторых местах были установлены бетонные водохранилища, и одновременно в городе приступили к возведению нового здания пожарной части. А пока оно строилось, городской голова М. Чернухин предоставил для городской пожарной команды часть своего дома и флигель. Позже он для строительства конюшен и сараев пожарной части пожертвовал участок принадлежащей ему земли на ул. Большой. В итоге уже вскоре после пожара 1906 г. сызранские власти сумели заново восстановить пожарный обоз. В него вошел линейный ход, который вывозился тройкой лошадей. На нем размещался ручной насос, рукава, стволы и другой противопожарный

инвентарь. Seriously занялись думцы и безопасностью: изучались новые средства тушения пожаров, закупалось оборудование, составлялись обязательные правила содержания жилья для горожан, к примеру, такие: «Все без исключения домовладельцы в Сызрани в течение летнего времени с 15 апреля по 15 сентября, будут ли у них производиться постройки или нет, обязываются иметь у себя на дворах запасные резервуары воды в бочках или каких-либо иных помещениях емкостью: на небольших подворьях и при небольших постройках не менее 10 ведер, а больших подворьях и при крупных постройках не менее 40» [19].

Кроме того, власти тогда же решили больше внимания уделять озеленению города, так как во время пожара было замечено, что кроны лиственных деревьев замедляют распространение огня. В связи с этим на бывшей Базарной площади Сызрани вскоре был разбит сквер (ныне сад им. В. И. Ленина), а в районе поселка Закрымзы в парк превращена Торговая Щепалинская площадь (ныне площадь им. Тимирязева). Появился сиреневый сад на территории сызранского кремля.

Тем временем на склоне р. Крымзы погорельцы начали возводить временные строения и землянки, и за короткое время здесь возник целый жилой поселок, который называли Молдавкой. Помогали соседи из ближайших губерний. Плотники ехали в Сызрань со всех концов России. Уже к концу лета Сызрань была заполнена тысячами пришлых рабочих со всей Симбирской губернии, стремившихся подзаработать на восстановлении города. И постепенно город восстал из пепла.

Уездная больница была восстановлена на средства Красного Креста уже в 1907 г., и ныне на ее месте, на ул. Советской, располагается станция скорой помощи. В 1910 г. также была восстановлена и городская публичная библиотека. В целом же для более-менее полного восстановления Сызрани после катастрофы 1906 г. властям и жителям города понадобилось более 5 лет.

Трудно назвать точную дату, когда были ликвидированы в Сызрани все последствия страшного пожара. Однако очевидно, что темпы строительства, или, как тогда говорили, «строительной лихорадки» оставались высокими вплоть до революции 1917 г.

За 10 лет после пожара Сызрань обрела новое лицо. Город стал более удобным для проживания, здесь появилось много красивых купеческих особняков, зданий общественных учреждений, учебных заведений. Центральная часть Сызрани, воссозданная после пожара, почти в неизменном виде сохранилась до наших дней.

Литература

1. Ленкова Е. 40 лет в борьбе с огнем. – Сызрань: ООО «Полиграфия», 2014. С. 26.
2. Донесение прокурора Казанской палаты Чебышева. ЦГИА. Д. 4216. 10 июля 1906 г. Копия.
3. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. – Л.: Государственное издательство «Искусство», 1961. – 344 с.
4. Летопись Казанского собора. Копия. Стр. 98. СКМ ОФ 6516 ПИ 3699.
5. Донесение прокурора Казанской палаты Чебышева. ЦГИА. Д. 4216. 10 июля 1906 г. Копия. СКМ НВФ 1475/2/
6. Сгоревшая Сызрань // Нива. – 1906. – № 30.
7. Питьева М., Захарова И., Студеникина Ю. Даты и события. К 95-летию пожара в Сызрани // Творческая палитра. – 2001. – № 7. – 26 июля.
8. Донесение прокурора Казанской палаты Чебышева. ЦГИА. Д. 4216. 10 июля 1906 г. Копия. СКМ НВФ 1472/2.
9. Сызранское Утро. – 1917. – № 7. 4 мая.
10. Воспоминания Г. К. Захватава «О пожаре в 1906 году». Рукопись. СКМ ОФ 5243 ПИ 2443.
11. Там же.
12. Там же.
13. Симбирские вести. – 1906. – № 155. – 15 июля. Обыватель «Описание Сызранского пожара».
14. Ленкова Е. 40 лет в борьбе с огнем. – Сызрань: ООО «Полиграфия», 2014. – С. 27.
15. Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. – Л.: Государственное издательство «Искусство», 1961. С. 93.
16. Летопись Казанского собора. Копия. С. 101. СКМ ОФ 6516 ПИ 3699.
17. Доклады Сызранскому уездному Земскому собранию Сызранской уездной управы очередной сессии 1906 года. С. 40. СКМ РК.
18. Журналы Сызранского уездного Земского Собрания очередной сессии 1906 года с приложениями. – Сызрань: Типография Л. М. Азеринского, 1907. – С. 119. СКМ РК.
19. Мочалова Е. Г. Сызранский пожар // «Город Сызрань. Очерки географии, истории, культуры, экономики». – Сызрань: Изд-во «Ваш взгляд», 2008. – С. 197.

МЕМУАРЫ П. Н. СОЛОНКО: РЕАКЦИЯ В УЛЬЯНОВСКЕ

В 1966 г. в партархив Ульяновского обкома КПСС поступила рукопись воспоминаний Павла Николаевича Солонко и его жены, которые в первой половине 1918 г. проживали в Симбирске, где П. Н. Солонко занимал должность чрезвычайного комиссара. Казалось бы, работники партахива должны были радоваться: они получили мемуары одного из руководителей Советской власти Симбирска в период ее становления, что должно было существенно дополнить имеющиеся знания о симбирских событиях 1918 г. В крайнем случае, реакция могла быть разочарованной, если бы ничего нового супруги Солонко не сообщали. Так или иначе, много мемуаров не бывает, и Солонко можно было поблагодарить за труды.

Все оказалось совсем не так. Мемуары вызвали в Ульяновске целую бурю. В масштабах лиц, причастных к работе с подобными документами, началась неприятная переписка обкома КПСС с ЦК ВЛКСМ и издательством «Молодая гвардия», пошел ворох докладных и объяснительных.

Два слова о П. Н. Солонко. Он родился в 1882 г. в семье белорусского крестьянина в Гродненской губернии. Воевал в русско-японскую войну. В 1913 г. был осужден за оскорбление «царствующей особы». В результате находился под негласным надзором полиции до февральской революции. Первая мировая война прервала его учебу в народном университете им. А. А. Шанявского. После февраля 1917 г. его избрали председателем Режицкого уездного Совета. В мае 1917 г. солдаты-железнодорожники избирают его председателем съезда железнодорожных войск Северного фронта в Пскове. Затем П. Н. Солонко был избран делегатом на второй Всероссийский съезд Советов. Петроградский ВРК назначил его комиссаром в Витебскую губернию, вслед за этим Наркомвнудел направляет его в Симбирск в должности чрезвычайного комиссара для укрепления в городе советской власти. В Симбирске он пробыл до мая 1918 г., после чего его перевели в Наркомвнудел на должность заведующего юридическим отделом.

Воспоминания супругов Солонко записал научный сотрудник Института истории АН СССР В. В. Фарсоби́н, он же и направил их в ульяновский партархив с тем, чтобы опубликовать их в запланированном сборнике «Борьба за Советскую власть в Симбирской губернии».

В письме к научному работнику архива Г. Н. Федорову В. В. Фарсобин, предчувствуя проблемы, писал: «Я боюсь, что воспоминания Вам могут не понравиться, т. к. автор не задавался целью кого-либо возвеличивать или низвергать, а говорил, что запомнил» [1, с. 101].

Мемуары вызвали в Ульяновске переполох. За два года до этого, в 1964 г. здесь был издан первый том «Очерков истории Ульяновской организации КПСС», авторы которых (Ф. В. Герасин, Г. Н. Федоров, М. А. Гнутов, Н. Д. Фомин), с одной стороны, проделали большую работу по сбору нового материала и по систематизации истории местных большевиков, но, с другой стороны, представили читателю отлакированную картину партийного прошлого. Воспоминания супругов Солонко явно не вписывались в данную идиллию. Вот фрагмент из воспоминаний П. Н. Солонко: «Стиль сложившейся работы у симбирцев вызывал не только удивление, но и негодование. После утверждения губиспокомом того или иного решения мы собирались обычно на узкие заседания для распределения обязанностей по его решению. Но вскоре я заметил, что многие не выполняют свои обязанности, ссылаясь на загруженность. Это заставило меня пройти по комиссариатам и посмотреть, кто что и как делает. В комиссариатах во всем была разболтанность, отсутствовала элементарная дисциплина. Сами комиссары часто уходили из своих учреждений, разгуливали по городу, пьянствовали в ресторанах. Не застав того или иного комиссара на службе, я шел в ресторан, театр и другие увеселительные заведения. Садился где-нибудь в укромном месте и любовался "загруженной" публикой. На утро я спрашивал об исполнении поручения губисполкома.

– Не было времени выполнить! – слышался ответ.

– А с дамой "Х" в коричневом платье вам было время сидеть в ресторане?

Изобличив одного лгунишку и бездельника, я шел проверять работу другого.

– Что вы сделали во исполнение постановления губисполкома?

– Ничего не сделал. У меня сапоги худые, а на улице сыро. Не смог выйти из дома.

– А в питейное заведение вы в каких сапогах ходили?

Такие разговоры первое время происходили почти каждый день.

На очереди стояли др. дела. Но они осложнились непробудным пьянством окружающих меня людей. Пьянство стало болезнью. Губисполком был вынужден назначить спец. комиссара по борьбе с пьянством. Но деятельность его оказалась малоэффективной. Помимо пьянства

большим злом являлись конфискации. Некоторые комиссары пятнали себя конфискацией вещей в личную собственность. Так, один комиссар отобрал у какого-то полковника детский автомобиль, привезенный из Германии. На эту редкость и позарился незадачливый строитель нового общества».

Печатать такие мемуары было нельзя. Научный сотрудник Ульяновского облпартархива Г. Н. Федоров оценил их однозначно: «Мое заключение о них самое отрицательное. В таком виде их публиковать нельзя». На всякий случай Г. Н. Федоров предложил высказаться о воспоминаниях своего соавтора по «Очеркам» доцента пединститута к.и.н. М. А. Гнутова. Тот отозвался так: «Работу посмотрел. Общее впечатление таково: главное в деятельности Солонко не борьба с контрреволюцией, не упрочение Советской власти, а борьба с Советами и партийными работниками. Публиковать такую работу нельзя». Здесь сразу же выяснился один момент: авторы отрицательных отзывов на мемуары старались не говорить о главном, о том, что их наиболее задело в воспоминаниях. Это то, что там показывались неприглядные стороны советского и партийного руководства городом и губернией, их сомнительные моральные качества, переходящие в моральное разложение. Кроме того, супруги Солонко давали нелепые характеристики отдельным представителям симбирских верхов.

Воспоминания в Ульяновске напечатаны не были. В. В. Фарсобин не опустил руки и смог добиться публикации мемуаров П. Н. Солонко с включением в них рассказа жены чрезвычайного комиссара Е. Г. Солонко в 1972 г. в альманахе «Прометей», который выпускало издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Воспоминания назвались «На родине Ленина в 1918 году», в них были сглажены острые углы, убраны наиболее резкие характеристики, но и в таком виде их публикация вызвала возмущение в Ульяновске Г. Н. Федорова и М. А. Гнутова.

Между тем, напечатанные воспоминания получили резонанс, прежде всего, в кругу старых ульяновских большевиков. Один из них, проживающий в Москве К. Сиротин, написал письмо Г. Н. Федорову, отразив типичную реакцию на данную публикацию: «Вчера в "Прометее" я прочитал статью Солонко "На Родине Ленина в 1918 г.". Я не буду разбирать эту статью, что в ней объективно, что в ней субъективно, хотя два этих фактора мы можем встретить в любых воспоминаниях. Меня удивило другое. В "Очерках истории Ульяновской организации КПСС" о фактах и событиях, описываемых Солонко, или не упоминается совсем, или упоминается вскользь. А фамилия чрезвычайного комиссара

Симбирской губернии совсем не упоминается. Зато довольно пространно говорится о Ксандрове и Шеленшкевиче, чье шатание и зигзаги граничили с враждебной деятельностью. Напрашивается вопрос: где же были авторы "очерков" Гнутов, Фомин и Федоров? Неужели им не был известен Солонко? Тот факт, что Солонко был беспартийный – не меняет положения».

В ответе К. Сиротину Г. Н. Федоров писал: «Воспоминания Солонко были присланы нам в 1966 г. для публикации в нашем сборнике "За власть Советов", но они настолько одиозны, что редколлегия их не опубликовала. И если сейчас журнал "Прометей" опубликовал воспоминания Солонко, и тем более его жены, правда, несколько "прилизанные", это не делает чести редколлегии этого альманаха серии "ЖЗЛ". А при встрече, если это Вас интересует, смогу информировать подробнее» [1, с. 74–75].

В этом же 1973 г. Г. Н. Федоров и М. А. Гнутов пишут письмо в секретариат Ульяновского обкома КПСС. Вот фрагмент из него: «О чем же рассказывают супруги Солонко в своих "воспоминаниях", опубликованных в "Прометее", клевета посмертно на преданных делу коммунистической партии местных партийных и советских работников и непомерно восхваляя свои "революционные заслуги". Мы прилагаем наш критический анализ их "воспоминаний" и считаем, что необходимо в центральной печати, в крайнем случае, в нашей областной газете дать публичную отповедь воспоминаниям, грубо искажающих события героических дней 1918 г. в Симбирске и играющих лишь на руку буржуазным фальсификаторам истории советского общества». Как видим, в бой была пущена специфическая терминология – "клевета", "буржуазные фальсификаторы", которые, по мнению авторов, должны были вызвать «правильную» реакцию в обкоме.

Пока обком решал вопрос о целесообразности переноса спора в «высшие сферы», Г. Н. Федоров и М. А. Гнутов в «Ульяновской правде» напечатали статью «Вопреки исторической достоверности». Между тем, в здании на площади Ленина приняли соломоново решение. Было направлено письмо первому секретарю ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникову с вопросом: можно ли направить в ЦК ВЛКСМ негативную рецензию на одну из ее публикаций. Е. М. Тяжельников дал добро, и от имени завотдела пропаганды и агитации обкома И. Д. Пискунова в ЦК ВЛКСМ была направлена рецензия, написанная Г. Н. Федоровым и М. А. Гнутовым. Комсомольское руководство создало комиссию для проверки фактов, изложенных в рецензии. В состав комиссии вошли завредакцией

серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» к.и.н. С. Н. Семанов, член Союза писателей СССР В. А. Прокофьев, а также занимающийся историко-партийной темой к.и.н. Г. С. Игнатов.

Они подготовили докладную записку, где защищали публикацию мемуаров. Там говорилось: «Известный участник Октября и гражданской войны П. Н. Солонко неоднократно выступал со своими воспоминаниями на страницах ответственных органов центральной печати: "Вопросы истории", "Красная звезда", мемуары П. Н. Солонко использованы в публикации журнала "История СССР". Мемуарист рассказывает о своих встречах с В. И. Лениным, о своей революционной деятельности в центре и на местах. 7 июня 1973 г. в ЦК ВЛКСМ поступило письмо историков из г. Ульяновска тт. Гнутова и Федорова. Авторы пытаются доказать, что опубликованные в альманахе "Прометей" воспоминания Солонко не представляют ни научного, ни общественного интереса из-за их тенденциозности, противоречивости, неточностей и ошибочных утверждений. Авторы письма считают, что Солонко опорочил отдельных советских работников, поставил в центре событий собственное "я". Обвинения эти несостоятельны, обвинения авторов письма в адрес мемуаров Солонко носят пристрастный характер и не могут быть признаны основательными» [1, с. 105–113].

Эта докладная записка была отправлена в обком завотделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ В. Буяновым. И. Д. Пискунов ознакомил с ней Г. Н. Федорова и М. А. Гнутова. Те не согласились с выводами, а М. А. Гнутов даже «возвысил голос», написав на записке: «А в вопросах не разобрались в чем дело. Докладная написана не на основе глубокого изучения документов, а со слов Солонко и Фарсобина».

В январе 1974 г. на заседании научного совета архивного отдела облисполкома Г. Н. Федоров, занимавший тогда должности члена научного совета архивного отдела облисполкома и внештатного научного сотрудника партийного архива обкома КПСС, выступил с докладом о публикации мемуаров. Он говорил следующее: «Когда мы прочли эти воспоминания, то, как говорится, пришли в ужас: как такое могло появиться в печати, да еще в центральном издании ЦК ВЛКСМ? Супруги Солонко клеветают на преданных делу коммунизма местных партийных и советских работников, восхваляют самих себя, искажают историческую действительность событий 1918 г. в Симбирске. Каков же результат посланной в ЦК ВЛКСМ нашей рецензии на опубликованные воспоминания Солонко? Пока получена формальная отписка комиссии, созданная издательством "Молодая гвардия". Как видно, члены комиссии, созданной издательством "Молодая

гвардия" (обратите внимание – не комиссии, созданной ЦК ВЛКСМ, а комиссии, созданной издательством, т. е. самим виновником появления опуса в "Прометее") доверились целиком Солонко и Фарсобину. Доклад комиссии (отписка) не вникает в политическую сущность: "кому нужны такие мемуары?", а сведена к мелочам, к отпискам, к якобы существующим в нашей рецензии неточностям. Так например, мы пишем, что Симбирская партийная организация имела в своем составе около 100 членов (так и было в действительности в апреле – мае 1918 г.), а они отвечают: было 60. Как Собакевич, Солонко в своих мемуарах сказал: один лишь в нем честный человек – Гимов, но он не опытный коммунист, рабочий, а остальные пьяницы, бездельники, контрреволюционеры» [1, с. 115–119].

В 1974 г. «Ульяновская правда» опубликовала две антисолонковских статьи: «Документы на страже истории. Возвращаясь к напечатанному» (автор – старший научный сотрудник госархива Ульяновской области, член научного Совета архитектурного отдела облисполкома Л. Додонова) и «Еще раз против извращения истории революции 1918 года» (авторы – живущие в Москве П. Богдашкин и председатель Ульяновской секции старых большевиков, к.и.н. Б. Н. Чистов).

«Ульяновская правда» являлась органом обкома КПСС, и просто так отмахнуться от ее публикаций было нельзя. В. В. Фарсобин оказался вынужден защищаться. В обком и редакцию «Ульяновской правды» он направил свою статью «Необходимые добавления к исторической достоверности». В этот раз московский историк также решил говорить понятным обкому языком. Теперь защищаться должны были Г. Н. Федоров и М. А. Гнутов. Первый из них писал в секретариат обкома: «В своем письме в обком КПСС Фарсобин квалифицирует статьи, опубликованные в "Ульяновской правде" против мемуаров Солонко, как статьи безответственные и несостоятельные, обвиняет авторов в том, что они якобы опирались на эсеро-меньшевистские источники, использовали документы враждебного происхождения, взяли под защиту симбирских деятелей, которые выступали в 1918 г. против советской внешней и внутренней политики. Обвинения чудовищные. Но в подтверждение их не приведено ни одного сколько-нибудь убедительного доказательства. Фарсобин пишет, что Солонко был воплощением руководящей роли ЦК в Симбирске. Что это – недомыслие или политическая неграмотность старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР Фарсобина? Комиссия издательства "Молодая гвардия" в 1973 г. и Фарсобин в присланной им рукописи своей статьи считают, поскольку Солонко был участником Октября, делегатом второго Всероссийского

съезда Советов, встречался с Лениным, то и вся правда на его стороне. И как это мы посмели выступать против его мемуаров. Кем был Солонко в 1917 г. мы и без того знали» [1, с. 169–177].

В. В. Фарсобин Г. Н. Федорову и М. А. Гнутову: вы опирались на эсеро-меньшевистские источники, а в ответ: а у вас политическая неграмотность. Пат. Далее партия развиваться не могла, и стороны разошлись каждая при своем. История эта интересна еще и тем, что показала насколько даже небольшой московский «боярин» был выше местных служилых людей. Как ни старались Г. Н. Федоров и М. А. Гнутов, ничего у них не вышло. И даже обком оказался бессилем в отстаивании позиций перед столичными деятелями.

Источники

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 350.

Ю. В. КРЫЛОВ

130 ЛЕТ УЧИТЕЛЬСКОЙ ДИНАСТИИ

(к 150-летию со дня рождения Николая Степановича Рамзаева)

В истории г. Сенгилея есть династия, насчитывающая 4 поколения учителей, которые вот уже 130 лет преподают в различных учебных заведениях. Общий рабочий стаж учительской династии составляет около 200 лет. В 2018 г. исполнилось 150 лет со дня рождения основателя этой династии – сенгилеевского учителя и поэта Николая Степановича Рамзаева.

Николай Степанович Рамзаев родился 9 мая 1868 г. в с. Рождествено Кемленской волости Лукоянского уезда Нижегородской губернии в семье мещанина Степана Яковлевича Рамзаева. О его семье нам известно в основном лишь из письма брата, вероятно, старшего, Степана Степановича. В письме, датированном 1903 г., сообщается о годовщине смерти отца. Степан Степанович был священнослужителем, псаломщиком, но где – неизвестно. 16 августа 1902 г. он утвержден диаконом, был также учителем в церковной школе. Второй брат, Иван Степанович, служил адвокатом, но сошел с ума и в 1902 г. был помещен в сумасшедший дом. Третий брат, Сергей Степанович, был мещанином, умер ок. 1909–1911 гг. [1].

Учительская деятельность Николая Степановича Рамзаева начинается в 1888 г. В июне 1887 г. Николай Степанович окончил курсы в Порецкой

учительской семинарии и получил звание учителя начальных училищ. По распределению был назначен учителем Атяшкинского одноклассного училища в Буинском уезде, где проработал чуть больше года (01.01.1888–01.03.1889). Затем его переводят учителем в Базарно-Уренское начальное училище (01.03.1889–01.09.1889). Оттуда он направляется в Анненковское начальное училище Симбирского уезда, где проработал 8 лет (01.09.1889–01.07.1897).

Следующим местом работы Николая Степановича становится Тагаевское одноклассное мужское сельское училище (в 1901 г. преобразованное в двухклассное), где он учительствовал 5 лет (01.07.1897–23.09.1902) [2]. В 1900 г. Николай Степанович Рамзаев был награжден серебряной медалью «За усердие» на александровской ленте [4].

В сентябре 1902 г. Николай Степанович переезжает в г. Сенгилей, где назначается учителем русского языка в Сенгилеевском городском трехклассном училище. Здесь он проработал до сентября 1910 г. [3]. Поселяется Николай Степанович на Выборной стороне Сенгилея в собственном деревянном доме (этот дом сохранился по ул. Верхняя Выборная). Чуть позже, в конце 1910 г., он покупает у сенгилеевских мещан Ивана Малафеевича Сачкова и его сына Фёдора Ивановича фруктовый сад и находящийся в нем деревянный дом [5, 6].

В 1902 г. Н. С. Рамзаев пишет, используя свой учительский опыт, два учебника: «Синтаксис русского языка» и «Букварь для начальной школы» и отправляет их на рассмотрение в специальную учебную комиссию. После рассмотрения комиссией его учебники не были приняты и он получил отказ. Сейчас эти рукописи хранятся в Сенгилеевском краеведческом музее [7, 8, 9, 10].

Николай Степанович Рамзаев был разносторонней личностью. Помимо учебных занятий, он писал стихи. В 1907 г. в Симбирске вышел небольшой сборник его стихов «На Волге у Сенгилея» [11]. Также он занимался садоводством, вел переписку, советовался с опытными садоводами. Кстати, это был и дополнительный доход, т. к. учитель жил небогато, а семья была большая. Его любовь к саду унаследовали сын Иван, который долгое время работал садоводом-овощеводом в городской больнице (с его уходом больничный сад-огород зачах и прекратил своё

Николай Степанович
Рамзаев

существование) и дочь Анастасия, которая заведовала садом юннатов при Доме пионеров.

В 1908 г. Николай Степанович сдает экзамен на домашнего учителя [12]. В том же году он получил благодарность от инспектора народных училищ за участие в комиссии по возведению здания училища (сейчас в нем располагается Покровская церковь по ул. Ленина) [13].

Затем короткое время он работает в Сызранском городском четырехклассном училище (20.09.1910 – 09.1911), а потом заведующим Тереньгульским двухклассным училищем (10.1911–01.10.1912).

В октябре 1912 г. Н. С. Рамзаев возвращается в Сенгилей, переводится учителем во вновь открытое параллельное отделение при Сенгилеевском городском четырехклассном училище, где и работает до июля 1913 г. [3].

В связи с тем, что у Николая Степановича было лишь звание учителя начального училища, а в Сенгилеевском городском училище можно было преподавать, лишь имея звание городского учителя, то каждый год он должен был получать в Симбирске разрешение на работу от инспектора народных училищ на следующий учебный год [14, 15]. Но в 1913 г. ему в этом было отказано, и Николай Степанович был вынужден перейти на работу домашнего учителя, каковым и состоял с июля 1913 г. по сентябрь 1918 г. [12]. Возможно, этому способствовал какой-то конфликт с инспектором училища Павлом Семёновичем Колесниковым. Сохранилось письмо редактору газеты (вероятно, симбирской), датированное апрелем – маем 1917 г., в котором он и еще несколько учителей жалуются на Колесникова [16]. Было ли оно отправлено, неизвестно, но в новом учебном 1917 г. директором становится Александр Александрович Красильников.

Будучи домашним учителем, Николай Степанович готовил молодых людей для подготовки к экзаменам на должность учителей начальных училищ, а также и в другие учебные заведения. Сохранились письменные благодарственные свидетельства, где его ученики, некоторые имея лишь церковно-приходское образование, благополучно выдерживали вступительные экзамены, конкурируя с окончившими городские четырехклассные училища и гимназии [17, 18].

Николай Степанович пытался бороться со своей незавидной судьбой. Он неоднократно писал прошения в Симбирск на имя инспектора народных училищ с просьбой предоставить ему место в каком-нибудь училище, доказывая, что имеет большой опыт проведения занятий по многим предметам, но постоянно получал вежливый отказ [19, 20].

22 октября 1917 г. Николай Степанович избирается сначала членом вновь созданного родительского комитета, а затем и его председателем при городской четырехклассной гимназии (так теперь называлось городское училище).

Положение изменилось лишь в 1918 г. Четырехклассная городская гимназия переименовывается в Сengiлеевскую советскую школу II-й ступени, и Николай Степанович вновь поступает на работу учителя (тогда они назывались школьные работники – «шкрабы»). Проработал он в этой школе 10 лет, в феврале 1928 г. отметил свой 40-летний учительский юбилей, а 31 августа 1928 г., вышел на пенсию [21]. Умер он 3 сентября 1934 г.

Николай Степанович
Рамзаев. 1913 г.

Николай Степанович Рамзаев был женат на Дарье Осиповне Буланкиной (1870–1934). Вырастили они пятерых детей: Евдокию (1901–1962), Василия (ок.1904/5–1930), Алексея (1907–1942, погиб в годы Великой Отечественной войны), Ивана (1909–1983) и Анастасию (1913–1979).

Учительскую династию Рамзаевых сначала продолжили его дочери. Евдокия Николаевна Рамзаева долгое время, с 1922 г. до середины 1950-х гг., работала преподавателем, воспитателем, заместителем директора сначала в Сengiлеевском детском доме № 30, а по закрытии его в 1947 г. в детском доме № 43 [22]. Вторая дочь, Анастасия Николаевна Рамзаева, также избрала профессию учителя. Она работала в послевоенное время. Была учителем естествознания и заведовала садом юннатов при Доме пионеров. Большой популярностью пользовался ее юннатский кружок, где Анастасия Николаевна проводила различные опыты по селекции растений. Летом она возила ребят на пароходе в Казань, где устраивала интересные экскурсии по Казанскому кремлю. Устраивала Анастасия Николаевна и краеведческие походы по окрестностям Сengiлеевского района, со школьниками занималась обследованием археологических памятников. Еще Анастасия Николаевна увлекалась таксидермией и самостоятельно научилась делать чучела животных. Некоторые из ее изделий и сейчас можно увидеть в Сengiлеевском краеведческом музее. Уже будучи на пенсии, она без посторонней помощи научилась играть на пианино.

Следующим поколением учителей Рамзаевых были внуки Николая

Степановича: Вячеслав Иванович, жена Юрия Ивановича Зоя, которая много лет проработала учителем в интернате 2-й средней школы, и Евгения Алексеевна.

Вячеслав Иванович Рамзаев, сын Ивана Николаевича, родился в 1938 г. В 1961 г. окончил педагогический институт им. И. Н. Ульянова по специальности «Химия и биология». С 1961 по 1970 г. с перерывами работал в различных школах Ульяновской области, последнее место работы – Сенгилеевская средняя школа № 2, где он был учителем химии и биологии. В 1972 г. вместе с семьей переехал в Ульяновск.

Евгения Алексеевна Рамзаева, дочь Алексея Ивановича, в 1950-х гг. окончила сенгилеевское педучилище и уехала работать в Дрожжановский район (Татария).

Следующее поколение династии Рамзаевых – это правнучки Николая Степановича: Нина Вячеславовна Зудова, Татьяна Вячеславовна Рябова и Людмила Юрьевна Умнова. Н. В. Зудова в 1984 г. окончила Ульяновское музыкальное училище, а в 1990 г. заочно Ульяновский государственный педагогический институт по специальности «учитель истории и обществознания». С 1984 по 2010 г. работала преподавателем музыки и истории в учебных заведениях г. Сенгилея, в 2004–2010 гг. была директором школы искусств, с 2010 г. работает начальником МУ «Отдел по делам культуры, организации досуга населения и развития туризма» Администрации МО «Сенгилеевский район».

Т. В. Рябова в 1990 г. окончила Ульяновский государственный педагогический институт и по сей день работает учителем начальных классов в школе № 1 им. В. И. Ленина г. Ульяновска.

Л. Ю. Умнова работала в детском саду, затем в Сенгилеевском педучилище и начальной школе, в настоящее время руководит обществом слепых.

Источники

1. Письмо Рамзаева Степана Степановича от 28.04.1903 г. СКМ 13024.
2. Формулярный список о службе допущенного к и. д. учителя Сенгилеевского городского трехклассного училища Николая Рамзаева от 29 августа 1903 г. СКМ № 13013.
3. Удостоверение о стаже работы Рамзаева Н. С. от 31.05.1928 г. СКМ № 15087.
4. Письмо инспектора народных училищ Симбирской губернии о награждении Н. С. Рамзаева медалью «За усердие» от 15.07.1900 г. СКМ № 259.
5. Письмо сенгилеевского мещанина И. М. Сачкова о продаже дома Н. С. Рамзаеву от 05.1910 г. СКМ № 13031.
6. Письмо сенгилеевского мещанина Ф. И. Сачкова о продаже дома Н. С. Рамзаеву от 03.05.1910 г. СКМ № 13025.
7. Новый русский букварь (рукопись). Автор Н. С. Рамзаев. СКМ 261.

8. Синтаксис русского языка (рукопись). Автор Н. С. Рамзаев. СКМ 262.
9. Выписка из журнала особого отдела Ученого Комитета Министерства народного Просвещения. Отзыв на рукопись Н. С. Рамзаева «Новый русско-славянский букварь. Для начальных училищ и домашнего обучения» от 10.03.1900 г. СКМ 10178.
10. Ответ министерства народного просвещения Н. С. Рамзаеву на рукопись «Новый русско-славянский букварь» от 01.03.1901 г. СКМ № 10177.
11. Н. Рамзаев. На Волге у Сengилея. Стихи. – Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева, 1907. СКМ № 10197.
12. Письмо инспектору Сengилеевского городского училища о разрешении Н. С. Рамзаеву на отпуск для выезда в г. Казань для сдачи экзамена на звание домашнего учителя. СКМ № 13021.
13. Благодарность директора народных училищ Симбирской губернии за участие в комиссии по возведению здания училища. 30.09.1908. СКМ 13017.
14. Распоряжение директора народных училищ Симбирской губернии инспектору Сengилеевского городского училища о разрешении исправлять должность учителя Н. С. Рамзаеву. 1902 г. СКМ № 13019.
15. Распоряжение директора народных училищ Симбирской губернии инспектору Сengилеевского городского училища о разрешении исправлять должность учителя Н. С. Рамзаеву. 1906 г. СКМ 13022.
16. Письмо (напечатанное) редактору газеты с жалобой на П. С. Колесникова. 1917 г. СКМ № 5656.
17. Свидетельство сengилеевского мещанина И. П. Соколова от 10.01.1917 г. о подготовке его дочери Елизаветы Н. С. Рамзаевым. СКМ № 13016.
18. Свидетельство почтальона Сengилеевской почтово-телеграфной конторы Мартынова А.И. от 28.12.1913 г. о подготовке его Н. С. Рамзаевым. СКМ № 10176.
19. Прошение инспектору народных училищ Симбирской губ. на занятие учительской вакансии в Тушинском 2-х классном училище и отказ на нем же от 17.12.1913 г. СКМ № 15082.
20. Прошение директору народных училищ Самарской губ. на допуск учительских обязанностей в одном из высших начальных училищ губернии и отказ на нем же от 12.11.1913 г.
21. Заявление Н. С. Рамзаева о назначении пенсии по инвалидности от 31.08.1928 г. СКМ № 13014.
22. Автобиография Евдокии Николаевны Рамзаевой от 03.03.1950 г. СКМ №13039.

**«ВСЯ ЭТА БАНДА ПИЛА, ГУЛЯЛА, А ДЕЛА В ЭТО ВРЕМЯ
СТОЯЛИ»: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАРУШЕНИЯ
ШТАБНЫХ РАБОТНИКОВ АРМИЙ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1918 г.**

Процесс создания органов управления вооруженными силами советского государства на начальном этапе развертывания широкомасштабной Гражданской войны летом – осенью 1918 г. закономерным образом сопровождался многочисленными трудностями, среди которых большую роль играло недобросовестное отношение штабных работников к выполнению своих обязанностей. Можно выделить несколько видов дисциплинарных нарушений, получивших наибольшее распространение среди сотрудников штабов армий и дивизий Восточного фронта в указанный хронологический период: растрата денежных средств и армейского имущества, пьянство, саботаж и переход на сторону противника.

Одной из главных причин, благодаря которым указанные преступления имели место, являлась ненадежность кадровой политики армейского командования, что было вызвано острой нехваткой квалифицированных работников. В результате штабные должности зачастую занимали случайные люди, не обладавшие, к тому же, необходимым уровнем дисциплинарной ответственности. Кроме того, долгое время отсутствовал какой-либо контроль над деятельностью сотрудников главных органов управления войсками. Негативные последствия подобных просчетов наиболее явно сказывались на функционировании отделов снабжений штабов армий и дивизий, в распоряжении которых находились не только большие суммы денег, но и предметы военного и бытового имущества, чем очень активно пользовались работники управлений, часто представлявшие собой людей с авантюристическими наклонностями. К таковым можно отнести начальника отдела снабжения 1-й армии И. М. Штейнгауза. Примечательно, что он сам выдвинул свою кандидатуру на указанную должность, отправив 19 июня 1918 г. командующему Восточным фронтом М. А. Муравьеву телеграмму с предложением «приехать с полным и подробным докладом и проектом по вопросу о снабжении армии» [14, л. 185]. И уже на следующий день, 20 июня 1918 г., И. М. Штейнгауз был назначен начальником отдела снабжения [22, л. 1]. Не исключено, что в его рвении не последнее место играли личные интересы, о чем свидетельствует тот факт, что на протя-

жении всей своей службы в данном объединении он при помощи целого штата помощников промышлял финансовыми махинациями, извлекая материальную выгоду не только для себя, но и для всего штабного персонала. Так, по словам сотрудника контрразведки 1-й армии И. А. Морозова, И.М. Штейнгауз занимался неправильным ведением денежной отчетности, результатом чего являлось получение сотрудниками штаба продуктов сверх нормы [15, л. 85].

Так как подобные деяния совершались без какой-либо опаски, их выявление и раскрытие происходило достаточно быстро, а виновные подвергались аресту. Например, уже 9 июля 1918 г. И. М. Штейнгауз «за растрату денежных сумм» был арестован и препровожден в распоряжение командующего Восточным фронтом М. А. Муравьева в Казань [8]. Вступивший 10 июля 1918 г. на должность начальника отдела снабжения председатель Рузаевского уездного исполнительного комитета Пензенской губернии Д. И. Архангельский 27 июля 1918 г. также был арестован по аналогичному делу, о чем свидетельствует телеграмма командующему 1-й армией М. Н. Тухачевскому из Рузаевского штаба снабжения о создании 28 июля 1918 г. «комиссии по делу Штейнгауза и Архангельского» [21, л. 241].

О масштабах и способах финансовых и материальных хищений указанных лиц на одной только Рузаевской базе снабжения свидетельствует доклад ревизионной комиссии, прибывшей из штаба Восточного фронта 20 июля 1918 г.: «По книгам значится на приход 1100000 руб., израсходовано 35000 руб., остаток должен быть 1065000 руб. (который, по всей видимости, обнаружен не был. — *Е.Н.*) <...> Хлеба принято 7000 пудов и из них израсходовано 3000 пудов, а 4000 пудов делись неизвестно куда». Воровством имущества с последующей перепродажей украденного также занимались представители среднего и мелкого управленческого звена отдела снабжения 1-й армии. При этом вещи и продукты изымались из вагонов прямо на станции сразу после прибытия груза: «Вагоны, бывшие с сукном, распломбированы и сукно расхищалось без всякого контроля; вагон с хлебом оказался перемешанным <...> То же самое случилось и с другими вагонами. В некоторых вагонах ничего не оказалось, хотя вагоны и были запломбированы. Обмундирование в вагонах все раскидано...» [31, л. 290].

Данные прецеденты способствовали усилению надзора над сотрудниками штаба армии со стороны политических комиссаров. Так, 30 июля 1918 г. И. Н. Спиваку поручалось «контролировать всю без исключения работу отдела снабжения 1-й армии, проверять наличность запасов, про-

смагивать и подписывать всю исходящую, входящую корреспонденцию, требования на предметы снабжения, как для всей армии, так и для отдельных войсковых частей, с правом делать срочные распоряжения по отправке предметов снабжения по требованию войсковых частей. Все распоряжения тов. Спивака должны выполняться беспрекословно» [17, л. 146]. 8 августа 1918 г. была учреждена должность чрезвычайного комиссара по снабжению, на которую был переведен работник политического отдела А. Н. Позднышев [22, л. 100]. Согласно приказу от 18 августа 1918 г., чрезвычайный комиссар должен был подписывать все распоряжения начальника отдела снабжения [22, л. 112].

Однако кардинальным образом изменить работу отдела снабжения 1-й армии после выявления указанных недочетов не получилось. Арестованному И. М. Штейнгаузу не только удалось избежать реального наказания, но и, благодаря покровительству со стороны армейского руководства, вернуть себе штабную должность. Так, 3 августа 1918 г. он был назначен начальником отдела заготовок в управлении снабжения [19, л. 40]. При этом, судя по документам, бывшие коллеги были очень заинтересованы в И. М. Штейнгаузе, который зарекомендовал себя не только как великолепный заготовитель всего необходимого для вооруженных сил, но и как поставщик продуктов и всевозможных бытовых предметов для штаба. Например, согласно показаниям сотрудника отдела контрразведки 1-й армии И. А. Морозова, И. М. Штейнгауз как ни в чем не бывало продолжил за счет казенных авансовых отчислений вести праздную и беззаботную жизнь, в которой активное участие принимали многие сотрудники штаба объединения. Так, начальник штаба Н. И. Корицкий однажды получил из отдела снабжения «отдельный сервиз чайной посуды и носки, затем выписали вторично на 30 человек сотрудников штаба сукна от Штейнгауза <...> Много Штейнгауз потворствовал выдаче чаю, сахару, муки и других продуктов совершенно лицам не причастным к штабу армии». Как красноречиво заметил И. А. Морозов, «вся эта работа основана на личных выгодах только» [15, л. 96 об. – 98 об.].

О том, что именно неналаженность и неорганизованность работы в штабах являлась одной из причин указанных нарушений, также свидетельствуют слова политического комиссара Пензенской дивизии 1-й армии Ф. И. Самсоновича: «Отдел снабжения представлял из себя картину полной разрухи: было полное отсутствие отчетности и системы в работе, что давало полную возможность растрачивать народное хозяйство. Во главе отдела стояли люди сведущие, но постановка работы точно нарочно

была вся перепутана. При проверке счетов оказалось, [что] много счетов поддельных и прочих злоупотреблений» [30, с. 95]. Однако после упорядочения работы военно-революционных трибуналов судебные приговоры по делам, связанным с хищением денег и армейского имущества, значительно ужесточились. Согласно телеграмме политического комиссара Пензенской дивизии в политотдел армии от 27 августа 1918 г., по результатам проверки ревизионной комиссией отдела снабжения соединения были взяты под строгий надзор 11 сотрудников данного управления, из которых 5 человек подверглись суду Военно-полевого трибунала, а двое руководящих лиц расстреляны [18, л. 38; 30, с. 95]. В меньшей степени было распространено взяточничество, которое, тем не менее, также каралось достаточно жестко. Так, в августе 1918 г. к расстрелу был приговорен комендант штаба Симбирской дивизии Сушко, который брал взятки от местных крестьян за освобождение их домов от постоя [3, с. 36].

Желание за счет армейских средств обеспечить себе относительно благоприятные условия существования в условиях Гражданской войны было характерно и для штабных работников 5-й армии. При этом иногда в стремлении поживиться за счет вооруженных сил доходило до смешного. Так, в конце ноября 1918 г. сотрудникам штаба армии было предписано вернуть все взятые в столовой кухонные приборы – ложки, вилки, ножи и стаканы, так как «ощущается сильный недостаток в посуде и происходит задержка выдачи обедов и ужинов» [26, л. 64].

Получение предметов армейского имущества в счет бесконечного аванса практиковалось в 5-й армии совершенно открыто, без осуществления каких-либо скрытых махинаций. Так, в приказе по объединению от 24 сентября 1918 г. сообщалось, что некоторые лица «реквизируют в магазинах хозяйственные предметы для личных нужд и деньги за взятые вещи не платят». В ответ армейское командование предписывало «прекратить подобные реквизиции, так как за сделанные реквизиции разных вещей будет удержано из содержания получивших лиц» [25, л. 51]. Нужно отметить, что штабные работники пользовались в своих личных целях не только материальными, но и людскими ресурсами. Например, в 4-й армии в середине августа 1918 г. широко применялась практика «посылать куда-либо, давать поручения <...> и вообще пользоваться <...> услугами» конных ординарцев и посыльных [24, л. 22].

Зафиксированные в документах случаи позволяют говорить о настоящем «барстве» среди некоторых военнослужащих. Так, начальник штаба 5-й армии Андерсен в середине ноября 1918 г. откомандировал на свою частную квартиру 3-х служащих гостиницы, где находился штаб

объединения. При этом жалование одному повару и двум горничным выплачивалось из средств армии. После установления данного нарушения Революционный военный совет 5-й армии постановил объявить Андерсену строгий выговор и вычесть из жалования начальника штаба все деньги, потраченные на повара и горничных. В этом же приказе по 5-й армии от 22 ноября 1918 г. сообщалось, что «проступки, подобные совершенному Начальником Штаба 5-й армии, впредь будут караться самым строгим образом, вплоть до отсылки виновных начальников и должностных лиц в качестве простых красноармейцев на фронт, чтобы заставить их отвыкнуть от привычек и замашек чиновников и офицеров царской армии» [25, л. 282].

Помимо финансовых махинаций, большое распространение среди штабных работников, занимающих, как правило, невысокие должности, получило бегство из места расположения войск с крупной суммой денег. Например, в 5-й армии «14-го сего августа неизвестно куда отлучился начальник Конского запаса тов. Кельмейстер, имея при себе аванс в 25000 р., и до сих по не явился. Тов. Кельмейстера полагать в бегах» [25, л. 4 об.]. Сотрудник госпиталя дивизии Николаевских полков 4-й армии Улыбашев, направленный в Саратов за лекарствами с 9300 руб., «медикаментов не купил и до сего времени неизвестно где находится». В приказе по армии № 10 от 20 августа 1918 г. по этому случаю сообщалось: «Всем, кому известно или станет известным о месте нахождения Улыбашева, немедленно задержать его и под конвоем отправить в Штаб Николаевской дивизии» [23, л. 16 об.]. 15 сентября 1918 г. «со станции Рузаевка скрылись, похитив деньги сорок три тысячи, делопроизводитель 4-й батареи 2-й Орловской бригады Сергей Непринько и канонир Григорий Анопка. Приметы: первый – высокого роста, блондин; второй – низкий, брюнет, с большой губой. Оба одеты в шинели. Прошу задержать и доставить в штаб 1-й армии в Рузаевку» [7]. 10 октября 1918 г. с 10000 руб. скрылся начальник канцелярии отдела снабжения 4-й армии Павел Смирнов [23, л. 88 об.].

Следующее дисциплинарное нарушение – пьянство, широко распространенное среди солдатской массы Красной армии в годы Гражданской войны, затронуло и штабных работников. Например, сотрудник контрразведки 1-й армии И. А. Морозов следующим образом характеризовал работу отдела заготовок во главе со И. М. Штейнгаузом, находившегося в тот момент в Пензе: «Вся эта банда пила, гуляла, а дела в это время стояли, на что уходило много денег, и все это сносилось к безотчетному авансу» [15, л. 96 об. – 98 об.]. Похожая массовая пьянка была органи-

зована И. М. Штейнгаузом в Сердобске Саратовской губернии в помещении столовой, куда были приглашены представители местной власти, а также фронтового командования – всего около 50 человек. Солдаты из личного отряда И. М. Штейнгауза, стоявшие в карауле у здания, где происходил кутеж, согласно сведениям начальника милиции, «наблюдали пьяную оргию. Видя там всех своих начальников, ужасно возмущались и вспоминали о временах Николая. Роптали, что нас обманывают и посылают на фронт, а сами коммунисты здесь пьянствуют с музыкой» [12, с. 111–112].

Намного скромнее проходили банкеты представителей армейского и дивизионного командования, устраивавшиеся, как правило, в расположении Симбирской дивизии по инициативе начальника соединения Г. Д. Гая. По воспоминаниям начальника штаба 1-й армии Н. И. Корицкого, торжественный прием в честь прибытия командующего М. Н. Тухачевского, организованный в начале августа 1918 г., выглядел следующим образом: «На столе, покрытом домотканой, с русской вышивкой скатертью, были расставлены тарелки с жареными курами, салом и прочей деревенской снедь» [10, с. 67]. Похожий банкет, несмотря на продолжающиеся бои, был устроен спустя несколько дней после взятия Симбирска в середине сентября 1918 г. в 1-м Симбирском полку Симбирской дивизии. На нем присутствовали М. Н. Тухачевский, начальник штаба Н. И. Корицкий, политический комиссар О. Ю. Калнин и весь президиум Симбирского губисполкома [9, с. 92]. Назвать подобные застолья дисциплинарными нарушениями нельзя, однако тот факт, что дефицитные для того времени продукты и алкоголь для подобных мероприятий закупались и приобретались на казенные деньги, ставило под сомнение необходимость столь частого их проведения. Так, в конце декабря 1918 г. политком 1-й армии С. П. Медведев отменил распоряжение М. Н. Тухачевского о закупке продовольствия для празднования Нового года в штабе объединения. В ответ командарм обвинил комиссара в «провокаторстве» и подрыве своего авторитета. В итоге с целью прекратить постоянные конфликты между представителями армейского командования Народный комиссар по военным делам и председатель Революционного военного совета Республики Л. Д. Троцкий принял решение о назначении М. Н. Тухачевского помощником командующего Южным фронтом [4, с. 44].

Пьянство, помимо того, что тормозило работу в штабных учреждениях, зачастую приводило к другим эксцессам. Сотрудник контрразведки 1-й И. А. Морозов сообщал, что «в штабе армии идет развращенность

<...> играют в деньги и пьют». Так, находившийся на учете у заведующего хозяйством штаба 1-й армии «для использования в военном деле» спирт получали помощник начальника административного управления В. В. Аронов, которого И. А. Морозов прямо называл «алкоголиком», начальник административного управления И. Н. Устичев, начальник штаба Н. И. Корицкий, адъютанты и другие сотрудники [15, л. 96 об. – 98 об.]. Причем указанные кутежи происходили не только днем, но и ночью. Приказом по 4-й армии № 87 от 25 октября 1918 г. предлагалось всем военным служащим, проживающим в гостинице «Националь», «соблюдать в таковой полный порядок и тишину, в особенности после 23 часов <...> Гостиница является общежитием и никакой шум не допустим, так как таковой не дает возможности отдохнуть после дневной работы» [24, л. 142].

Подобные проступки не могли оставаться безнаказанными, в особенности в условиях расширения деятельности армейских и дивизионных сыскных и судебных органов. Так, 16 сентября 1918 г. начальник отдела связи штаба 1-й армии Симонов за «пьянство и злоупотребление по службе (пользование казенным автомобилем)» был заключен в тюрьму сроком на 6 месяцев [16, л. 56, 61]. 23 ноября 1918 г. заведующий типографией штаба армии Голубев также был признан виновным «в употреблении спиртных напитков». Однако «принимая во внимание его чистосердечное раскаяние, а также тяжесть положения его семьи», военно-революционный трибунал постановил «считать его заслуживающим снисхождения <...> и, исключив из рядов армии, приговорить условно к 3 (трем) годам тюремного заключения» [16, л. 27]. 30 ноября 1918 г. Военно-полевой трибунал 4-й армии приговорил к 3-месячному тюремному заключению заведующего хозяйственной частью при команде отдела снабжения 1-й Самарской дивизии М. А. Рыжкова и его помощника Н. Д. Шапкина по обвинению «в пьянстве и нанесении оскорбления действием крестьянину села Алексеевки Лопатину» [23, л. 153].

Совершенно очевидно, что подобного рода времяпровождение не могло обойтись без женщин, которые, несмотря на запрет посторонним лицам находиться на территории штаба, так или иначе туда попадали. Так, в приказе по 4-й армии № 19 от 14 августа 1918 г. сообщалось о случае передачи секретных пропусков местного гарнизона женщинам, что было категорически запрещено и было чревато арестом и другими серьезными мерами [24, л. 22].

Намного сложнее охарактеризовать общее отношение военных специалистов к работе в штабных учреждениях. Это связано с тем, что имеющиеся в нашем распоряжении источники содержат, как прави-

ло, достаточно предвзятую оценку их поведения. В качестве примера можно привести показания командующего Симбирской группы войск 1-й армии С. М. Пугачевского по делу о взятии Симбирска 22 июля 1918 г. войсками Народной армии: «Будучи занят на фронте, я не имел возможности произвести реорганизацию штаба Симбирской группы. Штаб же состоял из ряда мобилизованных офицеров, относящихся к своему делу весьма халатно и скрытно саботирующих» [13, л. 6]. Член Революционного военного совета Восточного фронта Г. И. Благонравов дополнял слова С. М. Пугачевского: «Ответственные посты пришлось поручить военным специалистам, которые всемерно саботировали. Особенно в артиллерийском ведомстве, в результате у нас из массы тяжелых орудий лишь одно стреляло в момент боя» [13, л. 13]. Не исключено, что С. М. Пугачевский и Г. Н. Благонравов, на которых была возложена частичная ответственность за неудовлетворительную организацию обороны города, пытались отвести от себя обвинения.

Аналогичным образом нельзя однозначно трактовать причины переходов штабных работников на сторону противника. Так, в 1-й армии наибольшее число перебежчиков пришлось на вторую половину июля 1918 г., когда войска испытывали временные затруднения и отступали, в то время как штабы из-за отсутствия или недостатка транспортных средств в большинстве случаев продолжали оставаться на линии фронта. Например, после занятия войсками Народной армии Симбирска 22 июля 1918 г. в городе в полном составе осталось инженерное управление штаба 1-й армии во главе с Зигелькорном [28, с. 80]. Не исключено, что работники отдела попросту не успели эвакуироваться из города, что вынудило их перейти на службу Комучу. Вместе с ними, пользуясь неразберихой, в сторону противника на автомобиле уехали многие сотрудники штаба Симбирской группы войск [6, с. 171].

Вполне возможно, что подобные «перелеты» были обусловлены паникой штабных работников, опасавшихся попадания в плен и последующих репрессий и стремившихся опередить события и добровольно перейти на сторону противника с целью избегания возможных в данном случае эксцессов. Так, из телеграммы начальника Инзенской дивизии Я. Я. Лациса М. Н. Тухачевскому от 24 июля 1918 г. становится известно, что «во время происшедших в ночь с 19 на 20 июля боевых столкновениях с противником у станции Барыш, при отступлении со ст. Барыш, на сторону противника перебежали два присланных из штаба армии инструктора – Аристов и Игнатьев – бывшие офицеры, состоявшие в 1-м Україно-Белорусском полку на должностях командира 2-го

батальона и второй – на должности запасного инструктора» [20, л. 7]. С 21 июля 1918 г. в бегах стал числиться начальник штаба Пензенской дивизии Каминский [27, л. 11]. В данном случае также следует отметить, что штаб соединения, находившийся в Кузнецке Пензенской губернии, оставался практически без прикрытия в условиях стремительного наступления противника [2, с. 57]. Тем не менее, нельзя исключать того, что данные переходы были обусловлены общим неприятием офицерами советской власти.

К сожалению, в нашем распоряжении отсутствуют какие-либо сведения о дальнейшей судьбе перебежчиков. Однако нужно заметить, что не всех военспецов принимали на противоположной стороне с распростертыми объятиями. Так, перешедший в конце июня 1918 г. на сторону противника командующий Сенгилеевским фронтом Мельников был расстрелян каппелевцами за службу «большевикам верой и правдой» [1, с. 65; 29, с. 114].

Нужно отметить, что указанные переходы, несмотря на очевидно неблагоприятные для Красной армии последствия, имели и положительные стороны, так как носили характер своеобразной чистки командного состава от «контрреволюционного элемента», которого в штабах было достаточно много. Однако последние в большинстве случаев не стремились осуществлять какие-либо противоправные действия по отношению к советской власти и, в частности, вооруженным силам. Так, широко известна характеристика настроений штабных офицеров 1-й армии, приведенная в воспоминаниях А. И. Деникина, по словам Б. В. Энгельгардта, занимавшего одну из должностей в данном объединении и перешедшего на сторону Добровольческой армии в ноябре 1918 г.: «Мы убежденные монархисты, но не восстанем и не будем восставать против советской власти потому, что раз она держится, значит, народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем бить их самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А так, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся» [5, с. 549]. Иначе говоря, большевики выглядели намного предпочтительнее в качестве представителей власти, нежели социалисты, которые, по убеждению многих офицеров, сыграли одну из ключевых ролей в развале Русской армии в 1917 г.

Подобного рода «контрреволюционные» настроения, как правило, высказывались в частных беседах и не носили за собой каких-либо побудительных мотивов к действию. Согласно показаниям сотрудника

контрразведки 1-й армии И. А. Морозова, первый начальник санитарного отдела врач В. В. Заглухинский оказался «сторонником белогвардейцев», так как якобы после взятия Симбирска 22 июля 1918 г. он говорил: «Слава Богу, Симбирск взяли». О «контрреволюционном» настроении некоторых работников штаба 1-й армии также косвенно свидетельствуют другие документы. Например, о том, что начальник отдела заготовок И. М. Штейнгауз «обложился в Пензе контрреволюционерами», писал неоднократно упоминавшийся И. А. Морозов [15, л. 185]. Примечательно, что подобная обстановка в главном органе управления армией сохранялась вплоть до середины осени 1918 г. В отчете о работе Чрезвычайной комиссии 1-й армии, составленном в конце октября 1918 г., сообщалось о начавшейся чистке штаба объединения от находившихся в нем «контрреволюционеров»: «Выселены пока из штаба бывшие офицеры Веденский, Кузнецов и генерал Комаров, арестован бывш. офицер Гавлич, которому известны ближайшие планы нашего командования» [11, с. 23].

Итак, дисциплинарные нарушения были достаточно широко распространены среди сотрудников штабов армий и дивизий Восточного фронта летом – осенью 1918 г. Причинами подобного поведения можно назвать попытку военнослужащих при помощи различных, зачастую незаконных, способов приспособиться к экстремальным условиям Гражданской войны путем улучшения быта и практик девиантного поведения, которые помогали эффективно справиться с усталостью и стрессом, характерных для начального периода организации вооруженных сил. Отдельно следует отметить поведение бывших офицеров, которые, помимо известных причин, могли переходить на сторону противника в крайних случаях под влиянием паники либо ограничивались «контрреволюционными» высказываниями в адрес большевиков и армейского руководства.

Следует также сказать и о последствиях подобных нарушений, которые отрицательным образом сказывались на системе снабжения войск всем необходимым для ведения боевых действий, прежде всего, продовольствием, на общей работе штабов в целом, а также способствовали формированию негативного представления о сотрудниках главных органов управления Красной армии среди солдатской массы.

Несмотря на то, что армейские и дивизионные политические, сыскные и судебные органы проводили всю необходимую работу по профилактике и предотвращению дисциплинарных нарушений среди штабных работников, искоренить подобное поведение не удавалось, что было связано с неспособностью командования длительное время улучшить условия существования военнослужащих.

Литература и источники

1. Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на Востоке России. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 43–82.
2. Гавронский А. Очерки гражданской войны на фронте 1-й армии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 56–63.
3. Гай Г. Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. – М.: Государственное военное издательство, 1931. – 76 с.
4. Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. – 1989. – № 10. – С. 38–61.
5. Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 3 кн. Кн. 2. Т. 2. – М.: Айрис-Пресс, 2013. – 736 с.
6. Звирбуль Я. Оборона Симбирска // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сборник воспоминаний. – Ульяновск: Ульяновское книжное издательство, 1958. – С. 157–171.
7. Известия Народного комиссариата по военным делам. – 1918. – 29 сент. – № 125.
8. Известия Рузавского совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 11 июля. – № 2.
9. Клементьев А. От Сенгилея – Инзы до Оренбурга – Орска (Очерки и воспоминания о борьбе железной дивизии на чехо-словацком фронте) // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 83–95.
10. Корицкий Н. И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. – М.: Воениздат, 1965. – С. 51–102.
11. Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехо-Словацком фронте. – Казань: [б. и.]. – 1918. – № 1. – 33 с.
12. Поляков Р. Ю. Военно-мобилизационная работа местных органов военного управления в 1918 – начале 1919 годов (По материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2003. – 260 с.
13. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 106. Оп. 7. Д. 7.
14. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 25.
15. РГВА. Ф. 157. Оп. 1. Д. 6.
16. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 6.
17. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 9.
18. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 574.
19. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609.
20. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 681.
21. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 905.
22. РГВА. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1.
23. РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 887.
24. РГВА. Ф. 184. Оп. 3. Д. 900.
25. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1436.
26. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1560.
27. РГВА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 480.
28. Руднев И. Год существования инженерных частей в армии // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 80–82.
29. Самарский Д. Партизаны Волги // Годовщина Первой революционной армии. – М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 106–122.
30. Самсонович [Ф.И.] О работе в Пензенской дивизии // Годовщина Первой револю-

ционной армии. – М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. – С. 95–98.

31. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 26.

Ю. В. НИКОЛАЕВА

БРОНЕПОЕЗДА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(по воспоминаниям участников событий из фондов
Государственного архива новейшей истории Ульяновской области)

Бронепоезда стали использоваться во второй половине XIX в., когда в годы гражданской войны в США (1861–1865) на ж/д платформы впервые были поставлены пушки. В России они стали применяться в годы Первой мировой войны. Особой популярностью такие ж/д составы стали пользоваться в годы Гражданской войны (1918–1922) [10; с. 3]. Бронированные поезда в России состояли на вооружении не только Красной, но и Белой Армии и чехословаков.

Бронепоезд представлял собой бронированный и (или) вооружённый подвижной ж/д состав (поезд), предназначенный для ведения боевых действий в полосе железной дороги, броневое вооружение танковых и других родов войск. В состав классической схемы бронепоезда, как правило, входили бронированный локомотив (бронепаровоз или бронетепловоз), «чёрный» (небронированный) паровоз, несколько броневагонов (броневых площадок) со стрелковым, артиллерийским и зенитным вооружением (чаще всего вооружение комбинируется), от двух до четырёх контрольных платформ (платформ прикрытия), иногда – платформы с десантом.

Часть бронепоездов достались Красной Армии от Русской Императорской армии, при этом было развёрнуто и серийное производство новых. Кроме того, вплоть до 1919 г. сохранялось массовое изготовление «суррогатных» бронепоездов, собираемых из подручных материалов из обычных пассажирских вагонов в отсутствие всяких чертежей; такой «бронепоезд» мог быть собран буквально за сутки.

Сегодня бронепоезда не используются ни одной армией в мире. Однако они сыграли важную роль во время Гражданской войны. Бронепоезда можно назвать символом Гражданской войны и уникальной страницей в истории военного искусства.

В документах Государственного архива новейшей истории Ульяновской области сохранились воспоминания участников Гражданской войны. В их числе – воспоминания Андрея Васильевича Полупанова и Наума Яковлевича Гимельштейна – командира и политического комиссара бронепоезда № 4 «Свобода или смерть». По их воспоминаниям мы можем проследить боевой путь ж/д состава, в том числе и на территории Симбирской губернии. В самих воспоминаниях встречаются некоторые расхождения, однако они не препятствуют восприятию целостной картины происходящих событий.

Бронепоезд «Свобода или смерть» сражался с немецко-австрийскими оккупантами и петлюровцами на право- и левобережной Украине. В воспоминаниях Н. Я. Гимельштейна говорится, что «бронепоезд был отобран в Киеве отрядом советских моряков у петлюровцев. Командиром его стал Полупанов Андрей Васильевич, моряк, родом – донбасский шахтер» [1; л. 18].

После участия в военных действиях на Украине бронепоезд Полупанова, в конце мая 1918 г. отремонтированный в Коломне, был направлен на Восточный фронт. Как вспоминал Андрей Васильевич, «отремонтированный, сверкающий свежей краской бронепоезд получил приказ отправиться на Симбирский фронт против восставших там чехословацких частей». Бронепоезд шёл на Симбирск в полной готовности немедленно вступить в бой, так как команду ещё в Москве предупредили о том, что чехи наступают полукольцом и их правофланговые части уже подошли к Сызрани. В начале июня бронепоезд был уже на сызранском участке. Здесь он принимал участие в наступлении на Сызрань и после отхода на Инзу был направлен через Симбирск на Бугульминский фронт.

В Симбирск бронепоезд прибыл в июне. Дата прибытия поезда в воспоминаниях разнится. А. В. Полупанов пишет, что произошло это 7 июня [4; л. 92]. В то же время, в воспоминаниях Гимельштейна указано, что состав прибыл в Симбирск во второй половине месяца [1; л. 38].

Штаб 1-й армии, в состав которой вошёл бронепоезд, находился в Рузаевке. Полупанов получил приказ выступить по направлению на Бугульму, т. е. «врезаться в тыл чехословаков». Как писал Полупанов, «прикрытия бронепоезд не получил и в этом ответственном трудновыполнимом задании. Но приказ должен быть выполнен» [4; л. 92].

Получив в Симбирске добавочную порцию боеприпасов, продовольствия, набрав воды, бронепоезд направился в Бугульму. По дороге поезд сделал остановку на станции Мелекесс, откуда была отправлена разведка, которая показала, что путь бронепоезда далее пролегал сквозь

села, захваченные кулаками. Разведка донесла, что вправо от полотна железной дороги, вблизи мельницы, обнаружена чехословацкая группировка в количестве 300 человек. Бронепоезд направился навстречу врагу. Отряд чехов был малочисленным и был вскоре рассеян. Боевой состав бронепоезда потерял в этой схватке одного бойца – матроса Шестопалова. А затем были обнаружены тела ещё трех красногвардейцев – тех, которые были направлены в разведку.

В Мелекессе Полупанов оборудовал ещё и блиндированный поезд, сумев там подавить антибольшевистское выступление офицеров и горожан 12 июля орудиями бронепоезда. 17 июля оба бронепоезда, на которые очень рассчитывали в обороне города местные партийцы, оставили Мелекесс. В результате боя под Бряндино войсковые части Комуча обошли красный заслон, сумели подорвать блиндированный поезд мелекессцев. 22 июля в 9 утра Симбирск был занят войсками белых, диверсионные группы которых подорвали ж/д пути на маршруте отхода бронепоезда. Полупановцы отступили к вокзалу – на Киндяковку, выслав оттуда вперед по пути следования отряд пехоты и бригаду ремонтников, чтобы держать ж/д пути в надлежащем состоянии. Пытались прорваться к Инзе вслед за штабом армии, но путь был перебит основательно. Полупанов принял решение пустить поезд с насыпи у моста через Волгу.

В воспоминаниях А. В. Полупанова сохранилось описание этого трудного для всей команды момента. Решение о подрыве поезда было принято: «Бронепоезд надо взорвать, чтобы не отдать врагам» [4; л. 106]. «Опустел бронепоезд. Заложены подрывники в снаряде. Подпалив шнуры, ссыпались под откос к стоявшей внизу команде четверо бойцов. Секунды крайнего напряжения и... наступившую ночь разорвали невероятной силы взрывы. Огонь на мгновение осветил черные тела бронеплощадок. Лязг железа... И снова тишина. Снова чернеет на линии бронепоезд: не так-то легко взорвать. Покосилась и осела лишь задняя площадка. Наспех разобран путь у моста. Бросился машинист к паровозу, перевел рычаг. В последний раз рванулся вперед матросский бронепоезд "Свобода или смерть" и загрохотал вниз. Мириадами брызг разошлась широкая русская река и вновь сомкнулась бурным водоворотом, остудив горячую бронь своими глубокими прохладными водами» [4; л. 107].

Исходя из воспоминаний командира бронепоезда, можно сделать вывод, что поезд затонул в Волге. Однако в воспоминаниях Н. Я. Гимельштейна это событие описывается так: «На совещании командного состава бронепоезда выяснилось, что для бронепоезда нет спасения.

В один голос решаем: "Не сдавать бронепоезд. Уничтожить его самим". Начали развинчивать рельсы и разводить их с расчетом спустить паровоз с бронеплощадки в Волгу. Заранее снимаем и уничтожаем пулеметные и орудийные замки, набираем пар, разгоняем паровоз. Но расчеты не оправдались. Лишь первая бронеплощадка спустилась в Волгу, паровоз своей тяжестью выправил рельсу и застрял на мосту» [1; л. 48].

Захватив один из следовавших по Волге пароходов, команда бронепоезда уплыла по Волге на Казань. У Старой Майны пароход был захвачен белыми, и команда бронепоезда расстреляна вместе с отрядом венгров-интернационалистов. А. В. Полупанову и коменданту бронепоезда Н. Я. Гимельштейну удалось бежать лесами на Казань.

В воспоминаниях Гимельштейн описывал побег с парохода: «Тов. Полупанов видя, что к нему подходит очередь, я же стоял рядом с ним, он растерявшись незаметно передает мне документ и обращается ко мне, спрашивает, что там написано. Незаметно прочтя, я ему сказал, что теперь он Иван Иванович Иванов и по профессии машинист. Как только подошли к нему, он крикнул: "Я машинист и еду искать себе хлеба"... В это время подошел комендант, предложил ему службу на паровозе, тов. Полупанов тотчас же согласился и он получил пропуск на берег».

Расстрелы команды бронепоезда и интернационалистов продолжались. Н. Я. Гимельштейна выдавал его внешний вид: окровавленные лицо и кожаная куртка, а также бинт на голове. Было件нятно, что недавно он был в бою. Далее он вспоминает: «Выводят меня и нашего пулеметчика со 2-й бронеплощадки и кочегара бронепоезда. Как молнией порезало наши мозги мысл: "Бежать! Бежать!". Все равно убьют... в 5-ти шагах от кучи расстрелянных, моим командованием мы бросились в рассыпную в лес. Кочегар упал, сраженный шальной разрывной пулей. Пулеметчик продолжал бежать рядом со мной, хотя у него было раздроблено плечо. Бежим, куда глаза глядят. За леском хутор. Меня охватывает непреодолимая слабость – результат контузии и всего пережитого. Я лишаюсь чувств... Сколько времени я лежал во ржи не знаю. Когда очнулся, то увидел возле себя записку, оставленную пулеметчиком: "Прости – спасайся также"» [1; л. 50].

«Так кончилась борьба команды бронепоезда "Свобода или смерть", – писал Наум Яковлевич, – из захваченных в плен наших товарищей многие были зверски замучены и расстреляны, многие погибли и от голода и эпидемии <... > Тов. Полупанов вместе с начальником связи Соколовым воспользовались чужими паспортами, выдали себя за мирных жителей и были также отпущены чехословаками "на родину" и около станции

Чуфарово наткнулись на Латышский полк, который направлялся на Симбирский фронт» [1; л. 76].

Наум Яковлевич ещё многое пережил до того, как попал на пароход, направлявшийся в Казань, затем в поезд на Москву. Уже там Гимельштейн попал в первый эвакуационный госпиталь Москвы. А вскоре – направлен на Украину для формирования повстанческих красных отрядов против немецких оккупационных войск.

Необходимо отметить, что впервые воспоминания командира бронепоезда Андрея Васильевича Полупанова о бронепоезде «Свобода или смерть» были опубликованы в 1939 г. Однако из архивных документов можно почерпнуть более полную информацию и восстановить целостную картину событий.

В документах архива новейшей истории сохранились воспоминания Романа Дмитриевича Мизина – одного из организаторов бронепоезда Волго-Бугульминской железной дороги. В своих воспоминаниях Мизин писал об эпизодах гражданской войны, в том числе об организации бронепоезда: «В июне месяце 1918 года, когда я был на пристани г. Симбирска, ко мне по поручению тов. Куйбышева пришел бывший председатель Мелекесского Уисполкома Советов т. Пискалов и попросил меня пойти в Самарский Ревком. В Ревкоме мне сообщили, что есть доверенность с Симбирским Ревкомом об организации железнодорожного бронепоезда, для чего необходимо было связаться с комиссаром Волго-Бугульминской железной дороги» [2; л. 3]. Комиссар Алексей Герасимович Степанов познакомил Р. Д. Мизина с Иваном Алексеевичем Востровым и Василием Михайловичем Гудковым, с которыми с самого начала и до конца ему и пришлось заниматься работой по организации ж/д бронепоезда. Бронепоезд оборудовался на станции Нижняя Часовня.

В воспоминаниях Мизина сказано: «Председатель Мелекесского Уисполкома тов. Пискалов Я. Г., а также я и ряд красногвардейцев, выезжали в Мелекесс, где нам для бронепоезда было выдано оружие, боеприпасы, продовольствие. Затем мной были подобраны пулеметчики для пулеметного броневагона. Из пулеметчиков Самарского отряда красной гвардии были взяты на бронепоезд Волго-Бугульминской железной дороги: Мизин И. Д., Халковский П. Е. и Таланин А. В., кроме того в пулеметную команду были взяты мной несколько человек из рабочих ст. Н. Часовня» [2; л. 2].

Когда бронепоезд был готов, его участником была поставлена задача – ехать, если нужно, с боями вплоть до самого г. Уфы и не допускать продвижения к Симбирску ни белогвардейцев, ни чехословаков.

В документах также сохранился список участников бронепоезда Волго-Бугульминской железной дороги и его красногвардейской команды, участвовавшей в борьбе с белогвардейцами и восставшими против советской власти чехословаками 1918 г. [2; л. 4–6], а также фотография организаторов этого ж/д состава [2; л. 32].

Об организации и участии в боевых действиях бронепоезда имени Назарова сохранились воспоминания самого Михаила Григорьевича Назарова – политического комиссара и председателя комитета РКП(б) Волго-Бугульминской железной дороги. Описанные события происходили в октябре 1918 – мае 1919 гг.

Михаил Григорьевич вспоминал, как осенью 1918 г. Всероссийский исполнительный комитет железной дороги командировал его на линию чехословацкого фронта для организации железнодорожников на восстановление транспорта и создания политического аппарата. Назаров отправился в Симбирск, установил связь с губкомом и исполкомом. С Гимовым, Швером, Фрейманом и другими он наметил план работы на Волго-Бугульминской железной дороге. На станциях Нижняя и Верхняя Часовни, в Киндяковке им были организована ячейка партии. В это время восстанавливался ж/д транспорт, все вагоны и паровозы отремонтированы и пущены в ход. Движение поездов через Волжский мост также было восстановлено.

Когда дошла весть из Чишмы о наступлении Колчака, Назаров получил задание по эвакуации передвижного состава и всего ж/д инвентаря. Сам Михаил Григорьевич отправился в Бугульму. Под Бугульмой все имеющиеся силы дали бой. Наступление белых было задержано. Учитывая создавшееся положение, железнодорожники постановили создать головной строительный отряд из рабочих Волго-Бугульминской железной дороги для восстановления транспорта. Когда отряд был сформирован, встал вопрос о формировании бронепоезда. Выполнение этой задачи взял на себя Назаров.

Чтобы создать десантную группу при бронепоезде, Михаил Григорьевич снова прибыл в Симбирск. Как вспоминает Назаров, «в ту же ночь устроили субботник, работали до утра, приспособив 4 вагона». На утро были готовы 2 американских двухосных вагона с двумя станками и достаточном количеством бойниц как для пулеметов, так и для винтовок. Кроме того, подготовили для орудий и бронящики для хранения снарядов и прикрытия команды. Оборудованный таким образом бронепоезд был отправлен в балластный карьер для засыпки песком пространства между стенками. На платформу было приспособлено орудие японского

образца, которое ранее не было принято комиссией для фронта, но другого не было. Поезд был снаряжен. На Нижней Часовне бронепоезд ждали 60 вооруженных бойцов. Были выдвинуты бронев вагоны с бойницами для пулеметчиками и 5 вагонов для бойцов. По дороге в Бугульму силы бронепоезда пополнялись. Так, на станции Нурлат был сформирован головной строительный поезд с достаточным количеством квалифицированной силы и материалами. При нём находился санитарный вагон с персоналом и медикаментами, вагон-пекарня и кухня, месячный запас продовольствия по расчету на 200 красноармейцев и весь необходимый инвентарь, а также телефоны для связи с частями. С Волго-Бугульминской железной дороги отпускались, кроме боевого снаряжения, снаряды, патроны, ручные бомбы разного образца и прочее. Так бронепоезд прибыл на Восточный фронт. В нём насчитывалось по спискам: «207 товарищей всех родов оружия при 2-х орудиях, 10-ти пулеметах, 160 винтовок, 1000 снарядов, 28000 патронов для трёхлинейных винтовок, 25000 патронов для пулемета и 252 ручных гранаты» [3; л. 17].

Бронепоезд успешно участвовал в боевых действиях на Волго-Бугульминской железной дороге, сначала в деревне Девидеровка (название указано в документе), затем близ станции Нурлат. Как вспоминал Г. М. Назаров, «враг не выдержал напора Красной Армии и ураганного огня наших броневых сил, был разбит наголову и бежал, преследуемый нашими частями» [3; л. 17]. Бронепоезду было присвоено имя Назарова в честь Михаила Григорьевича Назарова, который взял на себя работу по организации бронепоезда и строительного головного отряда.

Необходимо отметить, что воспоминания участников описываемых событий были написаны в 50-х гг. XX в. В них могут иметься неточности и расхождения, однако с их помощью мы можем восстановить не только целостную картину происходящих событий, но и понять «дух» эпохи.

Литература и источники

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 206.
2. ГАНИ УО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 296.
3. ГАНИ УО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 303.
4. ГАНИ УО. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 322.
5. Шавров А.В. Бронепоезда. Значение, вооружение, организация и тактика бронепоездов. – Белград, 1927. – 108 с.

**К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА СИМБИРСКА
ПО ПУБЛИКАЦИЯМ СИМБИРСКИХ
И УЛЬЯНОВСКИХ КРАЕВЕДОВ**

В преддверии 370-летия Симбирска – Ульяновска вновь возникли вопросы о причинах и времени основания нашего города. Зачем понадобился новый город на Волге? Почему он не был построен в то время, когда по берегам Волги вставали Самара, Саратов, Уфа, Царицын? На эти вопросы попытаемся найти ответы с помощью публикаций симбирских авторов XIX – начала XX столетий и исторических исследований И. И. Пушкарёва и Г. И. Перетятковича.

В истории пригородного с. Карлинское имеется множество фактов и явлений, присущих только ему. Изначально данное селение было небольшой крепостью на сторожевой линии, идущей в северо-западном направлении от только что построенного г. Симбирск. Придерживаясь официально признанной даты начала строительства Симбирска в 1648 г. и поселения на Свяге полковых казаков, переведённых сюда с р. Кáрла в 1649 г., перед исследователями встаёт до сих пор не объяснимый факт.

Строящуюся сторожевую линию необходимо было заселить служилыми людьми для её защиты, и их переводили сюда из северных и западных территорий. Переведенцы заселяли порожние земли, и новые их селения носили те названия, откуда они прибыли: Юшанское – из Юшанска, Лаишевка – из Лаишева, Арское – из Арска. Казаков, стоящих на р. Кáрла, где в Кáрлинской слободе они несли службу (сейчас это район г. Буинск Республики Татарстан), перевели в уже существующий Куралов городок на р. Свяга. Если бы этот городок был построен специально для них, то и название он носил бы то, которое принесли с собой казаки, то есть Кáрлинский городок, а тут нет, Куралов городок.

Значит ли это, что в Кураловом городке ещё до прихода казаков с р. Карла были уже воинские служилые люди? Несомненно, и они несли сторожевую службу, ведь Куралов городок стоял в том месте, где р. Свяга протекала от Волги всего лишь в нескольких километрах да ещё в противоположном направлении. Этот городок выполнял сторожевую задачу по недопущению свободного передвижения неприятеля с Волги на Свягу и наоборот.

В связи с Кураловым городком существует ещё одно название –

Кухарево. Возможно, Куралов городок был построен на месте этого селения или рядом, а новое название постепенно вытеснило старое. Не исключено, что было это лет за сто до строительства и Симбирска, то есть во времена Ивана Грозного. На эту мысль наводит название: здесь на Свияге – Куралов городок, а недалеко от Казани есть с. Куралово. На левом берегу Волги, в современном Свияжском районе, до сих пор стоит ещё одно Куралово. Когда Иван IV после покорения Казани для более быстрого освоения территории бывшего ханства приказал из «верховых» городов направить вниз по Волге как можно больше русских людей, переселенцы из с. Куралово и основали Куралов городок. Другого объяснения появления Куралова городка просто не может быть.

«В Симбирском же отмерено на пашню земли Куралова городка Карлинским переведенцам, конным казакам, сту человекам: двум пятидесятникам, осмии человекам десятникам, девяносту человекам рядовым казакам – две тысячи сто двадцать четвертей в поле, а в дву потому ж» [1].

Далее Куралов городок постепенно превращается в Куралову слободу, поселение расширяется, и казаки, ранее населявшие только городок, выходят за его пределы и нередко именуются как «карлинские переведенцы из Куралова городка».

С течением времени Куралов городок исчезает как крепостное сооружение, исчезает и название, которое всё более утверждается как Карлинская слобода. Но и это название не сразу стало таковым, а в течение долгого ещё времени существовало в разных вариантах: Куларова городка карлинских переведенцев [2], Карлинских казаков Куралова городка [3], Куларова городка конных казаков земля [4]. Иногда к названию Карлинская слобода, дополняется «Кухарево тож».

Дата начала строительства Симбирска как города никем из исследователей не оспаривается, и основана она на документе, который называется как «Государев указ и приговор о службе арзамасцам, а также мурзам и татарам на Алатыре», в котором говорится: «156 года[5] февраля в десятый день указал государь и бояре приговорили: арзамасцам обеих половин [6] и нижегородцам и иных городов дворянам и детям боярским, и князьям, и мурзам и татарам быть на государевой службе с окольниковым и воеводою, с Богданом Матвеевичем Хитрово; <...> на степи города и всякие крепости устроить до приходу воинских людей заранее с весны» [7].

П. Л. Мартынов [8], которому приписывают находку данного документа в старых архивных делах, пишет: «Окольниковый [9] Хитрово "с

товарищи" прибыл на место своего назначения в <...> 1648 году и немедленно приступил к исполнению царского указа, положив, прежде всего основание городу» [10]. И далее: «Долго ли строился Симбирск – неизвестно, но из сохранившейся <...> "строельной" книги гор. Симбирска видно, что в 1652 году он был уже совершенно отстроенным городом» [11]. То же находим и у М. Ф. Суперанского [12], который пишет: «оружейничий [13] Хитрово <...> в <...> 1648 году основал на высоком берегу Волги город Симбирск и отсюда повёл "черту" к городу Карсуну, который за год до этого был им построен на реке Барыше» [14].

В половине 1647 г. г. Карсун был уже готов, и после этого Хитрово отправился в Москву. Из Москвы Хитрово выехал на второй неделе Великого поста, который в 1648 г. начинался 20 февраля, и не ранее середины марта прибыл на место. Успев весной и в начале лета заложить город, он в сентябре, то есть в начале нового 7157 (1649) г., отбыл в Москву. Его пребывание здесь весной и летом подтверждается письмом, направленным в Москву с описанием дел.

Заведующая отделом информации Российского государственного архива древних актов (РГАДА) С. Р. Долгова и научный сотрудник архива Е. Лыкова обнаружили в 1981 г. в указанном архиве самый ранний документ, относящийся к Симбирску. Они пишут в статье «Стоит город на Волге» («Ульяновская правда», 13 февраля 1981 г.) следующее: «Наиболее ранний документ архива относится к июлю 1648 года, то есть ко времени закладки и строительства нового города». Документ, который они называют челобитной, должны были доставить в Москву «арзамасские служилые люди», а подписан он был воеводами Хитрово Богданом Матвеевичем и Камыниным Иваном Богдановичем. Стольник и воевода И. Б. Камынин после отъезда Б. М. Хитрово строил Симбирск и пригородные слободы.

После основания Симбирска окольный Хитрово «повёл черту» в сторону Карсуна, но только у П. Л. Мартынова находим, что это означает – «повёл черту, (т. е. вал со рвом и небольшими городками)». Принципиально важно, что это единственное заявление о том, что «повёл черту» – это в числе прочих дел были и сооружение вала и рытьё рва, но ни один известный исследователям документ не говорит об этом. Обратимся к указу 1647 г., где говорится о том, что «стольник наш и воевода Богдан Хитрово» и Карсунскую сторожевую линию учинил, и построил два города и четыре острога, но здесь нет упоминаний ни про ров, ни про вал. В Государевом указе от 10 февраля 1648 г. также не говорится ни о рытье рвов, ни про насыпку валов. Вот «на степи

города и всякие крепости устроить до приходу воинских людей заранее с весны» — да, есть.

Что это — забывчивость дьяков, готовивших указ, или ошибка воевод, не включивших в план строительство важнейших элементов укрепления «черты», или небрежность писарей, писавших этот указ набело? Общеизвестно, что государевы указы проходят ещё и боярский приговор, который предусматривает его всестороннее обсуждение вплоть до мельчайших деталей, и никак не могло быть такое, чтобы не было сказано ни о рытье рвов и насыпке валов, ведь без них не могло быть ни одного крепостного сооружения того времени. Государевы указы, как правило, изобилуют большим количеством подробностей, которые неоднократно повторяются и во вступительной его части, и в части констатирующей. Это может означать только то, что и рвы были выкопаны, и валы насыпаны раньше, нежели на них стали строить «города и всякие крепости».

Многое в истории сторожевой линии проясняют события, связанные с основанием г. Карсун. Местный исследователь истории Симбирской губернии В. Э. Красовский [15] уточнил дату основания г. Карсун — это первая половина 1647 г. В одной из царских грамот 1647 г. курмышскому воеводе Чеглокову было написано: «В нынешним во 155 (1647) году июля в седьмой день послана к тебе наша грамота, а велено тебе с Курмыша послать в новый город Карсун пищаль медную девяти пудную, пять пищалей <...>, да к ним ядра» [16]. До конца XVIII в., как утверждает В. Э. Красовский, город назывался не Карсуном, а Кóрсунью: «В Карсуне существует предание, что город получил своё название по имени древнего города Кóрсуня (ныне местечко Каневского уезда, Киевской губернии) откуда Б. М. Хитрово вывел казаков, первых поселенцев города» [17].

Да и сам город возник не на пустом месте. Ещё в 1571 г. царь Иван Грозный, желая наладить сторожевую службу и укрепить юго-восточную границу Московского государства, приказал боярину, князю Воротынскому собрать сведения о состоянии сторожевых укреплений. По сведениям Воротынского, самой восточной сторожевой линией оказалась Мещерская. Она начиналась от р. Барыш, притока Суры, и тянулась до Ломова, притока Цны. Значит ли это, что сторожевая служба существовала на р. Барыш уже во второй половине XVI в.? Да, она уже была, ведь не случайно царь Иван о ней вспоминает. Для несения службы на сторожевой стан высылали из Алатыря в смену по шесть человек карaulных с наказом: «А беречи им между речки Барыша и Сурского лесу

на пяти верстах». На месте этого сторожевого поста, как предполагают исследователи, и был заложен г. Карсун.

Ульяновский учёный Н. П. Гриценко в своей книге о Карсуне пишет следующее: «Время основания Карсуна неизвестно, но можно его отнести к шестнадцатому столетию» [18].

После обустройства сторожевой (засечной) линии от р. Барыш (г. Карсун) до р. Сура Богдан Хитрово получает указ от 10 февраля 156 (1648) г., но в этом указе ничего не сказано ни о Симбирске, ни о Симбирской черте. Воеводе Хитрово дана была возможность самостоятельно решать вопрос о дальнейшем пути строительства крепостных сооружений от Карсуна до Волги. Об этом можно говорить уверенно потому, что по свидетельству симбирского историка Пушкарёва [19], на которого ссылается крупнейший исследователь нашего края проф. К. И. Невоструев, Богдан Матвеевич Хитрово «...Обозревал местность ещё при царе Михаиле Фёдоровиче в 1642 году и тогда уже нашёл здесь под горою довольно многолюдное и богатое селение» [20].

Вот что об этом посещении пишет первый историк Симбирска И. И. Пушкарёв [21] в книге «Историко-географическое описание городов Симбирской губернии» в 1837 г.: «...особенное внимание Хитрово обращалось на равнины, лежавшие за рекою Свягою, и остававшиеся невозделанными. Грунт земли чернозём, по качеству своему лучший, мог бы сторицею вознаградить труды поселянину и снабжать другие, менее хлебородные губернии. Нужно было только тщательное обработание пустошей, при большем народонаселении. <...> Хитрово предположил основать город на западном берегу Волги <...> и поехал ко Двору в Москву. Здесь с давнего времени, помышляли об устройстве приволжской стороны <...>. С 1625 года наше отечество <...> начало отдыхать от бранной тревоги, <...> установилась политическая самобытность государства, и *потребность размножения городов сделалась главною целью правительства, залогом прочного благосостояния граждан* (Выделено Пушкарёвым И. И. – Прим. Авт.). В эту самую эпоху <...> явился Хитрово ко Двору со своим проектом основания Симбирска, и <...> было принято его предложение. <...> окончен был строением, в 7156 (1648) году, городок Симбирск, род небольшой крепостицы обнесённой рвом и деревянною стеною» [22]. Здесь, вероятно, говорится об остроге.

Любой город того времени всегда начинался с крепости. «В том же 1648 году, начали возводить земляной вал и устраивать укрепления (острожные тыны), дабы оградить места сии также от набегов Татар. Шесть лет постоянно производилась работа, <...> наконец, в 1654 году,

вал был кончен, обведён глубоким рвом, и семь небольших деревянных крепостей расставленных на этой линии, названы Юшанск, Тагай, Карсунь, Урень, Погорелой, Аргаши и Сурск» [23]. Наш город начинался с крепости, которая должна быть не только средоточием властных структур того времени, но и «дабы оградить места сии также от набегов Татар», то есть не исключается его защитная функция, но ставится она всё-таки на второй план, недаром И. И. Пушкарёв обращает внимание на то, что «с 1625 года наше отечество <...> начало отдыхать от бранной тревоги».

О том же говорится и у другого автора истории Симбирского Поволжья Г. И. Перетятковича: «Около двадцатых годов семнадцатого столетия Поволжье в верховых частях своих освободилось от беспокойства смутного времени, вследствие чего отсюда *начинаются передвижения мирного населения, искавшего себе выгод в промысловых занятиях* (выделено автором) в низовом Поволжье» [24]. Под смутным временем здесь имеется в виду период междоусобицы после смерти Бориса Годунова, которое закончилось с избранием на престол Михаила Фёдоровича Романова. И у И. И. Пушкарёва, и у Г. И. Перетятковича одна и та же мысль: у первого «чернозём <...> мог бы сторицею вознаграждать труды поселенца и снабжать другие, менее хлебородные губернии <...> при большем народонаселении», у второго: «начинаются передвижения мирного населения, искавшего себе выгод в промысловых занятиях». Богдан Матвеевич Хитрово как раз и начал свою деятельность на Волге во времена Михаила Фёдоровича.

В архивном документе 1645 г., выявленном ульяновским учёным В. А. Гуркиным, сказано: «...великий Государь, царь и великий Князь Алексей Михайлович <...> указал <...> черту строить *по прежнему указу отца своего* (выделено автором) <...> и по черте устроить прибавочные городы и населить большим многолюдством» [25]. И здесь говорится о новых городах и стремлении к росту активного к труду населения.

А теперь вернёмся к документу с царским указом от 10 февраля 1648 г., который обнаружил и опубликовал П. Л. Мартынов. С этого указа началось изучение Симбирской старины в конце XIX в., и этот указ заложил во все исследовательские работы того времени единственную причину, по которой строился Симбирск («на степи города и всякие крепости устроить до приходу воинских людей заранее с весны»): военную, оборонительную.

Следующий документ для нас имеет особое значение, ибо ясно говорит о том, что и вал и ров были готовы раньше. По указу «Алексея

Михайловича, велено стольнику и воеводе Петру Андрееву сыну Измайлову [26] <...> подле Синбирского Земляного вала и Синбирской черты городов, острожное дело делать <...> до Карсунской черты, до реки Барыша <...>. И то Государево острожное дело <...> мая 18 числа прошлого 161 (1653) года, сентября по 21 число нынешнего 162 (1654) года, по Государеву указу сделаны <...>. И всего <...> острожного дела другая половина сделана; и меж того острожного дела в разных местах на речках и болотах <...> на прежние тарасы нарубили вновь тарасами [27] же, а в иных местах сделали все новые тарасы и на каменистых местах, для крепости, тарасы острогами оставили на 20 верстах на 913 саженьях <...>. И против того Государева острожного дела и тарасов, вычищены и во рву худые осыпные места для крепости плетнями закрепили» [28]. За острожными делами «надсматривали» в это время: «Иван Арцыбашев, да с ним головы: Симбирский и казачий и стрелецкий голова Алексей Романов, Тагаевский голова Константин Дмитриев, да Синбиряне: Григорий Кайрев, Фёдор Григорьев, Иван Греков, Устин Мошинский, Никита Комаров, Иван Табалин, Иван Кучкин, Григорий да Маркел Алекины, Никифор Чюркин, Максим Арсеньев, Севостьян Коверин, да конных казаков пятидесятник Дружинка Борзов» [29].

Об этой работе дан подробный отчёт с конкретными упоминаниями фактов, что и когда <...>. При стольнике и воеводе при Петре Андрееве сыне Измайлове <...> поделано по Синбирской черте, на проломных местах <...> в нынешнем в 163 (1655) году» [30].

Упоминание о том, что сторожевая линия в виде рва и вала существовали задолго до возведения симбирской крепости, в этих документах находит прямое подтверждение: «...подле Синбирского земляного вала <...> острожное дело делать», которое имело место с 18 мая 1653 г. по 21 сентября 1654 г. Особенно подчёркивается факт ремонтных работ: «...на прежние тарасы нарубили вновь тарасами», «в иных местах сделали новые», а «худые осыпные места для крепости плетнями закрепили».

Что же это получается, не успели ещё до конца построить, а начали новые тарасы рубить да проломные и осыпные места восстанавливать? Как это сопоставить, если во всех источниках утверждается, что все работы по возведению сторожевой линии были закончены в 1654 г., ремонтные работы завершены также в 1654 г.

У А. И. Липинского в «Материалах для географии и статистики» сказано ясно: «Город Симбирск основан в 1648 году, при возобновлении старой пограничной черты, шедшей от г. Симбирска на Карсун и далее за реку Суру в Пензенскую губернию» [31].

В продолжение этих строк необходимо привести выдержку из исторического очерка о Симбирске, помещённого в Памятной книжке на 1862–1863 гг., где говорится: «...поселение на месте нынешнего Симбирска существовало ещё за долго до времени Алексея Михайловича; да и самая черта, известная под именем Симбирской, была не вновь устроена, а только возобновлена» [32]. В этом же очерке говорится о том, что «...Большая черта, шедшая из Ставропольского уезда через Симбирск на Саранск» устроена «при Борисе Годунове» [33].

О большом и богатом селении под симбирской горой упоминает И. И. Пушкарёв, он же даёт и краткую историю его возникновения. О том же селении говорится и в другом источнике: «Первоначальное поселение <...> было под горой и на Венце. Оттого древнейшие Симбирские храмы у нас находятся под горой <...>, подгорье было самой оживлённой торговой частью поселения <...>. Говорят, что под горой были даже <...> частные каменные здания» [34].

Имеющиеся документы дают основание утверждать, что сторожевая линия от Карсуна на северо-запад построена была окончанием этого города, то есть в 1647 г., а вот Симбирскую, идущую на Карсун, никто в это время не строил, она уже существовала: это та самая «старая черта, или так называемая большая линия», которая «начата была при Иоанне Грозном и продолжаема при Фёдоре Иоановиче боярином Одоевским» или «Большая черта <...> устроенная при Борисе Годунове». Теперь понятно, почему начал строиться Симбирск сразу после Карсуна, а уж от него «повели черту городов» в его сторону, и работа заключалась в ремонтных действиях воеводы Петра Андреевича Измайлова.

О том, что на территории будущего Симбирска было немало более ранних поселений людей, говорит и комендант крепости подполковник Александр Свечин. В рапорте Сенату, поданном в мае 1765 г., он пишет: «...на сей речке (Синбирской, бывшей Симбирке. – *Прим. авт.*) прежде того же была черемисская деревня, но по взятъе Казане для лутчей безопасности по повелению царя и великого князя Иоанна Васильевича из собранных разных городов жителями населена и именован по прежнему званию Синбирск» [35]. Этот факт полностью подтверждает версию появления Куралова городка на Свияге, он же предполагает и начало активного освоения Симбирского Поволжья после взятия в 1552 г. Казани. В целом же этот процесс связан с именем Ивана Грозного и его деятельностью.

О том, что «...Колонизация Симбирского уезда началась не позднее 16-го столетия» и связана со строительством Большой черты, шедшей из Ставропольского уезда через Симбирск при Борисе Годунове, гово-

рится ещё в одном источнике [36]. Этот источник появился до большого пожара 1864 г.

Примером освоения земель Симбирского уезда (в него входило и Заволжье. – *Прим. авт.*), может служить и то, что «в сентябре месяце 1653 года в новопостроенный город Белый Яр были переведены на "вечное жильё" 100 лаишевских служилых казаков. В том же году перевели в Белый Яр 38 человек из Тетюш» [37]. На этом месте имелось сторожевое укрепление, построенное во времена царя Бориса Годунова. «Выходцами же из Белого Яра в 1666 году была основана <...> Сенгилеевская слобода. Предполагают, что на месте современного Сенгиля находилось какое-то селение Сенгили» [38], и вполне возможно, что оно появилось «ещё при Грозном», так как именно при нём «в нынешнем Сенгилеевском уезде появляются поселения» [39].

И вновь сомнения о времени основания Симбирска как населённого пункта развеивают публикации авторов XIX в. (имеется в виду осада Симбирска Степаном Разиным в 1670 г. – *Прим. авт.*), «в ...Симбирске считалось 510 посадских дворов (сноска) кроме дворов стрелецких и других служилых людей. Судя по этой цифре, можно предположить, что Симбирск был довольно населён во время осады». Сноска: «Такое значительное число домов заставляет нас сомневаться в годе основания Симбирска. Едвали (так в тексте. – *Прим. авт.*) и до 1648 года не существовало на месте нынешнего Симбирска какого нибудь русского поселения. <...> Симбирск не как город, а просто как русское поселение, существовал и до 1648 года. Сомнение в годе основания Симбирска представляет ещё история Симбирских монастырей. В самом <...> начале существования города у нас являются уже 3 монастыря: Успенский, разрушенный Разиным (под горой), Спасский женский (в крепости или кремле) и Соловецкий в окрестностях города, существование их показывает, что в Симбирске кроме служилых людей было довольно значительное и не служилое сословие, и в 1648 году» [40].

А вот теперь о луговой стороне, или левобережье Волги. Тот документ, который положен в основу следующего примера, трудно изложить дословно из-за многословности и путаности рассуждений, поэтому передаём в кратком изложении. Служилые люди в течение длительного времени наделялись землёй на луговой стороне, и к концу XVI столетия многие «бортные ужожаи, бобровые гоны и рыбные ловли» были в их владении и простирались на огромных пространствах. У одного из них промысловые места располагались в устье Камы, вниз по Волге, от р. Майна и до Красного Яра, чуть севернее Симбирского городища.

Симбирское городище – это остатки древнего г. Симбера, разрушенного в конце XIV в. Тамерланом. Н. П. Гриценко называет этот древний город не Симбером, а Симбирском: «Во время похода Тамерлана в 1395 году многие цветущие города были разорены, до основания был разорён и город Симбирск. Город больше не восстанавливался, но его имя стала носить слобода Синбирская, расположенная под горой. Новый город, основанный Богданом Хитрово, получил название Синбирск» [41]. Николай Павлович прямо указывает на преемственность Симбирска от древнего города Симбера.

О том, что и «Синбирь» и «Симбирская область» существовали задолго до 1648 г., пишет историк и профессор Симбирской духовной семинарии К. И. Невоструев в книге «Историческое обозрение Симбирска». Он отмечает, что татарский историк Шарафетдин Булгари ещё в 1551 г. отмечает в летописи о существовании городов Булгар, Тубулга, Казан, Уфа и Синбирь [42]. В другой его книге «О городищах древнего волжско-булгарского и казанского царства», представленной в качестве доклада на Первом Археологическом съезде в Москве в 1871 г., имеются сведения о Симбирском Городище.

Поиском таинственного Симбера занимается ульяновский учёный А. В. Вискалин. В научно-популярной статье «В поисках Симбира» [43] рассматриваются разные версии существования города, основанные на многочисленных фактах, приводимых в публикациях XIX в. и летописной древности. Симбер у многих авторов этих публикаций находился на том месте, где впоследствии были обнаружены развалины Симбирского Городища (район современного с. Крестовое Городище). На противоположном, правом, берегу Волги находился г. Арбухим.

Литература

1. Книга строельная города Синбирска. – Симбирск, 1897. – 107 с. – С. 11.
2. Там же. С. 8.
3. Там же. С. 6.
4. Там же. С. 10.
5. 156 (7156) г. от сотворения мира равнозначен 1648 г. от Рождества Христова, разность в 5508 лет, если событие произошло до октября. С 1 октября, начала следующего года, разница составляет 5509 лет.
6. «арзамасцам обеих половин» – в XVI и XVII вв. провинциальные дети боярские служили по «половинам», служба одной половины начиналась с Петрова дня (29 июня), другая – с Рождества Христова (25 декабря).
7. Мартынов П. Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. – Симбирск, 1898. – 400 с. – С. 251. Приложение 1, с. 351.

8. Мартынов Павел Любимович (1847–1921) – юрист по образованию и служебной деятельности, историк-краевед, член Губернской архивной комиссии, автор многих работ по истории города и Симбирского уезда.
9. Окольничий – высокий придворный чин, равный боярскому, но, в отличие от бояр, на заседаниях Думы в присутствии царя окольничие стояли, получали вторые после бояр должности в армии, в московских приказах и на воеводствах, а также в посольствах. Имели более низкие поместные и денежные оклады. Число их колебалось от 4-х (1626–1627) до 55 (1690).
10. Мартынов П. Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. – Симбирск, 1898. – 400 с. – С. 2.
11. Там же. С. 3.
12. Суперанский Михаил Фёдорович (1864–1930) – симбирский краевед, автор брошюры «Симбирск и его прошлое» (1898).
13. Суперанский М. Ф. называет Богдана Матвеевича Хитрово оружейничим, что совершенно неверно. Оружейничим он становится и по чину и по должности уже после отъезда из Симбирск, после возглавив в 1654 или 1656 г. Оружейный приказ. До самой смерти (1680) он руководил этим приказом.
14. Суперанский М. Ф. Симбирск и его прошлое (1648–1898). – Симбирск, 1899.
15. Красовский Валентин Эдуардович (1852–1905) – губернский секретарь, помещик, занимался историко-статистическими исследованиями, автор ряда работ по истории края.
16. Зерцалов А. Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII в. Симбирск, 1900.
17. Красовский В. Э. Прошлое города Карсуна. – Симбирск, 1908. – С. 6.
18. Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска–Ульяновска и Ульяновской области. Ч. 1 (1648–1861). – Ульяновск: Изд-во «Ульяновская правда», 1948. – 230 с. – С. 20.
19. Платонова Е. К. Пушкарёв Иван Ильич – первый историк Симбирска. VII Сытинские чтения. Материалы Всероссийской науч.-практической конф. «Историческое краеведение Симбирско – Поволжского края: новое реалии и факты», посв. памяти учёного и краеведа Сергея Львовича Сытина. Ульяновск, 5–6 октября 2012 года. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2014. – 576 с., ил. – С. 390–394.
20. Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска – Ульяновска и Ульяновской области. Ч. 1 (1648–1861). – Ульяновск: Изд-во «Ульяновская правда», 1948. – 230 с. – С. 24.
21. Пушкарёв Иван Ильич (1808–1848) – историк и статистик, первый исследователь начальной истории Симбирска: в 1837 г. написал «Историко-географическое описание городов Симбирской губернии», 1-ю книгу о нашем крае по документам столичных архивов.
22. Пушкарёв И. И. Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. СПб., 1837. – 72 с. – С. 15–17.
23. Там же. С. 18–19.
24. Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882. – 399 с. – С. 33.
25. Гуркин В. А. Симбирская черта: (Материалы XVII–XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья). / Российский институт культурологи; Средневолжский научный центр. – М.; Ульяновск, 2000. – 180 с., ил. – С. 11.

26. Измайлов Пётр Андреевич – стольник, симбирский воевода в 1653–1656 гг.
27. Тарасы – бревенчатые (дубовые) четырёхсторонние срубы, стянутые между собой железными скобами и наполненные утрамбованной землёй, песком и камнями. Стоящие вплотную друг к другу тарасы составляли стены острогов и большинства городских крепостей-кремлей.
28. Книга строельная города Синбирска. – Симбирск. 1897. – 107 с. – С. 91–92.
29. Там же. С. 94.
30. Там же. С. 96.
31. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. В 4-х выпусках. Вып. 4. – Симбирск, 1866–1867. – С. 703.
32. Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863 годы. – Симбирск, 1863. – С. 61.
33. Там же, с. 70.
34. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. В 4-х выпусках. Вып. 4. – Симбирск, 1866–1867. – С. 101.
35. Зерцалов А. Н. Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине 17 века. – Симбирск, 1896. – С. 5.
36. Памятная книжка Симбирской губернии на 1862–1863 годы. – Симбирск, 1863. – С. 70.
37. Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска – Ульяновска и Ульяновской области. Ч. 1 (1648–1861). – Ульяновск: Изд-во «Ульяновская правда», 1948. – 230 с. – С. 27.
38. Там же. С. 27.
39. Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882. – 399 с. – С. 224.
40. Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. В 4-х выпусках. Вып. 3. – Симбирск, 1866–1867. – С. 18–19.
41. Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска – Ульяновска и Ульяновской области. Ч. 1 (1648–1861). – Ульяновск: Изд-во «Ульяновская правда», 1948. – 230 с. – С. 24.
42. Невоструев Капитон Иванович (1815–1872) – историк, филолог, археограф, лауреат Ломоносовской премии, член-корреспондент Академии наук. Занимался историей Симбирского края, автор нескольких книг. Невоструев К. И. Историческое обозрение Симбирска. – Симбирск, 1909. – С. 7–8.
43. Вискалин А. В. В поисках Симбира // Памятники Отечества. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1998. – № 41 (5–6). Ч. I. Века над Венцом. – 184 с. – С. 45–59.

**ГЕНЕРАЛ-РАЗНОЧИНЕЦ
ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ БОЛДЫРЕВ:
ЦАРСКИЙ ГЕНЕРАЛ, ГЛАВКОМ ДИРЕКТОРИИ,
ДИПЛОМАТ, СИМБИРСКИЙ ПАТРИОТ**

Генерал
Василий Георгиевич
Болдырев

Имя генерал-лейтенанта Василия Георгиевича Болдырева мало знакомо ульяновским любителям отечественной истории. Между тем, он сыграл большую роль в сложнейшем периоде истории России начала XX в. – Первой мировой войны и гражданской войны на Востоке России. В перечне имён знаменитых симбирян достойно быть и его имя.

В. Г. Болдырев родился в 1875 г. в г. Сызрани, которая входила в состав Симбирской губернии. Отец его был кузнецом, мать – владелицей нескольких кирпичных сараев. В 15 лет он уехал в Пензу, поступил в землемерное училище, которое окончил в 1893 г. Затем, скопив денег, поехал искать счастья в столицу, где поступил в военно-топографическое училище, после его отличного окончания вышел подпоручиком в корпус военных топографов в 1895 г., а затем талантливый офицер успешно сдал экзамены в Академию Генерального штаба. Окончил её по первому разряду в 1903 г. В 1903–1904 гг. командовал ротой в 145-м пехотном Новочеркасском полку. Там же, в 1887–1902 гг., проходил стажировку на должностях командира роты и батальона будущий военный и премьер-министр Японии Г. Танака, с которым Болдырева ещё сведёт жизнь.

С началом русско-японской войны 28-летний Василий Болдырев в качестве офицера Генштаба отправился на фронт в Маньчжурию. В 1904 г. он получает ранение при знаменитом штурме Новгородской сопки, где была одержана единственная крупная победа русской армии в этой войне. Выздоровев, Болдырев вернулся на фронт и служил там до конца войны. Затем он – обер-офицер для поручений при штабе 4 корпуса и старший адъютант штаба 18 корпуса, штаб-офицер для поручений уже в 20 корпусе – так развивалась его военная карьера.

В 1911 г. дельный офицер получил приглашение преподавать в Академии Генерального штаба, где прослыл противником схоластики и

считался «демократом». Здесь он познакомился с крупнейшим военным специалистом, преподавателем генералом Н. Н. Головиным, которого ценил за глубокие знания и современные методы преподавания. С ним военная судьба также сведёт Болдырева позже. В 1914 г., имея ряд научных трудов, защищает диссертацию на тему «Атака укреплённых позиций» и в мае 1914 г. был назначен экстраординарным профессором Академии.

С началом Первой мировой войны уже в августе 1914 г. В. Г. Болдырев отбыл на фронт в штаб 2-й Гвардейской пехотной дивизии. За бои в октябре 1914 г. под крепостью Ивангород награждён Георгиевским оружием, а за бои под Едвабно в 1914–1915 гг. – орденом Св. Георгия 4 степени. 8 марта 1915 г. назначен командиром 30-го пехотного Полтавского полка. После боёв у Красника и за разгром небольшими силами целого австрийского корпуса 26 июня 1915 г. получил звание генерал-майора. С февраля 1916 г. он уже генерал для поручений при командующем 4-й армией, а с 8 сентября 1916 г. – на ответственной должности генерал-квартирмейстера штаба армий Северного фронта. Новое высокое положение помогло Болдыреву ознакомиться с большим кругом военно-политических вопросов и войти в число генералов высшего военного командования. Здесь он встретил Февральскую революцию. Отречение Николая II произошло в присутствии В. Г. Болдырева, и он же был одно время хранителем самого акта об отречении. 19 апреля 1917 г. он назначен командиром 43 армейского корпуса, ему присвоено звание генерал-лейтенанта.

9 сентября 1917 г. В. Г. Болдырев сменил на посту командующего 5-й армией генерала Данилова. Налицо быстрая и успешная военная судьба Болдырева с «пролетарским» происхождением, что было ново в Императорской армии. Он добился всего своим личным трудом и талантом, а не высокими связями, дворянским

Командование Северного фронта. В. Г. Болдырев стоит первый слева. Конец 1916 – начало 1917 г.

происхождением или благодаря удачному стечению обстоятельств. Шла Первая мировая война, которая выдвигала талантливых военных-недворян; так же выдвинулись и сын бывшего крепостного крестьянина А. И. Деникин, сын простого казака Л. Г. Корнилов и солдатский сын генерал М. В. Алексеев.

На глазах нового командарма завершилось разложение царской армии большевиками, она полностью потеряла свою боеспособность. После Октябрьской революции Василий Георгиевич уехал 12 ноября 1917 г. в Двинск, в штаб 5-й армии, куда прибыл назначенный большевиками Верховным главнокомандующим прапорщик Н. В. Крыленко. Болдырев, несмотря на весь свой «демократизм», отказался явиться к большевику Крыленко, за что по приказу последнего был арестован за непризнание советской власти и отправлен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, затем – в «Кресты». Поступок генерала, как и подавляющего большинства генералитета, его поведение дают понять, что с большевиками, узурпировавшими власть, ему было не по пути. В. Г. Болдырев был оправдан судом и освобождён, пробыв в заключении 4,5 месяца.

Болдырев не выбрал путь – отправиться на Юг России в Добровольческую армию, хотя и был единомышленником кадрового генералитета с их требованиями самых жёстких мер по наведению порядка в армии. Его «демократизм» импонировал эсерам, они пригласили его к сотрудничеству. В 1918 г. – он в руководстве эсеровского «Союза возрождения России» в Москве и член «Национального центра». Не доверяя эсеровскому руководству, В. Г. Болдырев, тем не менее, работает и с ними, и, позже, с правыми. Об этом периоде рассказал в своих воспоминаниях генерал Б. И. Казанович: «...Я познакомился с ген. Болдыревым. Он показался мне дельным человеком, и я убеждал его принять главенство ген-в Алексеева и Деникина и работать вместе для общего дела. Ген. Болдырев ответил, что не может этого сделать, так как связан с партией (меньшевиками). Я говорил о переговорах, ктр. ведутся между "Национальным центром" и социалистическими партиями, о возможности объединения всех усилий, а то Добровольческая армия действует сама по себе, они сами по себе, и, наконец, Савинков ведёт какую-то ещё свою особую политику... От него я узнал о движении, подготовляемом на Средней Волге. Из его слов можно было заключить, что там собраны уже значительные силы. После нескольких свиданий генерал Болдырев спросил меня: не согласился ли бы я отправиться на Волгу и принять там командование?... "Видите ли, – сказал он, – у нас войск настоящих ещё нет, а намечены начальники и штабы, ктр. должны принять на себя руководство, когда

начнётся восстание, но там происходит какая-то ерунда и нам нужен человек, ктр. объединил бы всё это". Вскоре генерал Болдырев покинул Москву, и на Востоке образовалось "демократическое" правительство, действовавшее там до появления адмирала Колчака».

В начале августа 1918 г., когда войска КОМУЧа уже взяли Самару, Сызрань, Симбирск и Казань, В. Г. Болдырев появляется в Самаре, где встречался с деятелями КОМУЧа, которых интересовал его военный опыт. В частности, он отметил: «Захват Симбирска с его патронным заводом мог бы до известной степени ослабить и крайне острый недостаток в патронах».

На Уфимском Государственном Совещании 4 сентября 1918 г., куда В. Г. Болдырев прибыл как представитель «Союза Возрождения России», он был избран одним из 5 членов Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории) и назначен Главнокомандующим войсками Директории (24.09–18.11.1918) вплоть до свержения её сторонниками диктатуры. С головой окунулся в военные дела, бывал на фронте, активно обсуждал вопросы политики и с «левыми», и с «правыми», вёл переписку. Ещё до Омского переворота Кабинет министров Сибирского Временного правительства, видя слабость, малую компетентность и колебания в сторону социалистов у членов правительства Директории, искал единого военного диктатора, который сосредоточит в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. Генерал К. В. Сахаров, который затем станет командующим Восточным фронтом, предложил В. Г. Болдыреву как Главкому войск Директории, «взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался её осуществить, ссылаясь на несвоевременность». 16 октября К. В. Сахаров обсудил с прибывшим адмиралом Колчаком вопрос о назначении того военно-морским министром, а с английским генералом Ноксом, которого он хорошо знал по Первой мировой войне, помощь возрождающейся Российской армии поставками английского снаряжения и оружия.

Придя к власти, адмирал Колчак планировал оставить В. Г. Болдырева Главкомом, но генерал, не желая участвовать в новом перевороте, в личном разговоре с Колчаком сотрудничать с ним отказался из-за ареста членов правительства (к которому относился и Болдырев) и ушёл в отставку. К В. Г. Болдыреву как Главкому и члену Директории обращались сторонники эсеров с предложением вооружённым путём свергнуть Колчака силой проэсеровски настроенных частей бывшей Народной армии, даже предлагали для свержения Колчака конкретные верные части.

Генерал В. Г. Болдырев (слева)
и японские офицеры

В. Г. Болдырев проявил мудрость: как сам он говорил, не желал войны своих со своими. «Директория – небольшое звено в общем ходе событий, и раз она существовала – значит, была необходима и целесообразна», – считал он. Его тогдашняя позиция – демократическое преобразование

России. Борьба с большевиками, писал он, «является борьбой за сохранение культуры, борьбой цивилизации против варварства и разрушения». «Наш народ упрекают в отсутствии патриотизма, в безразличии к родной стране. Да откуда взять их? Ведь добрых 90 процентов российских граждан не знают и не видели своей страны...».

Участвуя в войне с Японией в 1904–1905 гг., В. Г. Болдырев высоко оценивал боеспособность вооружённых сил Японии и искренне верил, что она сможет помочь белым войсками в борьбе с большевиками. Он даже обращался к адмиралу Колчаку с предложением стать посредником между ним и японцами в решении этого вопроса, а также в признании власти Колчака союзниками, но тот не ответил на ходатайство Болдырева. Сам Болдырев резко критиковал Колчака за неоправданное доверие к иностранным военным и назначение на руководящие военные посты представителей не российских, а иностранных войск (Гайду, Жанена, Нокса), а также передачу захваченного в Казани золота под охрану чехословаков. Но и сам Болдырев в то же время считал, что одним из двух начальников штабов русской армии должен быть... японец.

Карьеру военного и непоследовательного политика В. Г. Болдырева во время гражданской войны можно, наверное, охарактеризовать словами самого Болдырева: «Гражданское мужество и решительность военных властей всегда оказывались ниже их профессионального боевого мужества на внешнем фронте».

Уйдя в отставку, В. Г. Болдырев выехал в Японию; символично, что отплыл он на большом судне российского Тихоокеанского флота под названием «Симбирск». Вплоть до января 1920 г. встречался и вёл переговоры с японскими военными о помощи белой России вооружённой

силой и признании верховной государственной власти адмирала Колчака мировыми правительствами (с военным министром Танакой и членами его штаба, правительственными чиновниками); ознакомился с устройством военного обучения, культурой Японии, встречается с российским послом в Японии Крупенским, генералом Н. Н. Головиным. «Сотоварищ по работе в военной академии», – писал позже В. Г. Болдырев о Н. Н. Головине, опыт военного строительства и авторитет которого были в России на недостижимой высоте. «Какие же причины непризнания Колчака, ведь уже три месяца, как его пр-во существует с весьма недвусмысленного согласия и при поддержке англичан и французов?», – спросил я (п-ка) Исомэ... Из дальнейшей беседы вытекало, что Япония колеблется, так как не уверена, что Омское пр-во опирается на признание народа. Америка вообще категорически отказывается от какого-либо участия в этом вопросе, англичане будто бы считают нас за индейцев... Я его успокоил, что Россия будет тем, чем должна быть, вне зависимости от того, как о ней трактуют иностранцы».

В. Г. Болдырев скучает по родине и 16 января 1920 г. возвращается во Владивосток, жаждет какой-либо полезной для России работы. Власть адмирала Колчака уже пала, его армия отступила в Забайкалье.

2 марта преемник командующего Восточным фронтом генерала Каппеля генерал С. Н. Войцеховский прислал Болдыреву телеграмму, в которой сообщал, «что привёл в Забайкалье 30 тыс. испытанных бойцов, которые охотно поддержат демократическую власть, но непримиримы в отношении большевизма, и спрашивает моё отношение к таковому». На это Болдырев шлёт свою телеграмму Войцеховскому: «Как гражданин и солдат, нахожу в создавшихся условиях продолжение гражданской войны гибельным для Родины. Задача момента – объединение всего населения Дальнего Востока для защиты исконных владений России. Долг патриотов – найти безболезненные способы объединения Забайкалья с Приморской областью и скорейшее воссоединение с остальной Россией...». Болдырев поясняет: «Посланная телеграмма определяла ясно мои позиции для всей союзнической Европы. Я ответил так, как думал. Это краткое содержание сущности моей программы, намеченной для Дальнего Востока. Постепенное, осторожное объединение и неприкосновенность нашей территории – это пока важнее всего». Когда власть перешла к правительству Приморской областной земской управы, Василия Георгиевича 1 июля 1920 г. назначают командующим всеми вооружёнными силами Дальнего Востока. Болдырев отмечает, что подлинным «хозяином положения было тогда Дальбюрокомпартии».

В 1920 г. он становится посредником между белыми повстанцами и партизанским вожаком С. Лазо, ищет платформу для урегулирования между партизанами и японскими войсками после выступления партизан и их разгрома, пленения Сибирцева и Лазо. О нарождающейся Советской России он пишет так: «...настоящее национальное объединение на ДВ, как это ни может показаться парадоксальным, несли именно большевики, только они, прочно усевшиеся в Москве, наиболее крепко пристёгивали к общему телу России оторвавшиеся за годы безвременья, чисто русские окраины». 29 апреля 1920 г. он по поручению правительства Приморской областной земской управы вёл переговоры с японцами об урегулировании инцидента с партизанами: тонкость дела заключалась в том, что японцы хотели подписать соглашение между генералом Оой, командующим японским контингентом, и правительством, что придавало соглашению характер оккупации. Болдырев настаивал на подписании равноправного соглашения между русским и японским командованием. «Я был одинок против моих собеседников. Бой был неравный. У меня не было армии, её ошметинившиеся остатки ушли в сопки и на север, но они ушли не навсегда, как не навсегда останется ослабленной и вся Россия. Я опирался на это сознание в моей одинокой борьбе и не уступал. Победа осталась за мной... «"Дальневосточный Брест", как остроумничали тогда во Владивостоке, был подписан», — с гордостью пишет он в дневнике. Болдырев пытается наладить жизнь солдат-капелевцев, прибывших из Забайкалья в Приморье, помочь им с обустройством. С горькой иронией говорит о пожертвовании японской фирмой «Мицубиси» в пользу капелевцев 40 иен вместо обещанных 5000. С конца 1920 г. он вновь выходит в отставку.

Новый переворот в Приморье: на штыках капелевцев к власти пришло Временное Приморское правительство братьев Меркуловых. И тут же Василий Георгиевич едва не попал под арест: во Владивостоке был расклеен сенсационный плакат о создании нового правительства... во главе с генералом Болдыревым. А сам Болдырев вновь востребован — по инициативе председателя правительства С. Меркулова и командования капелевцев он назначен председателем Российской делегации в русско-японской согласительной комиссии (1921–1922), которая регламентировала размещение и проблему разделения капелевских войск, партизан и выводившихся японских войск в Приморье, а позже назначен заместителем председателя Приамурского Народного собрания.

Всё это он делал с одной целью — содействовать России любыми способами достойно выйти из гражданской войны, в которой та погрязла,

найти и опереться на те силы, которые смогут это сделать, сохранить единство российской территории.

Не забывал генерал и свои симбирские «корни». В дневнике встречаются упоминания о встречах с симбирянами, сорванными гражданской войной с родных мест: «Токио, 18 апреля. Разговаривал с Щ., одним из симбирских фабрикантов, только что приехавшим в Японию. Им уже удалось основать в Сибири три суконных фабрики, теперь начинают организовывать такую же фабрику на Алтае. Местных алтайских рабочих считают ненадёжными – предполагают использовать сторонний наёмный труд, что, конечно, не встретит особого сочувствия среди местного населения. <...> Правительство выдало субсидию в 15 млн рублей. Щ. едет за машинами в Америку. По его рассказам, мои земляки, волжане, крепнут среди Омского правительства <...> Сообщил, что у большевиков начинается работа на фабриках. Там поступят иначе – и вместо замены рабочих попытаются сделать их надёжными».

«Разыскивал свою землячку Ч., занесённую сюда огромным беженским валом после разгрома Омска <...> Ч. сильно голодала, сейчас блаженствует в городской больнице. В беседе высказала дельную мысль, что выступление чехов только усложнило положение в России <...> Резко отзывался о бегущих за границу: "Пускай бегут, а когда вернутся – их спросят, откуда пришли"».

«У А. познакомился с П. (Перси-Френч. – *О.Р.*), бывшей владелицей Киндяковки (Симбирская губ.) со знаменитым "обрывом", воспетым Гончаровым в романе того же названия. П. покинула Москву в апреле 1920-го года, пережила массу испытаний. Упрекает англичан (сама англичанка) за наивность и невежество в отношении России».

После ухода в Китай белых и возвращения домой японцев (октябрь 1922 г.), во Владивосток 8 ноября 1922 г. вошла 5-я Красная армия И. Уборевича. Болдырев мог эмигрировать, но сознательно не стал этого делать. «Войска шли в стройном порядке, за ними чувствовалась покончившая, наконец с гражданской распрей, новая Россия», – отмечал генерал. 5 ноября он вновь арестован уже новой властью и заключён в тюрьму.

Советские историки эту его позицию упрощённо называли «игрой на разные стороны, дабы своевременно пристать к той, которая одержит верх». Болдырев действительно часто не имел последовательной и твёрдой позиции, менял свои политические взгляды и предпочтения. Но в оправдание этого могу предположить, что и события этого периода часто менялись с калейдоскопической быстротой, особенно как раз на Дальнем Востоке, и правильно их понять, оценить и сориентироваться

в них иногда было просто невозможно. Болдырев не был приспособленцем, который пытается «ловить рыбу в мутной воде» или делает карьеру ради карьеры при любом правительстве и любыми средствами. Его знания, широкий кругозор, активная жизненная позиция, военный опыт и заслуженный авторитет – всё было им поставлено на службу ради одного – сохранить Россию сильной, неделимой и независимой.

В конце его дневника есть фраза: «Обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооружённых выступлений извне против России, подсказывала мне, что в могущей возникнуть борьбе моё место только здесь, среди своего народа». И добавлял: «Ничто никогда не заслоняло во мне мысли о родине и работе в своей стране». А это и есть патриотизм.

22 июня 1923 г. В. Г. Болдырев обратился во ВЦИК с длинным письмом-обращением к советской власти и ходатайствовал об освобождении и разрешении продолжить деятельность как профессор Академии Генерального штаба. По амнистии ему разрешили работать научным сотрудником в редакции Сибирской Советской энциклопедии. Работал он и в Сибирской плановой комиссии, жил в Новосибирске. В. П. Аничков, сын которого служил адъютантом у генерала, дал несколько иную версию неотъезда генерала: Болдырев «был влюблён тогда в одну даму, и этот роман повлиял на его решение не эвакуироваться, а остаться во Владивостоке, что привело к долгому сидению в советских тюрьмах и к расстрелу, последовавшему в 1933 г. в Новониколаевске. За что расстреляли его коммунисты, мне узнать не удалось. Неожиданный расстрел, вероятнее всего, был связан с крестьянским восстанием в Сибири, о чём писали в эмигрантских газетах».

29 декабря 1932 г. ОГПУ арестовал В. Г. Болдырева по обвинению в организации контрреволюционного белогвардейского заговора. Всего по этому делу было арестовано 1759 человек, а осуждено 1310 человек. В руководстве заговором были обвинены бывший генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, полковник Х. Е. Бутенко, профессор Н. П. Шавров, бывший товарищ министра финансов правительства Колчака Г. А. Краснов, преподаватель Новосибирского института народного хозяйства Г. И. Черемных, капитан И. А. Лаксберг. Расстреляли Василия Георгиевича Болдырева 20 августа 1933 г. В том же году в Белграде скончалась его жена, Любовь Витальевна. После них осталось два сына – Константин и Василий.

В. Г. Болдырев оставил знаменитые воспоминания «Директория. Колчак. Интервенты», опубликованные в советское время в журнале

Сибирские огни» в 1923 г. (№№ 5–6), и 1924 г. (№ 1). Только в 2017 г. впервые в России эти воспоминания вышли отдельным изданием. В основе их – дневник генерала.

Литература

1. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. – М.: Центрполиграф, 2017.
2. Сахаров К. В. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923.
3. Архив русской революции. Т. 7. – М.: Терра, 1991. – С. 195–196.
4. Алексеев М. Н. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929 гг.). – М.: Кучково поле, 2010. – С. 46.

Н. В. СЕРКОВА

ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ НА СЫЗРАНСКОЙ ЗЕМЛЕ В XVII ВЕКЕ

После присоединения в середине XVI в. Казани и Астрахани к Русскому государству перед правительством стояла серьезная задача освоить обширный край, заселить его возможно скорее. Среднее Поволжье сначала осваивали воины. Для защиты территории началось строительство городов-крепостей по всему течению Волги и Суры.

Частью плана военно-государственного освоения Среднего Поволжья в последней четверти XVII в. стало строительство Сызранской засечной черты, которая охраняла южную границу Самарской Луки и прикрывала место выхода к Волге караванного пути, шедшего со стороны Пензы на Урал. Здесь строятся крепости-города Сызран и Кашпир¹. В первые же годы существования новопостроенных городов при них появляются три монастырских обители – два мужских монастыря во имя Вознесения Господня и один женский монастырь во имя Пресвятой Богородицы. Новые монастырские обители должны были служить приютом для немощных посадских и служилых людей.

По царскому указу летом 1683 г. на правом берегу Волги между речками Сызраном и Крымзой на гористом месте под руководством симбирского воеводы князя Григория Афанасьевича Козловского возводится город-крепость Сызран. А два года спустя, в 1685 г., был основан первый в Сызрани монастырь. История монастыря необычна и увлекательна.

¹ Дубман Э. Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. – № 3(2). – 2011. – С. 326.

Первые годы существования города и монастыря хранят много тайн. Своим образованием монастырь обязан «ратным людям», переведённым в новопостроенный город на вечное поселение из Симбирска, Казани, Тетюш, Чебоксар и других мест.

Основал эту обитель некто старец Кирилл, неизвестно откуда явившийся в новопостроенный город. Он и переведённые в состав г. Сызран как сторожевого из разных мест солдаты просили царей Иоанна и Петра Алексеевичей дозволить им построить монастырь. В послании указывалось, что «...Многие из солдат "стары и дряхлы", собираются постричься в иноческий чин, а постричься им негде, монастыря у них нет, а другие города удалены, и помирают многие без пострижения...»¹.

Их просьба была удовлетворена, и 2 (12) мая 1685 г.² (иногда встречается дата 22 декабря 1684 г.³) царями Иоанном и Петром Алексеевичами была подписана грамота, адресованная симбирскому стольнику и воеводе Матвею Алексеевичу Головину и дьяку А. Яцкому, о строительстве мужского монастыря во имя Вознесения Господня, Пречистой Богородицы Смоленской и Архистратига Михаила⁴.

Выбор святых покровителей обители вполне объясним. Монастырь предназначался для бывших военных, которые на Руси всегда особо почитали архангела Михаила. Кроме того, среди служилого сословия Среднего Поволжья было много выходцев из Смоленска, переселившихся сюда в эпоху Смутного времени.

Из документов Государственного архива и краеведческого музея Сызрани следует, что основатель мужского монастыря Кирилл до этого был не «старец», а строитель, а «братия» – не иноки, а солдаты из Казани, Чебоксар, Тетюшей и поименно состояли из «урядчиков сержантов Любимки Денисова, Максимки Карпова, Стеньки Семенова, Гришки Михайлова сына Белоусова, Якимки Прокофьева сына Посникова, Алёшки Романова сына Калаганина, десятников Алёшки Красулина, Ивашки Кинешемца, Якушки Волка, Нестерки Щербака, Васьки Кузнецца, с товарищи и всех рядовых солдат». Это были те люди, которые строили крепость Сызран и по их челобитию царской милостью по представлению воеводы М. А. Головина были «жалованы за сызранскую городовую

¹ Яхонтов А. К. Город Сызрань и его достопримечательности: (Ист.-церк.-археол. описание). – Симбирск: типо-лит. А. Т. Токарева, 1901–1902. – С. 38.

² Там же. С. 37.

³ Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.): Справочник / сост. В. С. Блок, К. А. Катренко. – Самара: Самарский Дом печати, 2002. – С. 36.

⁴ История обители. Вознесенский мужской монастырь города Сызрань. <https://ru.wikipedia.org/wik>

службу» грамотой-разрешением построить для себя монастырь в Сызране на стрелке. За эту жалованную грамоту в приказной избе Симбирска была составлена расписка: «...К сему списку строитель Кирилл руку приложил, а подлинную грамоту к себе взял». Можно предположить, что указанные в документах сержанты и десятичники принимали участие в строительстве крепостей Сызрана и Кашпира¹.

Под монастырь челобитники просили выделить место «против города Сызрана по другую сторону реки Крымзы на порожней земле, прозвизе стрелка». Место было выбрано хорошее: оно было возвышенным и представляло собой лучший вид в городе. Для юридического закрепления выбранного места под строительство монастыря необходимо было провести определённую процедуру.

В те времена в Симбирском уезде «служилый человек или целая группа сами разыскивали порожнюю землю, после этого переселенцы обращались к Симбирскому воеводе с просьбой назначить "откащика", который им бы отвёл найденную землю с угодьями». «...Воевода выбирал кого-либо из местных служилых людей ("Синбиренина"), которого нередко вместе с подьячим, отправлял в то место, где находилась найденная челобитчиками земля. "Откащик" должен был обыкновенно, «не доезжая той порожней земли взять с собой тутошних и сторонних людей, старост, целовальников и крестьян, сколько человек пригоже, и около той порожней земли сыскать (иногда прибавляется: «большим сыском»)) русскими людьми по святой непорочной евангелистов заповеди господней, а мурзы и татары и мордва и чуваша по их вере, по шерти: та земля о которой быются челом порожжая и в поместье и на оброк и в ясакому на перёд сего не отдана, и спору о той земле не будет, и от государевых пашенных земель и от засечных крепостей не в ближних местах и от воинских людей уберечься можно ль». Если показания вышеупомянутых людей относительно всего этого были благоприятны, то найденная земля с угодьями отводилась челобитчикам, сообразно указу и статье Уложения и отмежевания от соседних земель, раньше занятых или же пустых².

В мае 1685 г. было получено разрешение, и специально выделенные люди произвели отмер земли под обитель. Для этого по наказу симбирского воеводы Матвея Алексеевича Головина, за приписью дьяка

¹ Гурьянов Е. Из истории родного города «Старина Сызранская» // Красный Октябрь. – 1970. – №№ 133 (13842), 134 (13843).

² Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края) – Одесса: тип. П. А. Зеленаго, 1882. – С. 210–211.

Исае Ляпина откащиком в Сызрань направлен симбирянин Антип Заборовский. Также «...на отказе были сторонние люди Синбирского уезда Сингелеевской Слободы станишные казаки Семка Семенов, Ивашка Давыдов, Якушка Михайло, Корнилка Никифоров»¹. Из «тутошних» местных людей, по-видимому, выступили сами челобитники.

Результаты этого сыска в отказных книгах Симбирской провинции лично подписали (засвидетельствовали) сам Антип Заборовский, а сержант Якимко Посников расписался «вместо сержантов Алексея Романова, Максима Карпова, Григория Белоусова по их велению...»; «...вместо сержантов Любима Глазунова да Степана Бородина, по их велению, десятник Алёшка Красулин руку приложил»; «вместо станичных казаков Семена Семенова, Ивана Давыдова, Якова Михайлова, Корнила Никифорова, по их велению, Сызранской площади подъячий Ивашка Хомуцкий руку приложил»².

По позволенной грамоте на означенном урочище для строительства обители был отведён участок земли размерами 200 на 200 сажений³. «На пропитание монашествующим в 1687 году дано пашенной и сенокосной земли по речке Сызрану до устья речки Кубры и по ней до верховья её, а отсюда через степь против устья речки Поласейка (Балашейка) на речку Сызран и ею вниз до монастыря, всего около 35000 десятин»⁴. Всё междуречье Сызранки и Кубры вплоть до устья р. Балашейки принадлежало тогда обители. Место это и поныне называется Монастырской горой.

Предполагалось ли по традиции укрепить монастырь как «сторожеж», неизвестно, так как начатое строительство было вскоре прекращено, а основатели монастыря – «старец» Кирилл и «братия» – ушли во вновь сооружаемый укрепленный пункт на р. Кашпирке.

Вслед за г. Сызраном для охраны границ при р. Волге на Казачьих горах был построен другой город-крепость – Кашпир. Одни источники утверждают, что это произошло в 1685–1686 гг., в 8 верстах от Сызрани⁵. В других источниках говорится, что Кашпир построен в 7 верстах

¹ Яхонтов. Город и его достопримечательности. 1901–1902. – С. 40–41.

² Там же. С. 40.

³ Сызранский филиал ГБУСО «ЦГАСО». Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. [Цит. по Монастыри Самарского края, 2002, с. 36]

⁴ Там же. С. 40. – Грамоты Гражданск. Палаты, № 1183, на владение пашенной и сенокосной земли; там же, № 1280 – подтверждающая грамота с 1719 г., мая. В монастырском архиве хранится копия.

⁵ Там же. С. 40. – Симбирск. Гражд. Палаты, грамоты Синб. Провинции, № 175 и № 987 некто пожаловал за Сызранскую городовую службу 1719 и 1719 гг. да за Кашпирское 193 и 194 гг. городовое и валовое дело и др., Сл., № 1462, где упоминается об отсылке строительных Кашпирских книг и чертежей к Москве – 1719 г. сентябрь.

от Сызрани еще в конце 1683 г. либо в начале 1684 г.¹. Получается, что крепость Кашпир строили практически одновременно с Сызранью или всего на несколько месяцев позже. Новое укрепление, получило название Кашпир от реки, у которой оно находилось².

В это время военное и административное значение крепости Кашпир превосходило значение крепости Сызран. В военном отношении Кашпирская крепость уже с 80-х гг. XVII в. была гораздо мощнее Сызранской и закрывала последнюю от нападений с юга. О высоком ранге крепости говорит, в частности, то, что воеводой сюда был назначен стольник Семён Дмитриев. В 1708 г. в перечне городов вновь образованной Казанской губернии Сызрань даже не упомянута – только Кашпир. Он прочно утвердился в роли русского форпоста на границе со степью³.

Старец Кирилл с братией вновь посылают челобитную царям с просьбой о перенесении монастыря к новопостроенному г. Кашпиру. Царским указом от 1 апреля 1687 (7195) г. им разрешено перенести монастырь в г. Кашпир, а на Сызране, где был монастырь, велено построить часовню⁴. Строители, начавшие строить для себя монастырь в Сызрани, бросили его и быстро передислоцировались в Кашпир. Новый монастырь стал именоваться Кашпирским Вознесенским.

«Пожалование землёй» (3500 десятин) Сызранского Вознесенского монастыря состоялось в 1687 г., уже после того как старец Кирилл перенёс монастырь в Кашпир. В июне 1687 (7195) г. симбирскому стольнику и воеводе Матвею Головину и дьяку Олесию Яцкому послана грамота с царским указом, позволяющим Кашпирскому Вознесенскому монастырю владеть «...той землей и с Куброю речкой и с санными покосами, и со всеми угодьями по межам...».⁵ Отведённый Сызранскому монастырю земельный участок отошёл к Кашпирскому монастырю. Некоторое время была неопределённость – кому всё же принадлежат эти пашни и покосы. В конце концов всё решилось в пользу Сызранского монастыря.

Причина, заставившая «монашеских людей уйти в Кашпир», лежит на поверхности. В кашпирских окрестностях легко можно было получить пожалование земель на берегу Волги, а это уже не целинная засызранская степь, которую неизвестно кто будет пахать. Это рыба. Желающих ее

¹ Молчанов Александр История Кашпира – http://syzran.ucoz.com/index/istorija_syzrani/0-5

² Перетяткович Г. Очерки из истории колонизации края. С. 238.

³ Молчанов А. История Кашпира – http://syzran.ucoz.com/index/istorija_syzrani/

⁴ Яхонтов. Город и его достопримечательности. С. 41.

⁵ Там же.

ловить, а, следовательно, платить немалые отчисления хозяевам ловель, было множество.

В 1692 г. Кашпирский Вознесенский монастырь был обращен в архиерейский дом Казанской епархии¹. В 1704 г. монастырь получил от властей новый земельный участок, что стало исключительным случаем в правительственной политике в отношении монастырей для начала XVIII в.²

Основной хозяйственной деятельностью монастыря было сельское хозяйство³. Монастырю были выделены крепостные крестьяне. Недалеко от монастыря в слободке размещались 10 крестьянских дворов, жители которых выращивали хлеб, косили сено, заготавливали дрова для монастыря, отбывая барщину, являвшуюся основной формой организации феодальной ренты в монастыре, как и в большинстве иных монастырей региона в конце XVII в.⁴. Для управления крестьянами в монастыре в архиерейском доме проживал в 1697 г. посольский старец Серапион, крестьяне имели выборного старосту «Власку Матвеева», через которого и получали распоряжения. Несмотря на причисление обители в домовые монастыри казанского митрополита казанские власти в управление монастырём практически не вмешивались, никаких сведений об указаниях строителям монастыря или посылке приказчиков историкам неизвестно⁵.

Дальнейшая история монастыря исследователям не известна, однако уже в 1712 г. монастырь был воссоздан кашпирским воеводой Семёном Константиновичем Дмитриевым под названием Благовещенского. В 1730 г. под руководством Дмитриева же в монастыре взамен обветшавшего деревянного храма был построен каменный храм во имя Благо-

¹ Там же. С. 42.

² Дубман Э. Л. Формирование крупной феодальной собственности // Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: по материалам церковно-монастырских владений. – Куйбышев: Самарский государственный университет, 1991. – 90 с. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

³ Дубман Э. Л. Церковно-монастырское хозяйство // Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: по материалам церковно-монастырских владений. – Куйбышев: Самарский государственный университет, 1991. – 90 с. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁴ Дубман Э. Л. Феодальная эксплуатация и формы зависимости населения // Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: по материалам церковно-монастырских владений. – Куйбышев: Самарский государственный университет, 1991. – 90 с. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵ Дубман Э. Л. Организация крупной вотчины. Особенности социальных отношений // Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: по материалам церковно-монастырских владений. – Куйбышев: Самарский государственный университет, 1991. – 90 с. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

вещения пресвятой Богородицы с приделами в честь Богоявления и во имя святого Иоанна Богослова¹. По имени придела иногда монастырь именовался Богоявленским, а по имени строителя – Симеоновским². Впоследствии Дмитриев тоже принял монашеский постриг, скончался в монастыре и был похоронен на монастырском кладбище³.

В 1764 г. Благовещенский монастырь был упразднён в ходе секуляризационной реформы Екатерины II. К настоящему времени сохранилось здание монастырского храма, ведутся работы по воссозданию монастыря на прежнем месте⁴.

Видимо, не случайно перебирался монастырь на Кашпир. Именно там в 1713 г. пастухи увидели «необыкновенный свет». Подойдя, они обнаружили на камне образ «Феодоровской Божьей Матери». По преданию, икона была написана самим евангелистом Лукой. Пастухи её торжественно перенесли в монастырь. Впоследствии Феодоровская икона Божией Матери была перенесена в Сызрань.

Здесь же, в Кашпире, примерно в середине XVIII в. был обрётён (вскоре после переноса в Сызрань Феодоровской иконы Божией Матери) другой чудотворный образ – в честь Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. До установления советской власти эта святыня находилась в Благовещенском храме и очень почиталась жителями близлежащих мест. Ее лицезрел сам Александр II, присутствовавший здесь на богослужении в августе 1871 г. вместе со своим наследником – будущим императором Александром III. Позже чудотворный образ безвозвратно исчез, но память о нем сохранилась до наших дней⁵.

На прежнем месте в Сызрани, на стрелке при часовне, остались несколько человек под начальством старца Филарета. Пустыннолюбивые жители г. Сызрани никак не хотели оставаться без святой обители. В 1691 г. оставшаяся братия и горожане попросили благословение у патриарха Адриана построить вновь монастырь в имя Вознесения Господня с приделами и от Кашпирского монастыря возвратить Сызранскому первоначально данную землю⁶. Получив благословение, старец Филарет

¹ Восстановление монастыря. ООО «Лидер-Тюнинг». <http://lider-tuning.ru/projects/monastery/>

² Кашпир. Кашпирский Благовещенский мужской монастырь. <https://radiovera.ru/kashpir-kashpirskiy-blagoveshhenskiy-muzhskoy-monastyir.html>

³ Молчанов А. История Кашпира. http://syzran.ucoz.com/index/istorija_syzrani/0-5.

⁴ Википедия – <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵ Благовещенский мужской монастырь. Сызрань. Туристический портал. Управление по молодежной политике и туризму Администрации г. Сызрань (9 августа 2013).

⁶ Яхонтов, 1901–1902, с. 41.

возобновил строительство монастыря. Теперь в названии монастыря остаётся лишь упоминание о Вознесении Господнем. Пристолы во имя архангела Михаила и Богородицы Смоленской воздвигнуты не были, что может говорить о том, что обитель теперь не предназначалась для пострижения отставных воинов по обету.

Вскоре монастырю были переданы во владение земли, возвращённые от Кашпирского монастыря, однако не полностью, а лишь 825 десятин 2135 сажень. Остальная земля отошла к городам Сызрани и Кашпиру.

Строительство Сызранского монастыря было осуществлено в 1691–1694 гг. В то время монашеская братия в своем содержании терпела большую нужду. При недостатках средств старец Филарет с трудом строил обитель, просил и не тщетно царских пожертвований¹.

В 1691 г. началось возведение деревянной Вознесенской церкви, на которую по просьбе старца Филарета была пожалована небольшая сумма денег от царского двора. Но средств всё равно не хватало, и поэтому строительство велось 3 года. Из-за недостатка средств сооружение деревянного храма Вознесенского монастыря завершено было только в 1694 г.

В 1692 г. по указу патриарха Адриана новопостроенные города Сызрань и Кашпир были вместе приписаны к Казанской епархии. Тогда же был обращён в Архирейский дом Кашпирский Вознесенский монастырь. Пользуясь этим случаем, преосвященный Казанский и Свияжский митрополит Маркелл в 1694 г. просит царя и патриарха Адриана приписать к Казанскому дому и смежный с Кашпирским Сызранский Вознесенский монастырь². В качестве довода этой просьбы в своей челобитной митрополит Маркелл сообщает, что в Сызрани монастырь и в нём святая церковь, а также меленка на р. Сызран для пропитания монахов и трудников построены за счёт казны дома Пречистой Богородицы его богомольца (митрополита Маркелла) Казанской епархии³, что говорит о личном покровительстве митрополита Маркела Сызранскому монастырю.

В силу и в духе такой просьбы и поступили с Сызранским Вознесенским монастырём. Царской грамотой от 11 января 7203 (1695) г. Сызранский Вознесенский монастырь приписан в дом Пречистой Богородицы во владения преосвященного Маркелла, митрополита Казанского и Свияжского, «с братьями, с служебниками, с бобылыми и со всеми монастырскими строениями, и с заводами, и с мельницами, и с землёй,

¹ Там же. С. 42.

² Там же.

³ Там же. С. 43.

и с санными покосами, и с лесами, и реками, и с рыбными ловлями, и со всякими угодами по дачам прошлых 199 и 201 годов»¹.

Год приписки Вознесенского Сызранского монастыря к Казанскому архиерейскому дому некоторыми исследователями признаётся за год основания самого монастыря. Так это у преосвящённого Амвросия в его «Истории российской иерархии»², так это и в книге А. Ротшина «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах»³.

По повелению той же царской грамоты в новопостроенный г. Сызран отправлены симбирские чиновники для переписи имущества монастыря. Эта опись монастыря составлена в 1695 г. уже знакомым сызранцам Антипом Заборовским, а также подьячим Фёдором Воробиним. По традиции ревизоры в качестве свидетелей переписи привлекли местных и сторонних людей⁴.

Из «отказных» книг при приписке Сызранского Вознесенского монастыря к Казанскому архиерейскому дому 1695 г. видны тогдашние монастырские владения: «а) кроме стоящих под монастырем 200 квадратных сажень, вышеупомянутая пашенная, лесная и сенокосная земля вниз по речке Сызрану и потом вверх по реке Кубре, с последней прямо через степь на речку Сызран и ею до монастыря, с рыбными ловлями по обоим рекам; всего здесь земли с занимаемою монастырём по генеральному межеванию 1797 года заключалось 825 десятин 2135 сажень»⁵. б) Построенная в этой даче при монастыре на реке Сызран мельница о пяти поставах с семью толчейными ступами. в) При мельнице поселённых на монастырской земле служебников и бобылей, которые были мельниками и засыпками, десять человек, кроме жён и детей»⁶.

Все строения в монастыре были в то время деревянные. Первая церковь Сызранского Вознесенского монастыря во имя Вознесения Господня была также деревянной, из сосновых брёвен «об одном престоле, с папертью и с лестницей». На её трапезе была деревянная, рубленая в лапу колокольня с четырьмя небольшими медными колоколами. В 1718 г. при этой церкви упоминается придел во имя Рождества Пресвятой Богородицы⁷. В монастыре значатся шесть монастырских деревянных

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 48.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 51

⁷ Там же. С. 65.

келий с сениями. Ограды около монастыря, скорее всего, ещё не было, т. к. деревянная ограда упоминается только в описи 1739 г.¹

Скудость у возлюбивших нищету Христову (2 Корин. VIII, 19) видна в церковных и других вещах. Среди описанных церковных вещей обращают на себя внимание два предмета. Один – требник старой печати. Второй предмет – кувшин персидской работы. Он как-то сразу выделяется из прочего имущества монастыря, всех этих потиров, риз, налоев, пелён и тому подобного.

И при всей этой скудости монастырь владел мельницей с тремя амбарами, а через р. Сызран возведена плотина со всякими мельничными заводами. И всё это построили старец Филарет с несколькими братьями, терпевшие при этом крайнюю нужду? Купец Кувшинов, один из богатейших людей Сызрани в конце XVIII в., державший у себя во дворе лебедей ради забавы, разорился только на ремонте этой мельницы. В 1764 г. её конфисковали в казну и сдавали в аренду, а когда почти девяностолетние плотина и строения обветшали, потребовался капитальный ремонт. Мероприятие это оказалось весьма дорогостоящим, потребовавшим значительных усилий и почти двухлетнего срока. Мельница до конца XIX в. оставалась крупнейшей в Симбирской губернии². Каким образом новосозданный монастырь, братия которого находилась в нужде, оказался владельцем такого большого и сложного гидротехнического сооружения, исследователям истории обители пока не известно.

Каков был штат братии при самом основании монастыря неизвестно. В 1695 г. мы видим в нём строителя Корнилия, рядовых монахов: Авраамия, Афиногена, Афанасия, Иова, Серпиона, Феодосия; жили они в четырёх келиях³. Иноческие имена надёжно укрыли их прошлое. Вряд ли мы узнаем, кто они, откуда и какие грехи замаливали в отдалённом пограничном монастыре. Количество монахов в обители всегда было невелико. Но она всегда была в почёте у власти, сюда не только отчисляли деньги из казны, но и выделяли земли.

В первые десятилетия существования Сызранский Спассо-Вознесенский монастырь управлялся строителями или игуменами⁴. Из них известны:

1. Старец Кирилл, основавший монастырь и в апреле 1687 г. перенёсший его в Кашир.

¹ Там же. С. 63. – Холмогоров. Материалы для истории Симб. Края, стр. 142–143.

² <https://kukmor.livejournal.com/1248691.html>

³ Яхонтов, 1901–1902, С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

2. Старец Филарет, в 1691–1694 гг. построивший монастырь вновь.
3. Старец Корнилий, упоминаемый в 1695 г., когда монастырь был приписан к Казанскому Архирейскому дому.
4. Феодорит, упоминаемый в 1699 и 1700 гг.
5. Михаил, упоминаемый в монастырских актах в 1704–1707 гг.

Средствами к содержанию братии и к поддержке и улучшению монастыря служили неокладные доходы от монастырских угодий – обработка монастырской земли; суммы, собираемые с мельницы за помол хлеба, за выделку пшена и крупчатой муки; небольшая часть процентных денег с суммы, пожертвованной в монастырь разными лицами, и денежный казённый 3-го класса оклад¹.

Вознесенский монастырь также являлся и местом первого некрополя г. Сызрани. По древнему русскому обычаю усопших хоронили около церкви, а особо знатных и заслуженных людей – непосредственно в храмах. Вероятно, строители крепости и монастыря были похоронены здесь. Существовал благочестивый обычай: погребать горожан на монастырском кладбище за вклады на помин души. Согласно архивным данным, на кладбище погребены князь Михаил Владимирович Урусов и дочь его княжна Анастасия Михайловна Урусова; иерей Троицкой церкви Павел Алексеевич Репьев, иеромонах Иаков (Орлов), наместники Сызранского монастыря архимандрит Августин и архимандрит Антоний, первая настоятельница Сызранского Сретенского женского монастыря игуменья Мария, а также сызранский городской глава Алексей Иванович Леднев и многие другие именитые жители г. Сызрани. В Феодоровском храме в 1790 г. была погребена девица из дворян Екатерина Ивановна Дмитриева, родная сестра поэта и министра юстиции Ивана Ивановича Дмитриева. Сделано это было по заслугам этого государственного деятеля, который являлся попечителем обители и способствовал возвращению монастырских земель, конфискованных во времена Екатерины II. В 1844 г. в Феодоровском храме был похоронен первый управляющий Симбирской епархии архиепископ Анатолий (Максимович), в 1847 г. – настоятель Сызранского монастыря архимандрит Герман (Похвалинский).

Дальнейшая история Сызранского Вознесенского монастыря также наполнена интересными событиями и именами. Летопись Вознесенского монастыря хранит свидетельства о перенесении в обитель в первой половине XVIII в. чудотворного образа Божией Матери «Феодоровская», явленного на источнике близ Кашпира, и о строительстве в 1738 г.

¹ Там же. С. 55.

первого каменного храма дворянином Иваном Борисовым во исполнение обета, данного Пресвятой Богородице после чудесного исцеления глаз. И об угасании здесь монашеской жизни во время секуляризации в эпоху правления Екатерины II, и о первом возрождении – когда при архимандрите Августине (Шеленговском) в середине XIX в. был создан единый архитектурный монастырский комплекс, а обитель приобрела статус первоклассного монастыря... И о том, как в 1923 г. монастырь был закрыт и на его территории разместился концлагерь, а в феврале 1938 г. в г. Куйбышеве расстрелян последний наместник – архимандрит Александр (Вахатов)...

Хорошо, что при разорении святой обители в годы сталинских репрессий сохранились все храмы и основные корпуса. И с 1996 г. освящением соборного храма и первой Литургией, совершенной епископом, ныне митрополитом Самарским и Сызранским Сергием, началась новейшая история Сызранского Вознесенского монастыря.

Третьим монастырём, появившимся на Сызранской земле, был Богородицкий женский монастырь. Существовал монастырь всего 69 лет. Он был построен в 1695 г. во имя Пресвятой Богородицы и располагался в самом центре города при Казанской церкви, возведенной в 1689 г. Женский монастырь, в отличие от прочих, не имел никаких угодий, крестьян, земель и прочего. Содержался он на государственное жалование монахиням.

В 1710 г. сызранский посадский человек Семен Ларионович Шлыгин построил в монастыре деревянную церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери. Тогда же монастырь был обнесен деревянною оградю. В 1715 г. С. Шлыгин построил теплую деревянную церковь во имя Сергия Радонежского с приделом в честь Георгия Победоносца. К сожалению, в большом пожаре 1728 г. обе монастырские церкви, а также кельи и ограда, сгорели. Однако после пожара церкви начали восстанавливаться. В 1733–1734 гг. был построен теплый деревянный храм, а в 1735–1742 гг. – холодный каменный во имя иконы Казанской Божьей Матери. Причем строил их вновь С. Шлыгин, который к тому времени стал бургомистром Сызранского магистрата.

После пожара 1728 г. пожертвования сызранских жителей в пользу церкви уменьшились. Поэтому долгое время церковь не имела достаточного количества утвари, икон, соответствующего убранства.

В 1737 г. на средства посадского человека Дмитрия Исаева заново были отстроены кельи и деревянная ограда. Согласно описи 1739 г., Бо-

городицкий женский монастырь представлял собой следующее: «Одна каменная и одна деревянная церкви, 16 настоятельских и монастырских деревянных келий, школ и госпиталей не имелось. В монастыре жили игуменья, 17 монахинь, 20 учениц, 2 попа, 1 дьякон. Вотчин, земель и сенных покосов не было...».

В 1742 г. монастырь вновь постиг разрушительный пожар. Сгорели 19 келий и часть ограды. Из-за отсутствия средств несколько лет монастырь не отстраивали. Многие монашки ходили по миру.

В 1759 г. на средства прихожан заложили в монастыре в добавление к каменному храму в честь Казанской Богоматери другой каменный храм – во имя Сергия Радонежского. В первые три года строительство велось быстро, но затем было остановлено из-за смерти прихожан, финансировавших работы.

В 1764 г. Богородицкий монастырь был упразднен, всех монахинь перевели в Симбирский Спасский монастырь¹. На месте обители в 1872 г. возвели Казанский кафедральный собор.

Такова история основания первых монастырей на Сызранской земле. Получив поддержку государственной власти, приютив немощных посадских и служилых людей, эти монастыри в определённой мере стали частью системы государственного призрения, формировавшегося на рубеже XVII–XVIII вв. Если старицы женского монастыря жили на государево жалованье – ругу и на подавания прихожан, то в мужских монастырях ещё и активно занимались хозяйственной деятельностью, что способствовало колонизации этих земель.

¹ Монастыри Самарского края. /<http://encyclopaedia.bid/>

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

ПОСАДА МЕЛЕКЕСС 1878–1917 гг.

К 140-летию городского самоуправления

Мелекесса – Димитровграда

15 сентября (старый стиль) 1878 г. в посаде Мелекесс Ставропольского уезда Самарской губернии свершилось важное событие – состоялось первое заседание гласных (членов) посадской Думы – выборного распорядительного органа городского самоуправления. Председательствовал на нём Константин Григорьевич Марков, купец первой гильдии, сын основателя Торгового дома «Г. М. Марков с сыновьями».

Гласные Думы приняли присягу, выбрали членов посадской Управы – исполнительного органа при Думе и посадского Голову – выборного главу посадского общества. При полном единодушии избиравших им стал К. Г. Марков. Так завершилась работа по формированию первых органов Мелекесского посадского самоуправления [1].

Городская дума – орган городского самоуправления в Российской империи в 1785–1917 гг. Она занималась вопросами благоустройства, здравоохранения, образования и другими хозяйственными делами. Городская управа в Российской империи в 1870–1917 гг. – исполнительный орган городского самоуправления, избиралась Городской думой, возглавлялась городским головой [4].

Чтобы понять, какое это было важное событие – первое заседание гласных (членов) посадской Думы для жителей посада Мелекесс, необходимо вспомнить, что предшествовало этому в истории города.

320 лет назад в 1698 г. на берегу тихой лесной речки Мелекески, впадающей в р. Большой Черемшан, появилась удельная деревня Чувашский Мелекесс. Принадлежала она царской семье. Спустя примерно 50 лет на той же речке, на правом её берегу, недалеко от удельной деревни появились один за другим 4 частных винокуренных завода, производивших хлебное вино. Заводы принадлежали симбирским купцам и находились на всём протяжении речки Мелекески, что составляло около 15 вёрст.

В 1767 г. вышел Указ императрицы Екатерины II «О государственной винной монополии». Частные заводы были проданы государственной казне и получили статус «казённые винокуренные заводы» [3].

Администрация, управлявшая заводами, была одна. Все 4 завода на речке Мелекесске фактически были объединены в один Мелекесский Ка-

зённый винокуренный завод этой администрацией, хотя территориально заводы находились друг от друга на некотором расстоянии.

Винокуренный завод – это сложный производственный цикл: браговарни, солодовни, мельницы, овины, погреба для хранения вина, амбары, конюшни, караульные и жилые избы. Население при заводе составляли специалисты по винокурению, чиновники, ведающие финансовыми операциями, агенты по закупке хлеба, возчики, караульная служба охраны завода и сопровождения при перевозке вина. Поселение называлось Мелекесский завод [2].

Архивные документы говорят: «...при основании Мелекесского завода никакого при оном поселения не было». Оно появилось здесь после начала строительства заводов. Жители поселения нуждались в продовольствии и других жизненно важных товарах. Симбирская казённая палата прислала 16 семейств симбирских мещан, которые обосновались при заводе. Они открыли лавки, магазины, мелкие предприятия [2].

Завод работал почти 100 лет, производил хлебное вино. Но из-за убыточности в 1848 г. Министерство казённых имуществ завод закрыло, а его постройки и имущество было распродано с аукциона по весьма низким ценам, причём покупателями были местные жители. После закрытия казённого винокуренного завода хлебное вино продолжали производить в Мелекесе и его окрестностях на частных предприятиях. Так, в 1875 г. вступил в работу винокуренный завод купца Г. М. Маркова. Поселение продолжало расти и развиваться за счёт строительства механических мельниц, производства высококачественной муки, торговли хлебом, развития ремёсел.

Население быстро росло за счёт переселенцев из Самары, Ставрополя, Симбирска, Москвы. Выгодное географическое положение, безвозмездная передача земли под поселение способствовали его быстрому экономическому росту.

В деле «Об обращении села Мелекесса в посад», обнаруженном в историческом архиве Петербурга, говорится, что в 1865 г. Мелекесс насчитывал 314 домовладений, 3094 жителя [3]. Это были мещане, купцы, удельные и государственные крестьяне. Население занималось торговлей, ремёслами, хлебопашеством. Работали 15 предприятий: 5 поташных, 4 салотопных, 2 кожевенных и чугунный заводы, маслобойка, свечной и клейный заводики, более 50 ремесленных мастерских (экипажные, сапожные, портняжные, столярные, кузнечные). Работали 120 деревянных лавок. Проводились две ежегодные ярмарки, базары по средам и воскресеньям. Главный оборот торговли производился хлебом на сумму

498 тыс. рублей серебром. В 1859 г. в поселении Мелекесский завод была построена деревянная Никольская церковь, и поселение стало называться селом. Но несмотря на быстрый экономический рост и значение, которое приобрёл Мелекес в Заволжье как центр торговли хлебом, в селе не было никакого сословного, хозяйственного, полицейского управления, учреждённого или признанного правительством. Всё население Мелекесского завода признавалось временно проживающим по паспортам. В любое время казна могла отобрать усадьбы и постройки.

Чтобы узаконить своё положение, в 1860 г. 22 мелекесских купца во главе с Г. М. Марковым составили прошение в Сенат о преобразовании с. Мелекесский завод в посад с введением в нём соответствующих административных учреждений [5]. Прощению дали ход. Оно рассматривалось администрацией Самарской губернии, Министерствами внутренних дел и казённых имуществ, Лесным департаментом и Департаментом уделов. Возникло много недоразумений, в том числе по земле, да и чиновники не очень спешили разобраться в сути вопроса. Удельное и Казённое ведомства долго не могли решить, где, как и сколько дать будущему посаду земельных угодий.

Мелекесские купцы вновь повторили своё прошение в 1865 г., но уже 226 домовладельцев поставили свои подписи под ним. Обращения мелекесских граждан к правительству происходили на фоне государственных реформ, проводимых российским императором Александром II и руководимым им правительством [5].

19 февраля 1861 г. вышел Манифест об отмене крепостного права в России. Через 3 года, 1 января 1864 г., был утверждён закон о земском самоуправлении. Готовились документы по реформе городского самоуправления.

В 1870 г. была проведена реформа городского самоуправления, введено в действие «Городовое положение», закон о городском самоуправлении в Российской империи. После реформы попечительству городских дум и управ подлежали вопросы благоустройства, заведование школьным, медицинским и благотворительным делом.

Выборы в Городскую думу проводились по трём избирательным спискам (мелких, средних и крупных налогоплательщиков). Люди, не платившие налогов, не участвовали в выборах. Городской голова и Управа избирались Думой. Городской голова возглавлял и Думу, и Управу, координируя их деятельность. Городские думы проводили большую работу по благоустройству и развитию городов. Всё это было прописано в «Городовом положении» от 16.06.1870 г. Государственные

реформы ускорили решение вопроса о введении самоуправления в с. Мелекесский завод.

2 июля 1877 г. император Александр II после Высочайшего усмотрения Высочайше повелел утвердить переименование с. Мелекесский завод в посад Мелекесс и ввести в нём городское самоуправление по Положению городской реформы от 16 июня 1870 г. В Мелекесс документ с Высочайшим повелением был доставлен 22 сентября 1877 г. 17 лет мелекесцы ждали этого события, и вот оно свершилось [5].

Теперь перед городским обществом стояла задача сформировать органы городского самоуправления. По Положению городской реформы этим занялась комиссия, выбранная на общем собрании домовладельцев новорождённого посада. Самое главное в работе комиссии было определить права избирателей и составить их списки. Право избирать гласных в Думу имели владельцы недвижимости, то есть плательщики налогов. В зависимости от размера налогов избиратели делились на три курии: крупные, средние и мелкие владельцы недвижимости. При этом каждая курия платила треть городских налогов независимо от количества избирателей в ней и избирала треть гласных.

В списках, составленных комиссией по куриям, избиратели распределялись следующим образом: в первой курии 21 лицо, во второй – 80, в третьей – 618. Всего в избирательных списках значилось 719 лиц. Списки были составлены, определено общее количество гласных Думы – 48 лиц и проведены собрания по выборам гласных в каждой курии отдельно [1].

В течение года работала комиссия, и в завершение её работы 15 сентября 1878 г. состоялось первое заседание гласных мелекесской посадской Думы. Началось первое 4-летие деятельности органов мелекесского посадского самоуправления – новый качественный этап в развитии Мелекесса.

По новому Положению от 1892 г. списки по куриям были отменены, но зато повышен имущественный ценз, что привело к сокращению избирателей из состава мелких владельцев недвижимости.

Из таблицы видно, что при росте населения посада количество избирателей в процентном соотношении снизилось [1].

Год	Количество жителей	Количество избирателей	% соотношение избирателей
1878	5024	719	14,3
1893	8000	131	1,6
1914	16000	208	1,3

Документы, характеризующие разные стороны жизни органов городского самоуправления, хранятся в фондах Димитровградского краеведческого музея: списки гласных посадской Думы за разные годы с личной подписью посадского головы К. Г. Маркова и секретаря Посадской думы; журналы заседаний Посадской думы, итоги работы Думы, финансовые документы.

Не всё и не всегда гладко проходило в работе Думы и при проведении выборов гласных, когда сталкивались личные, имущественные и политические интересы людей, политические взгляды разных партий и объединений и другие противоречия.

В фондах музея сохранились документы – «Возражения» от врача Сироткина от 28 февраля 1898 г., от купца А. А. Таратина от 27 августа 1893 г., от ставропольского уездного исправника от 19 ноября 1893 г. В этих «Возражениях» авторы указывают самарскому губернатору на нарушения «Городового положения 1870 года», допущенные К. Г. Марковым, который находился на посту городского головы [1].

Городское самоуправление просуществовало в посаде Мелекесса 39 лет, с 1878 г. до 1917 г. Этот период времени краеведы называют «золотым веком» в истории Мелекесса [2].

Органы городского самоуправления способствовали развитию в посаде просвещения, здравоохранения, благоустройства, благотворительности, вели надзор за нравственностью. В этот период в посаде появились новые учреждения и здания для них, новые должности: Самарское губернское почтовое отделение, телеграфная станция, Посадская управа, сиротский суд, общественные бани, лесничий, нотариус, купеческий староста, мещанский староста, становой пристав, мировой судья. В городскую казну поступали средства налогоплательщиков, которые тщательно учитывались. В музее сохранились документы финансовой отчетности.

Множеством дел по удовлетворению самых разных нужд города были заняты Городская дума, Городская управа и городской голова.

С целью сохранения общественного порядка и благочиния мелекесцев Управа издала постановление «Об устройстве заведений трактирного промысла» и строго следила за его выполнением. Взносы трактирного сбора в городскую казну осуществлялись за 6 или 3 месяца вперёд [1].

В 1888 г. по инициативе посадского головы К. Г. Маркова на пересечении улиц Большой и Грязной было построено красивое деревянное здание для исполнительного органа городского самоуправления – Посадской управы. На крыше здания Управы был установлен флюгер. Сегодня он хранится в музее.

Управа взялась за расширение сети учебных заведений. Развитие образования было одним из важнейших и неотложных для посадского головы и органов городского самоуправления. В этом вопросе Управа преследовала свои цели. В Мелекессе к концу XIX в. появились новые промышленные предприятия: льнопрядильная ткацкая мануфактура, паровые мельницы, на которых устанавливали самое современное, в том числе и импортное, оборудование. Развивающемуся капиталистическому производству посада нужны были образованные, квалифицированные рабочие. До введения городского самоуправления в Мелекессе существовала одна начальная школа на 40 учеников, помещавшаяся в церковной сторожке и получавшая 100-рублёвое пособие от Ставропольского земства. За время деятельности органов самоуправления во главе с К. Г. Марковым к 1917 г. в посаде имелись женская и мужская гимназии, городское высшее начальное училище, низшая ремесленная школа, 9 приходских и церковно-приходских школ, с 1912 г. в Мелекессе было введено всеобщее начальное образование, с 1915 г. работала учительская семинария. Всего насчитывалось 13 учебных заведений с 2000 учащихся. За всеми этими впечатляющими достижениями стояла большая работа Думы, Управы, посадского головы; бесчисленными были поездки за свой счёт в Ставрополь, Самару, Петербург с ходатайствами и хлопотами о выдаче пособий на содержание учебных заведений [2].

Собственные средства на строительство зданий и содержание женской и мужской гимназий Мелекесса вложили братья Константин Григорьевич и Фёдор Григорьевич Марковы.

Не стояло на месте и развитие здравоохранения при поддержке органов посадского самоуправления. Ещё в декабре 1870 г. до введения городского самоуправления в Мелекессе открылась земская больница на 10 коек при одном враче. К 1914 г. в Мелекесской земской больнице вели амбулаторный приём, лечили в стационаре на 37 коек 2 земских врача, 9 фельдшеров, 16 лиц обслуживающего персонала. Была создана эпидемиологическая служба для борьбы с инфекционными болезнями: холерой, чумой, тифом [1].

В 1909 г. при поддержке Посадской думы и Управы в Мелекессе появилась ветеринарная служба. Ветеринарный врач Степан Георгиевич Дырченков был переведён из Старой Майны на службу в посад Мелекесс, где в том же 1909 г. по инициативе городского самоуправления и его инициативе была построена первая в Самарской губернии ветеринарная лечебница. Для своего времени она была благоустроена и удобна, имела манеж с асфальтовым полом и канализацией, абиссинский (артезианский)

колодец и куб для горячей воды, 2 изоляционных двора, стационар на 6 тёплых мест и 4 холодных места, навесы. Для ветврача, ветфельдшера, санитаров и сторожей при лечебнице имелись хорошие квартиры с отоплением и освещением.

Мелекесс застраивался в основном деревянными домами. Часто, особенно в летнюю жару, вспыхивали пожары. В 1874, 1878, 1889 гг. выгорела большая часть города. Поэтому на заседаниях Управы остро стоял вопрос о постройке пожарного депо с каланчёй. В начале XX в. губернские газеты отметили, что в Мелекессе выстроено добротное каменное здание – пожарное депо. В нём разместились 100 человек пожарной команды.

Немало средств выделила Посадская управа на благоустройство Мелекесса. По всему посаду около домов были проложены деревянные тротуары, прорыты водосточные канавы. Грязный берег р. Мелекески был расчищен, на нём посадили деревья. Управа приняла решение запретить стирку белья в Главном пруду и поить скот в водоёмах в черте города. На ул. Большой (ныне III Интернационала) был устроен первый общественный сад – Летний сад, улицу осветили керосиновыми фонарями. Была запущена маленькая электростанция, которая подавала электроэнергию во многие дома и магазины. В Мелекессе начала действовать почтово-телеграфная контора, городская общественная библиотека на 1000 книг [2].

Благодаря исключительно хлопотам и заботам Константина Григорьевича Маркова, на средства города, казны и благотворительных пожертвований в 1908 г. в центре посада был открыт Народный дом с театром – центр культурной и общественной жизни посада. Это нарядное, в смешанном архитектурном стиле здание, самарского архитектора А. А. Волошинова, где теперь находится Димитровградский драматический театр им. А. Н. Островского, и сегодня является гордостью и украшением города. На сцене Народного дома ставились в начале века любительские спектакли, устраивались танцевальные вечера под духовой и любительский струнный оркестры. Устраивали концерты, на которых пел С. Г. Дырченков, пели и музицировали супруги Тельновы, читал свои стихи гимназист А. Хмельницкий. В губернской газете «Волжский день» печатались сообщения о том, что учащиеся мужской и женской гимназий в Мелекессе ставили благотворительные спектакли на сцене Народного дома. Деньги от них шли на стипендии нуждающимся учащимся [1].

Посадская управа во главе с К. Г. Марковым поощряла благотворительность в Мелекессе. Сам городской голова и члены его семьи жерт-

вовали на развитие и благоустройство посада огромные суммы. В 1906 г. Константином Григорьевичем, Александром Григорьевичем и Андреем Григорьевичем Марковыми на собственные средства было построено здание «Общественной богадельни им. Г. М. Маркова» в память об отце, главе семейства и Торгового дома «Г. М. Марков с сыновьями». Добротное красивое каменное одноэтажное здание было прекрасно оборудовано и могло приютить 60 «дряхлах стариков и старух». Вывеска с надписью у входа в здание гласила: «Общественная богадельня им. Г. М. Маркова, построена сыновьями Константином, Александром и Андреем Григорьевичами в 1906 году»; братья передали на её содержание 28 тыс. рублей и проценты с этой суммы [2].

Четвёртый из братьев семейства Марковых, Фёдор Григорьевич Марков, выстроил для посада каменный двухэтажный дом, предназначенный для детского приюта. К 1905 г. роскошный для посада того времени краснокирпичный дом был готов. Он походил на русский терем при высокой крыше с деревянными шпильями. На фронтоне фасада крупными буквами была сделана надпись: «Приют памяти Александры Васильевны Марковой».

В завещании Ф. Г. Марков дословно написал следующее: «...каменный двухэтажный дом, выстроенный мною за рекой <...> предназначенный для сиротского приюта, завещаю Мелекесскому посадскому обществу с тем условием, чтобы общество содержало в этом здании детский приют для мальчиков – имени Александры Васильевны Марковой. Для этой цели завещаю капитал в 100 тыс. рублей в 4-процентной Государственной ренте, хранящейся в Государственном банке <...> для содержания приюта навсегда».

Завещание было составлено в феврале 1905 г., обнародовано 17 ноября 1910 г. Проводила завещание в исполнение по воле и просьбе завещателя жена его покойного брата Александра Прасковья Степановна Маркова. Здания богадельни и детского приюта служат городу и сегодня, являются украшением города и примером благотворительности для предпринимателей и деловых людей нашего времени. В фондах музея хранится «Выписка из постановления Мелекесской посадской Думы» о желании душеприказчицы Ф. Г. Маркова, жены его старшего брата П. С. Марковой, желающей от его имени построить в посаде Мелекесс здание для женской гимназии. Документ подтверждает стремление богатых граждан посада к благотворительности, направленной на строительство и благоустройство в посаде, развитие культуры, просвещения и здравоохранения в нём [1].

По инициативе посадского головы К. Г. Маркова после пожара 1889 г., когда сгорела деревянная Никольская церковь на ул. Никольской, был организован сбор пожертвований на строительство нового храма в память об императоре Александре II. Марковы вложили в строительство храма немалые деньги. В 1894 г. в Мелекессе храм был построен и освящён во имя Святого князя Александра Невского [2].

Деятельность органов городского самоуправления касалась каждого жителя посада, независимо от величины его недвижимости. В посаде существовал Комитет о пособии бедным.

Дом для Городского Общественного управления (Городская управа), общественная скотобойня и мытный двор, 3 абиссинских колодца, обеспечившие население прекрасной питьевой водой, всё это появилось в Мелекессе в начале XX в. благодаря органам самоуправления и личному вкладу посадского головы. В 1899 г. К. Г. Марков участвовал в качестве представителя города в комиссии при Министерстве путей сообщения по вопросу строительства Мелекесского подъездного пути. Появлению железной дороги в Мелекессе жители посада во многом обязаны К. Г. Маркову и Посадской управе [2].

В начале XX в. в посаде появились профессиональные общества. В фондах музея хранятся «Устав профессионального общества приказчиков и служащих торгово-промышленных предприятий посада» и «Отчёт общества о доходах и расходах...» [1].

Процветать бы посаду и дальше на благо его граждан и государства, но пришёл 1917 г. с красным пламенем перемен. 12 марта был избран новый исполнительный комитет вместо Посадской управы. Он принял следующее постановление: «Выразить посадскому голове Маркову порицание за его зловредную деятельность по отношению к населению, отстранить Маркова от должности и предложить оставить навсегда посад».

27 апреля 1917 г. Мелекесская Посадская дума на заседании постановила избрать особый комитет по новым выборам, на основании опубликованных Временным правительством России «Правилах о новых выборах...». Во главе Думы был уже не К. Г. Марков. Вслед за этим последовало постановление о ликвидации и самой Посадской думы. Что произошло дальше – это уже другая история. Остаётся добавить, что в январе 1919 г. К. Г. Марков в возрасте более 70 лет был расстрелян по решению Мелекесской Уездчека за «контрреволюционную деятельность».

Такова история первого органа самоуправления посада Мелекесс и судьба первого посадского головы Константина Григорьевича Маркова.

Литература и источники

1. Архивные документы из фонда ДКМ.
2. Петрова А. Н., Орленко Т. Н. Научные статьи прошлых лет из фондов ДКМ.
3. Касимов Ф. Д. Страницы истории Мелекесса. – Дмитровград, 2008. – 170 с.
4. Советский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980. – 1599 с.
5. Хроника событий в Мелекессе – Дмитровграде (XVII–XX вв.). // По материалам государственных архивов страны, фондов ДКМ и периодической печати. – 1998. – 36 с.

В. Л. ШЕРСТНЕВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЛЕНА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИИ М. Н. ГАЛКИНА-ВРАССКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ г. КОЗЬМОДЕМЬЯНСКА

М. Н. Галкин-Врасский – саратовский губернатор (1870–1880), член Государственного совета России (с 1896 г.). Внимание к деятельности этого человека в г. Козьмодемьянске привлек документ «Из протокола общего собрания членов попечительского общества Ольгинского детского приюта трудолюбия в г. Козьмодемьянске» из книги «Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков», вышедшей в г. Йошкар-Оле в 2008 г. к 425-летию г. Козьмодемьянска [1]. В данном документе отмечается: «Заседание состоялось 1 декабря 1913 г. Доклад: На обсуждение общего собрания членов попечительского общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия в г. Козьмодемьянске. Правлением его было внесено на основании параграфа 33 устава общества представление правления, изложенное в журнале заседания его от 22 октября 1913 г. по поводу поступившего от попечителя приюта потомственного почетного гражданина Павла Федоровича Бычкова заявления следующего содержания: "1 ноября сего года исполняется 15 лет существования нашего детского приюта, возникшего благодаря сердечному почину со стороны его высокопревосходительства члена Государственного совета Михаила Николаевича Галкина-Врасского, посетившего в 1897 г. наш город в качестве уполномоченного от находящегося под высочайшим покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны Попечительства труда и помощи для осмотра открыть по случаю недорода дома трудолюбия для взрослых"».

Так как к тому времени острая нужда в подобном учреждении миновала, но само учреждение в целях оказания трудовой помощи населению

желательно было сохранить, то возникла мысль через эту организацию приходить на помощь детям – круглым сиротам. Его высокопревосходительство с живейшим участием приветствовало эту мысль, обещая со своей стороны исходатайствовать в Главном управлении попечительства разрешение на преобразование дома трудолюбия в Ольгинский детский приют трудолюбия, причем в это же время было принято в зарождающийся приют до 40 человек детей. Так как существующего помещения дома трудолюбия было недостаточно, то здесь же возникла мысль приобрести второй дом и выстроить при посредстве ссуды от попечительства трудовой помощи новый дом взамен старого, тесного и ветхого. Его превосходительством был осмотрен продававшийся в то время дом наследников Василия Ивановича Замятнина, и признав этот дом и место при нем соответствующим для детского приюта, его высокопревосходительство пожертвовал на покупку его из своих личных средств 1500 рублей, обещая немедленно по приезде своем в Петербург войти с надлежавшим ходатайством о выдаче ссуды на постройку нового дома.

Как известно, ссуда была дана, дом был выстроен и по ходатайству того же Михаила Николаевича Галкина-Врасского ссуда была с соизволения государыни императрицы Александры Федоровны сложена.

Докладывая об этом и принимая во внимание то незабываемое добро, которое сделал Михаил Николаевич г. Козьмодемьянску через учреждение Ольгинского детского приюта для обездоленных сирот, я прошу попечительский совет представить это мое заявление с соответствующим заключением в Козьмодемьянскую городскую думу на предмет избрания его высокопревосходительства, члена Государственного совета Михаила Николаевича Галкина-Врасского почетным гражданином г. Козьмодемьянска.

Общее собрание членов попечительского совета об Ольгинском детском приюте трудолюбия в г. Козьмодемьянске, рассмотрев упомянутое заявление попечителя приюта П. Ф. Бычкова, изложенное в журнале правления общества от 22 октября 1913 г., и со своей стороны вполне соглашаясь с этим заявлением, постановило: представить копию настоящего журнала в Козьмодемьянскую городскую думу на предмет избрания его высокопревосходительства, члена Государственного совета Михаила Николаевича Галкина-Врасского почетным гражданином г. Козьмодемьянска».

Поиски сотрудниками музея документов, подтверждающих, что М. Н. Галкину-Врасскому действительно было присвоено звание почетного гражданина г. Козьмодемьянска, увенчались успехом, благодаря

помощи сотрудников Государственного архива Республики Марий Эл и краеведа А. В. Муравьева.

В обнаруженном архивном документе отмечается следующее: «Козьмодемьянской Городской Управе. Государь император, по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел, во 2 день апреля 1914 года все милостивейше соизволил на присвоение Члену Государственного Совета, статс-секретарю, действительному тайному советнику Михаилу Николаевичу Галкину-Врасскому звания почетного гражданина города Козьмодемьянска, согласно ходатайству о том Козьмодемьянской городской думы, за ближайшее участие и руководство в деле преобразования временно учрежденного в г. Козьмодемьянске дома трудолюбия для взрослых в постоянный детский приют и за содействие к получению ссуды на возведение нового дома для этого приюта здания.

О таком ВЫСОЧАЙШЕМ соизволении, сообщенном мне Канцелярией Главного Управления по делам местного хозяйства, уведомляю Городскую Управу, вследствие представления за № 212 ГУБЕРНАТОР» [2].

Документы позволили увидеть еще одну неизвестную страницу в истории г. Козьмодемьянска и пополнить список почетных граждан города. На стенде «Почетные граждане г. Козьмодемьянска» в Художественно-историческом музее им. А. В. Григорьева появилась фотография видного общественного деятеля России XIX–XX вв. М. Н. Галкина-Врасского. На здании бывшего Ольгинского детского приюта была установлена мемориальная доска следующего содержания: «В этом здании по ходатайству козьмодемьянского купца П. Ф. Бычкова, члена Государственного совета Н. М. Галкина-Врасского и с соизволения государыни императрицы А. Ф. Романовой в 1898 г. был основан Ольгинский приют для детей-сирот».

Деятельность М. Н. Галкина-Врасского описана в книге «Почетные граждане г. Козьмодемьянска», вышедшей в 2013 г. при содействии сотрудников МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс».

Литература

1. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. – 615 с. – Йошкар-Ола, 2008.
2. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф.16. Оп 1. Д. 784. Л. 42–42 об.

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

А. Н. ИВАНОВ

ЭВАКУИРОВАННЫЕ В ЕЛАБУГУ ЛИТЕРАТОРЫ: ОТ «ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА» МИХАИЛА ЛОЗИНСКОГО ДО «КОЛДОВСКОЙ ЦЕВНИЦЫ ВЕКА» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В годы Великой Отечественной войны прикамская Елабуга – небольшой городок в составе Татарской Республики – принял несколько групп эвакуированных литераторов из Москвы и Ленинграда. Традиционно, говоря об эвакуированных в Елабугу поэтах и писателях, называется имя без сомнения великой поэтессы Серебряного века Марины Цветаевой. Среди тех, кто разделил с ней тяжесть эвакуации и кто навсегда остался в елабужской земле (умер от туберкулеза кишечника в октябре 1942 г. в Елабуге), писатель Николай Ефимович Добычин, печатавшийся под псевдонимом Николай Алтайский.

Пожалуй, всех эвакуированных в годы Великой Отечественной войны в Елабугу литераторов, за исключением Марины Цветаевой, можно объединить в группу с таким символическим обозначением: «Малоизвестные (как вариант – "забытые") литераторы». Трудно оспорить тот факт, что изрядно позабыто сегодня имя некогда популярного в мире драматургии советского критика и театроведа Михаила Борисовича Загорского (1885–1951). Кто вспомнит некогда известного писателя-мариниста Евгения Семеновича Юнгу (1909–1988)? Забыт еврейский писатель Едиде Марголис (1884–1949). Немногие вспомнят и поэтессу Нину Павловну Саконскую (настоящее имя – Антонина Павловна Соколовская, 1896–1951), чьи избранные детские стихи, впрочем, издаются и сегодня (например, «Маша варежку надела – Ой, куда я пальчик дела?...»). Не без труда вспомнится поэт-переводчик, драматург и сценарист Самуил Борисович Болотин (1901–1970), а ведь именно он является автором сценариев известных в свое время кинолент «Новый Гулливер» (1935), двух картин «Руслан и Людмила» (фильмы 1938 и 1972 гг. соответственно), «Под крышами Монмартра» (1975), поэтесса, переводчица Татьяна Сергеевна Сикорская (1901–1984), благодаря которой мы знаем русский текст грузинской песни «Сулико» (перевод выполнен в 1937 г.).

В 1940–1960-е гг. Татьяна Сикорская и Самуил Болотин (они не просто соавторы, они – супруги) очень много работали, переводили чешские, болгарские, румынские, французские, польские песни и песни многих других стран и народов. На стихи Татьяны Сикорской написал вокальный цикл «Испанские песни» Дмитрий Шостакович. Музыку на стихи Болотина и Сикорской писали также многие другие известные композиторы: Исаак Дунаевский, Александр Цфасман, Арно Бабаджанян, Оскар Фельцман. Песни входили в репертуар известных исполнителей: Клавдии Шульженко, Зои Рождественской, Владимира Канделаки, Михаила Александровича, Владимира Бунчикова, Владимира Нечаева, Леонида Утесова, Аллы Пугачевой.

Отдельно стоит назвать Вадима Витальевича Сикорского (1922–2012), Александра Александровича Соколовского (1925–1979) и сына Марины Цветаевой Георгия Сергеевича Эфрона (1925–1944), которые в 1941 г. были в эвакуации в Елабуге со своими родителями, и каждый из которых позже стал самостоятельным автором (особняком стоит разве что Георгий Эфрон, чьи «Дневники» были впервые изданы в 2004 г. – через 60 лет после гибели их автора на фронте).

Многие из перечисленных прибыли в Елабугу из Москвы, более того, одновременно с Мариной Цветаевой, буквально на одном пароходе. Особняком стоит одно «ленинградское имя»: исследователь античной культуры Мария Ивановна Максимова (1885–1973), которая занималась переводом «Анабасиса Кира» (или «Отступление десяти тысяч») – главного сочинения древнегреческого писателя и историка Ксенофонта. Кроме перевода этого литературного сочинения, оказавшего значительное влияние на латинскую прозу, М. И. Максимова занималась в Елабуге и подготовкой комментариев к «Анабасису». В 1951 г. книга Ксенофонта «Анабасис» вышла в издательстве Академии Наук СССР под редакцией академика И. И. Толстого (перевод, статья и примечания М. И. Максимовой).

Особого внимания в разговоре об эвакуированных литераторах заслуживает Михаил Леонидович Лозинский – один из создателей советской школы поэтического перевода. В годы Великой Отечественной войны Лозинский, находясь в эвакуации в Елабуге, закончил перевод «Рая» из «Божественной комедии» – центрального произведения итальянской и мировой литературы, созданного Данте в 1307–1321 гг. Михаил Лозинский необычайно обогатил нашу культуру, привнес в нее творчество поэтов мирового масштаба: Пьера Корнеля, Виктора Гюго, Шарля Бодлера, Леконта де Лиля, Людвиг Тика, Иоганна Вольфганга Гете,

Фридриха Шиллера, Генриха Гейне, Вильяма Шекспира, Самюэля Колриджа, Джорджа Байрона, Ричарда Шеридана, Редьярда Киплинга, Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Карло Гоцци, Джованни Чезарео... Переводы эти были позже оценены по достоинству и в нашей стране, и за рубежом. Но главное дело жизни Лозинского – все-таки перевод «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Данте – основоположник итальянского литературного языка – шел к русскому читателю более 500 лет. Путь Лозинского к признанию не был долог, но был по-своему тернист. 20 марта 1932 г. Лозинского арестовали по обвинению в антисоветской агитации и осудили на 3 года лишения свободы. Но это была еще не «эпоха» сталинского 37-го года, поэтому Лозинский получил свой срок условно. Впрочем, в этом «темном» деле есть одно яркое пятно, о котором стоит сказать особо. Неизвестно, как сложилась бы судьба Лозинского, если бы в нее не вмешался Никита Толстой – сын писателя А. Н. Толстого. Женившись на дочери Лозинского Наталии, Никита Толстой фактически спас Михаила Леонидовича от возможной ссылки или даже от лагерей: родственников Алексея Толстого, которому благоволил сам Сталин, не арестовывали.

Практически вся жизнь Лозинского была связана с его любимым Петербургом – Ленинградом. Получив в 1904 г. золотую медаль по окончании 1-й Петербургской гимназии, Михаил Леонидович отправился в Берлинский университет, однако вскоре вернулся в Санкт-Петербург. В 1909 г. Лозинский окончил юридический факультет Петербургского университета, а затем до 1914 г. учился на историко-филологическом факультете. В 1912–1913 гг. Михаил Лозинский стал редактором издательства «Гиперборей», где печатались акмеисты. В 1912 г. в одноименном ежемесячнике – «Гиперборей» – он опубликовал свои первые поэтические творения. Эту публикацию дебютом в поэзии Лозинский не считал. Дебютировал Михаил Лозинский как поэт в 1916 г., когда в Москве в издательстве Александра Кожебаткина «Альциона» тиражом всего 600 экз. вышла его книга «Горный Ключ: Стихи».

Не менее скромным по количеству экземпляров стал 32-страничный сборник «Тринадцать поэтов», изданный в Петрограде в Типографии В. Ф. Киришбаума в 1917 г. В этой книжке под одной обложкой с М. Лозинским оказались Г. Адамович, А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Зенкевич, Георгий Иванов, Рюрик Ивнев, М. Кузмин, Вс. Курдюмов, О. Мандельштам, М. Струве, М. Цветаева, Вл. Шилейко. У каждого из перечисленных авторов был свой путь на поэтическом поприще и к читателю. К примеру, в 1922 г. «Горный ключ» Лозинского был переиздан в Петрограде в цен-

тральном кооперативном издательстве «Мысль» тиражом 2500 экз. На этом поэт Михаил Лозинский «закончился»: несмотря на определенную художественную ценность, его стихи явлением в русской литературе не стали. В дальнейшем Лозинский занимался преимущественно художественными переводами. В упомянутом уже петроградском издательстве «Мысль» в 1922 г. вышли драма итальянца Габриэле д'Аннунцио «Пизанелло» и «Избранные стихотворения» француза Леконта де Лиля. Некоторые заседания «Цеха поэтов» проходили в квартире Лозинского на Румянцевской площади. В период с 1913 по 1917 гг. он был секретарем-редактором журнала «Аполлон». При этом с 1914 г. по 1937 г. работал в Публичной библиотеке главным библиотекарем и консультантом.

После Октябрьской революции Максим Горький привлек Лозинского в издательство «Всемирная литература». Горький поставил цель издать 1500 томов классической иностранной литературы в образцовых переводах. Так началась профессиональная переводческая деятельность Лозинского.

В 1924 г. издательство «Всемирная литература» было закрыто. Но идея высокохудожественных переводов осталась. Исправление дореволюционных переводов, чем поначалу занимались советские переводчики, уходило в прошлое. Благодаря переводам Лозинского, советскому читателю стали известны «Гамлет» и «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Назидательные новеллы» Сервантеса, «Собака на сене» и «Валенсианская вдова» Лопе де Вега, «Тартюф» Мольера, «Сид» Корнеля, «Школа злословия» Шеридана, «Кармен» Мериме, «Кола Брюньон» Р. Роллана, а также ряд стихотворений Гете, Шиллера и армянский эпос «Давид Сасунский». Принял участие Лозинский и в переводе Николаем Гумилевым древнеавилонского эпоса о Гильгамеше, хотя имя Лозинского нигде указано не было. Позже Гумилев скажет с сожалением: «А я, недостойный, один на обложку попал». Николай Гумилев отметил также, что поэтическое творчество Лозинского — «значительное и прекрасное».

Михаил Леонидович не вошел в нашу отечественную культуру как великий поэт, потому что таковым не стал. Но он добился, пожалуй, большей высоты — стал великим русским переводчиком XX в. Одного перевода Данте хватило бы Лозинскому, чтобы войти в историю нашей культуры. Безусловно, Михаил Леонидович был знаком с переводом «Божественной комедии», сделанным другом Пушкина Павлом Катениным в 1828–1829 гг., но взялся за «свой перевод».

Начало Великой Отечественной войны было принято Лозинским болезненно, но когда немцы подошли вплотную к его родному городу, стало

невыносимо страшно. Было очевидно, что блокаду Ленинграда он не выдержит. Его уговорили, а точнее, приказали на специальном военном самолете покинуть родной город. В приказе отмечалось, в частности, что Лозинский представляет «ценность для советского государства». Вскоре он окажется в далекой, но спасительной для него Елабуге. Некоторые детали «путешествия» Лозинского в Елабугу представлены в письме на имя Е. Е. Шведе, на котором вскоре остановимся подробно. Находясь в Елабуге, Лозинский проживал по адресу ул. Ленина, д. 77 (в настоящее время адрес этого дома – проспект Нефтяников, д. 175).

10 апреля 1943 г. Михаил Лозинский отправил из Елабуги в Самарканд (в часть № 34248) письмо своим друзьям: контрадмиралу Евгению Шведе и его жене Ольге Васильевой-Шведе – преподавательнице испанского языка, переводчице. Собственно уместно обозначить, что в конверте было 2 письма: одно Евгению Евгеньевичу, другое – Ольге Константиновне. Письмо это по определенным причинам оказалось в Новосибирске в одном из антикварных магазинов и не без усилий автора этих строк смогло вернуться в 2006 г. в город, из которого было отправлено – в Елабугу. Кроме того, что перед нами письмо выдающегося человека, несомненный интерес представляет и то, что автор уделяет в нем немало внимания Елабуге.

Вот оно...

«Елабуга. 10 апреля 1943.

Дорогой Евгений Евгеньевич, Ваше милое письмо я получил 7 января, на ложе болезни, первой из многих, которые, сменяя одна другую, длились больше трех месяцев. Я был очень плох и писать не мог. Только на днях я, наконец, встал, но едва волочу ноги. Зато пробую водить пером, чтобы ответить Вам. Простясь с Вами, мы продолжали оставаться в Л-граде, и не знаю, как долго жили бы там, если бы не постигшая Татьяну Борисовну тяжелая болезнь, оправиться после которой ей в тамошних условиях было бы очень трудно. Мне давно уже предлагали эвакуироваться, и пришлось это сделать. Мы покинули Л-град 30. XI. 41 и затем странствовали полтора месяца (самолет, теплушка, классный вагон, самолет, поезд, лошадь) с остановками в Горьком, где пролежали три недели больными, и в Казани, пока не добрались в Елабугу к дочери, зятю и внукам. Весной Сережа перевелся в Казань, а затем в Йошкар-Олу, где преподает математику в военно-воздушной академии. В мае он навестил нас. В недалеком будущем он, вероятно, будет защищать докторскую диссертацию, которая у него, как будто, уже готова. Наш зять Н. А. Толстой тоже оказался теперь в Йошкар-Оле и там же пре-

подает физику. Так что здесь мы остались с Наташей и внуками, да с нашей нянюшкой, приехавшей из Л-града.

Елабуга приятна зимой, вся белая в белых сугробах. Морозно и солнечно. Зато пренеприятная оторванность от мира: восемьдесят километров до ближайшей ж.д. станции, и плохо действующая почта. Сейчас тают снега, распутица, и почты нет уже целую неделю. Скоро разольется Кама и подступит к самому городу. Летом здесь тяжело: зной, пыль, зелени нет. Семья моя летом жила в деревне, в очень красивых местах, а я не выезжал никуда. Весь 42-й год я очень напряженно работал. Перевел в Елабуге Дантов "Рай" и тем самым закончил всю "Бож. Комедию", многолетний мой труд. "Чистилище" Гослитиздат собирается напечатать в этом году. Хочу сделать попытку попасть в Москву нынче летом, и по делам, и для лечения. Не будете ли и Вы там? Я так рад был бы встретиться с Вами. На днях получил приглашение от ЦК. Партии Таджикистана поселиться в Сталинабаде для литературной работы над таджикским материалом. Мы были бы соседи. Да где уж там! Сейчас с моим здоровьем такой вояж мне не по силам. Да и Наташе с ее малышами мы тут нужны. Я очень рад, что Коля доволен своей судьбой и своей работой. Пожалуйста, очень ему кланяйтесь от меня, и пошлите мой привет Елизавете Евгеньевне. Татьяна Борисовна шлет Вам сердечный поклон.

Искренне Ваш М. Лозинский».

А вот второе письмо.

«Елабуга. 10.IV.1943

Многоуважаемая Ольга Константиновна, в письме к Евгению Евгеньевичу я объясняю, почему я три месяца не отвечал на Ваши любезные письма. Этот год, действительно, начался для меня неожиданно. Утешаясь тем, что, усердно работая весь прошлый год, я успел до своей болезни закончить перевод «Бож. Комедии». При теперешнем моем упадке сил я бы не смог его продолжать. Он требовал огромного напряжения. Теперь меня снова тянет заняться испанским театром. Я заказал в Москве фотокопию «Don Gildelascalzas verdes» Турсо де Молина и хочу заново перевести эту комедию. Существующий ее перевод Пяста (под ред. Б. А. Кржевского и моей) — неудовлетворителен.

А недавно мне доставили с оказией из Ленинграда мой экземпляр четырехтомного издания «Comedias» Кальдерона, под ред. Keil'я (Лейпциг. 1827–1830). Думаю в следующую очередь заняться Кальдероном. Я был Вам чрезвычайно признателен за совет: какую драму или комедию Кальдерона особенно стоило бы перевести, но такую, которую можно было бы

поставить и на сцене и которую сочувственно принял бы зритель? У Вас наверное есть такая на примете, а то и несколько. Жаль, что о таких вещах приходится писать из Елабуги в Самарканд и ждать оттуда ответа. Насколько проще и приятнее было бы просто поговорить об этом в милом Ленинграде. Но, может быть, этот денек не за горами?..

Татьяна Борисовна и Наташа просят меня передать Вам их приветы. Преданный Вам М. Лозинский».

Из Елабуги в родной Ленинград Лозинский вернулся весной 1945 г. Большую часть его скромного багажа составляли бумаги, в том числе законченная рукопись перевода «Божественной комедии». Вскоре в книжной лавке на Невском проспекте появился в продаже номер литературно-художественного журнала «Ленинград» с фрагментами двух песен из «Божественной комедии» (Рай. Песни XXVII–XXXIII). Отдельным изданием «Божественная комедия. Рай» вышла в Москве в 1945 г. Книгу стандартного размера в мягком переплете и объемом в 264 стр. можно было купить за 8 рублей. В 1946 г. были названы лауреаты Сталинской премии в области литературы и искусства за 1943–1945 гг., и Михаил Леонидович получил Первую премию в номинации «Поэзия» за сделанный им перевод Данте. Напомню, что в 1966 г. Сталинская премия была приравнена к Государственной премии СССР.

В 2005–2006 гг. во время трех визитов автора этих строк в Санкт-Петербург в квартире внучки Лозинского Наталии Толстой и ее супруга Игнатия Ивановского, который был одним из лучших учеников Лозинского, хозяева уверили меня, что Михаил Леонидович всегда вспоминал Елабугу исключительно добрым словом, «был благодарен этому небольшому прикамскому городку за предоставленную в военные годы возможность и жить, и творить». Приятно было узнать, что несколько раз Лозинский произносил в разных вариациях фразу, суть которой можно свести к следующему: «Если бы не Елабуга, я не довел бы до совершенства свой перевод "Божественной комедии" великого Данте». Бессмертную «Комедию» сегодня мы читаем в переводе Лозинского, а вот с «Гамлетом» ему повезло меньше: «прижился» перевод, сделанный Борисом Пастернаком.

31 января 1955 г. в Ленинграде сердце Михаила Леонидовича перестало биться. Похоронен Михаил Леонидович был в своем любимом городе на Неве на Литературных мостках. В память о Михаиле Лозинском в нашей стране установлены две мемориальные доски: одна в Санкт-Петербурге на доме № 73–75, что на Каменноостровском проспекте, другая – в Гатчине на доме № 40 по проспекту 25-го Октября. В Елабуге

подобная доска была установлена в мае 2017 г. на доме, в котором жил Михаил Лозинский.

Накануне 1000-летия Елабуги, отмечавшегося в 2007 г., внук Алексея Толстого и Михаила Лозинского Михаил Никитич Толстой передал через автора этих строк в Елабугу сборник статей по физике своего отца Никиты Алексеевича. Он существует в единственном (!) экземпляре. В свое время сборник был составлен для личной библиотеки Никиты Толстого. В книгу включены 10 статей, датированные 1941–1949 гг. На его форзаце рукой Толстого указано содержание сборника. Передавая эту книгу в Елабугу в дар Елабужскому государственному музею-заповеднику, Михаил Никитич отметил, что над частью статей Никита Толстой работал в Елабуге. Также Михаил Никитич передал в Елабугу из личной библиотеки отца учебник «Оптика и атомная физика» немецкого ученого и педагога Роберта Вихарда Поля (1966). Перевод учебника выполнен дочерью Михаила Лозинского Натальей, которая тоже была в эвакуации в Елабуге. Учебник вышел под редакцией Никиты Толстого.

9 сентября 2014 г. на сайте о культуре и обществе «Культуролог» была размещена статья кандидата культурологии, преподавателя Государственной академии славянской культуры (ГАСК) Елены Федюкиной «Прохожий, остановись!» о судьбе елабужского писателя Станислава Романовского [1]. Автор завершает свою статью следующими словами: «Разрушенные слепой силой, восстанавливаются елабужские храмы, в городе открыты музей Цветаевой <...>. Станислава Романовского, правда, никак не увековечили, лишь выставка о нем есть в Библиотеке Серебряного века (оттуда-то мы и узнали о нем). Думается, что и сам писатель – тоже плод нашей щедрой на таланты земли. <...> Вечная ему память!».

Станислава Романовского не стало в 1996 г. В мае 2017 г. на здании бывшего Библиотечного техникума, в котором преподавал Романовский, была установлена мемориальная доска, посвященная Станиславу Тимофеевичу.

Станислав Тимофеевич Романовский родился 19 сентября 1936 г. в Елабуге. Здесь прошли его детские и юношеские годы, и здесь в 1949 г. он окончил елабужскую школу № 1 им. Ленина. Затем, по окончании историко-филологического факультета Казанского государственного университета, работал преподавателем литературы в Елабужском библиотечном техникуме. С 1957 г. Романовский – главный редактор газеты «Ульяновский комсомолец». Именно в Ульяновске в 1963 г. будет издана первая книга писателя – «Ломтик солнца». В 1964 г. по решению ЦК

ВЛКСМ переведен на работу в Москву на должность ответственного секретаря, а затем – заместителя главного редактора журнала «Сельская молодежь». Литература была его любовью, и так сложится, что по большей части все книги Романовского будут изданы именно в Москве.

Через всю жизнь Станислав Романовский пронес любовь к Прикамью и дорогой его сердцу Елабуге. Елабуга многочисленно встречается на страницах произведений Романовского, разошедшихся в свое время по просторам Советского Союза общим тиражом более миллиона экземпляров. Впрочем, сколько ни говори о писателе и его книгах, лучше все-таки прочитать то, что написано Станиславом Романовским. На сегодняшний день мы вынуждены признать, что ульяновский период жизни, работы и творчества Станислава Романовского (1957–1964) нами абсолютно не исследован, не изучен. Работа в этом направлении представляется нам весьма необходимой, и без помощи ульяновских коллег-краеведов, музейных работников, сотрудников архивов нам никак не обойтись.

В завершение считаем нужным сделать акцент на встречах Станислава Романовского с Мариной Цветаевой, которая, как уже было нами обозначено выше, тоже оказалась в Елабуге в эвакуации. Эта история была поведена Романовским в его рассказе «Я тоже была, прохожий», впервые опубликованном в журнале «Сельская молодежь» [2, с. 24–28]. Собственно встреч было всего две, и, пожалуй, обе были случайными. На исходе лета 1941 г. девятилетний Стасик Романовский в Елабуге встретился с «колдовской цевницей века» Мариной Цветаевой. Много позже того рокового военного 1941 г. Станислав Тимофеевич в своем рассказе «Двадцать пять рублей старыми» отметит о Цветаевой: «Великий поэт <...>, чья смерть не была расслышана в грохоте чугунных валов самой страшной войны».

Из дневниковых записей сына Марины Цветаевой Георгия Эфрона известно, что в Елабугу они прибыли на теплоходе «Чувашия» в ночь с 17 на 18 августа 1941 г. Из этого же «Дневника» известно, что Марина Ивановна 24 августа ближе к 2 часам дня уехала из Елабуги в Чистополь. Вернулась обратно она 28 августа. Исходя из этого, можно определить, что встречи Романовского с Цветаевой могли состояться в период с 18 по 24 августа 1941 г.

Итак, встреча первая. Предыстория: одноклассник Романовского Алеша сообщает Станиславу, что «шкипер Иван Осокин – Ваня, как мы звали его, – из низовьев Камы привел полную баржу писателей». Судя по всему, эту информацию Романовский от своего товарища должен был получить 18 августа, потому как прибытие эвакуированных из Москвы в

Елабугу – большое событие для прикамского городка. Среди прибывших писателей были те, чьи книги Романовский читал, поэтому мальчишки, не удержавшись, бегут на пристань выяснить, что к чему. В разговоре со шкипером Иваном Осокиным выяснилось, что прибыли эвакуированные вовсе не на барже («Да что они, овцы, что ли?»), а «на катере», а «на баржу заходили для разговора». «Назавтра, – отмечает в рассказе Романовский, – мы с Алешей пошли купаться на "быки" (место на Каме, где находятся большие камни, прозванные то ли из-за своих размеров, то ли из-за схожести с этими животными – «быками». – *А. И.*). В этот день – а это 19 августа, – согласно рассказу, Станислав с Алешей «долго загорали на "быках", на негреющем солнышке, купались в Каме и, оголодав, побежали домой». По пути домой мальчишки «заглянули в столовую на углу Карла Маркса (ныне – ул. Казанская. – *А. И.*) и Тойминской». В столовой, где «большой частью деревенские женщины с ребятишками хлебали суп посемейно, из одной тарелки», Алеша на освободившемся месте «взял из тарелки корку хлеба, обгрызенную в форме буквы Г». Уже на улице по этому поводу Алеша скажет Станиславу: «Это я для рыбалки... Сорога на хлеб хорошо берет». Мальчишку, который из чужой тарелки втихоря взял кем-то недоеденный хлеб, увидела одна из работниц столовой. Вот как произошедшее далее, описывает сам Станислав Романовский: «Нас догнала посудомойка – немолодая когтистая женщина в косынке, в кофте с закатанными рукавами, из которых высывались серые незагорелые руки». Эта женщина «подала Алеше аккуратный, как выпиленный из дерева, брусок ржаного хлеба и, задохнувшись, сказала просительно: "Возьмите"». Станислав запомнил глаза «этой женщины» – «сначала они показались веселыми, почти смеющимися, но скоро, – отмечает писатель, – я понял, что глаза не смеются, что в них живут в сложном двуединстве усталость и внимание ко всему, что творится на белом свете». Алеша хлеб принял, пробормотав «спасибо», и через пару минут мальчишки съели и «брусок», что дала посудомойка, и тот «обгрызыш», что был взят в столовой. «Во время войны слаще хлеба ничего не было, – комментирует Станислав поедание хлеба, полученного из рук посудомойки, – и никакие ягоды, никакие белые грибы, что в изобилии водились в наших местах, не могли и в малой степени заменить хлеб, которого становилось все меньше и меньше».

Из дневника Г. Эфрона известно, что 26 августа, находясь в Чистополе, Цветаева написала в Совет Литфонда заявление о приеме на работу. Вот текст этого заявления: «Прошу принять меня на работу в качестве посудомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Но свидетельств

о том, что Цветаева работала посудомойкой в этой литфондовой столовой, нет, как нет у самого Георгия свидетельств, что Марина Ивановна работала посудомойкой в Елабуге. Таким образом, свидетельство Романовского о Цветаевой-посудомойке – единственное, но сегодня уже невозможно определить, был ли это творческий вымысел писателя или же действительно Цветаева как минимум один день мыла посуду в елабужской «столовке».

Встреча вторая. Через несколько дней после «инцидента» с хлебом у столовой на углу ул. Карла Маркса и Тойминской Станислав и все тот же Алеша пошли в «церковь святого Николая, в которую на богослужения когда-то /Романовского/ водила бабушка Анна Никаноровна». Попробуем вычислить этот день: 24 августа Цветаева днем уедет из Елабуги, а первая встреча с поэтессой-«судомойкой» состоялась 19 августа. Следовательно, очередная встреча с Цветаевой («через несколько дней») могла произойти в период с 22 по 24 августа включительно. Вот что произошло при этой встрече в тогда, естественно, уже не действующей Никольской церкви: мальчишки увидели женщину, которая «кутаясь в короткую шаль, <...> зябла и, рассматривая стенопись, шла вглубь». В этой женщине ребята узнали «ту самую, которая давеча, как нищему, вынесла Алеше кусок хлеба». Она шла «медленно-медленно», прямо к мальчишкам и задала свой первый вопрос: «Как называется эта церковь?». В ответ на мальчишеское «Святого Николы», Цветаева произнесла: «Что-то я его не вижу». Романовский показал женщине простенок между северными окнами, где был изображен этот святой. Показывая «на изображение Божьей Матери с ребенком на руках», которое было в «глубоких круглых выщербинах – красочный слой и известь пробиты до кирпича», она спросила: «Это пулями?». Ответил Алеша: «Конечно». Марина Цветаева поинтересовалась: «Давно закрыли церковь?» и в ответ на «Давно. До войны» вздохнула «Очень давно». Цветаева шла вдоль стен, мальчишки за ней: «Была она хозяйкой храма, и глаза ее блестели тем веселым, почти удалым обманным блеском, который <Станислав Романовский> заметил тогда у столовой».

Рассмотрев эти образы, Цветаева покинула церковь. Романовский в своем рассказе дальнейшее представил так: «Выйдя вслед за ней на волю, мы попали под нежаркое августовское солнце, и все обрадовались ему. Солнце садилось за гору, где стояла древняя – старше Московского Кремля – белокаменная башня "Чертово Городища". За ней в поле – не видно отсюда – и местные и эвакуированные копали землю. По тропинке через заросли лебеды мы спустились в овраг, и женщина сказала:

– В Елабуге много георгинов. Я подумал, что приезжая имеет в виду те георгины, что в изобилии цветут по частным садам и палисадникам. Но она, показывая рукой на пёстрые цветы, заплутавшие в лебеде, неведь каким ветром занесенные сюда, и радовалась:

– Опять георгины!

Мы перешли овраг, и Алеша спросил женщину:

– А где вы живете?

– Я живу у фонтана, – ответила она. – Или, как у вас говорят, "у фонтала". Как раз напротив».

Фонтаном («фонталом») в Елабуге называли сооружение для раздачи воды – «деревянный серо-серебристый от времени многогранник с полой граненой крышей, с подзорами». Елабужане здесь брали воду для питья, приготовления еды. А неподалеку «в овражке в каменном низком помещении располагалась "портомойня", где в длинных деревянных колодах женщины стирали белье, "порты"» (теперь в этом здании один из самых «необычных» музеев Елабужского государственного музея-заповедника – «Портомойня»).

Тогда Стасик, узнав место проживания в Елабуге этой женщины, произнес следующую фразу: «Мы живем от вас два квартала!». Последние слова Цветаевой, услышанные Романовским: «Близко. До свидания». «Свидание» не состоялось.

У Романовского читаем: «Через три дня я узнал, что в доме напротив "фонтала" повесилась эвакуированная и сегодня ее понесут хоронить». Хоронили Марину Цветаеву 2 сентября 1941 г., а, следовательно, день, представленный Романовским как день второй встречи с Поэтессой, – 30 августа. Не исключено, что в днях Станислав Тимофеевич мог и ошибиться (все-таки ему тогда было 9 лет), но суть этой знаковой встречи он запомнил на всю жизнь: «Тогда я еще не верил, что если человек умирает, то это навсегда». Кладбище, на котором похоронили Марину Цветаеву, Романовский знал очень хорошо: «Здесь похоронен мой дед, моя сестренка, моя родня». Навеща «родимые могилы», Станислав Тимофеевич приходил и на могилу Цветаевой, о которой отметил так: «Сейчас уже никто с неоспоримой определенностью не может указать место погребения».

Много позже 1941 г. Романовский живо интересовался обстоятельствами гибели Поэтессы. Кое-что из того, что удалось узнать Станиславу Романовскому, поведала его родная сестра Вероника Тимофеевна (1929–2008) в письме Вячеславу Головко, профессору Ставропольского университета. Данное письмо было отправлено из Елабуги в Ставрополь

(датировка по почтовому штемпелю – 12 июля 2005 г.). Вот что пишет Вероника Романовская [3. с. 186, 187]: «Он <Станислав> рассказал мне – в первый раз! – наверное, в 1963 году (боюсь спутать), что во время стажировки на Центральных курсах журналистов в Москве в одной из редакций (не назвал ни издания, ни человека) он познакомился с человеком, который присутствовал при разговоре Асеева (или Федина) в Чистополе с Мариной Цветаевой; там был еще один мужчина (наверное, чекист) и рассказчик. Цветаевой подробно рассказали об участии Эфрона в шпионской деятельности (агент ГПУ и Франции); она молча беспрерывно курила – услышанное ее потрясло. Рассказ Станислава был кратким, но смысл его был один: "надо было загнать ее в тупик, добить". Через 2 дня она ушла.

<...> Рассказы Станислава были очень сдержанны – излишне не откровенничал. Последний разговор со Станиславом в иконном зале Третьяковки; после осмотра икон мы сидели, отдыхали, вспоминали Елабугу. Он спрашивал, как обстоят дела с музеем Цветаевой, с публикациями, со днями ее поминовения. И тут он сказал (это уже во второй раз за период ее "возрождения"): "Я знаю подробности смерти этой многострадальной великой женщины, но никогда о них не расскажу: я боюсь за свою и твою семью" (не ручаюсь за словесную точность, но смысл такой). Видимо, кто-то из "посвященных" ему рассказал тайну – или в Елабуге, или в Москве».

Свой рассказ «Я тоже была, прохожий» Станислав Романовский оптимистично завершил следующими словами: «И жить все-таки надо, что бы ни случилось на этой печальной и светлой земле...».

Источники

1. <http://culturolog.ru/content/view/2133/96/>
2. Романовский С. Т. Я тоже была, прохожий // Сельская молодежь. – 1986. – № 7.
3. Цитируется по книге: Головкин В. М. «Через Летейски воды...» // ГУК Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»; Елабужский государственный музей-заповедник; Ставропольский государственный университет, 2007.

**ИЗДАНИЯ ОЧЕРКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ И. А. ГОНЧАРОВА
«ФРЕГАТ "ПАЛЛАДА"» В СОБРАНИИ УЛЬЯНОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМЕНИ И. А. ГОНЧАРОВА
(к 160-летию книги)**

Особой страницей в жизни великого русского писателя И. А. Гончарова является его путешествие на фрегате «Паллада» в 1852–1855 гг. В состав важной дипломатической миссии Е. В. Путятина к берегам Японии он был включен в должности секретаря. Литератор, прекрасно владеющий слогом, хорошо ориентирующийся в международной политике, Гончаров оказался незаменим для экспедиции, участвовал в переговорах, составлял отчёты и донесения, вёл дипломатическую переписку адмирала. Его службу высоко оценило правительство, наградив «вне правил чином Статского Советника»¹. Литературным итогом похода стала книга очерков И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» (1858), которая по праву вошла в золотой фонд мировой литературы путешествий, неоднократно переиздавалась ещё при жизни автора, переведена на многие языки народов мира.

В 2018 г. книге исполнилось 160 лет. Юбилейная дата – прекрасный повод к тому, чтобы обратить наше внимание на уникальную коллекцию изданий «Фрегата "Паллада"» в собрании Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова, представить наиболее ценные и интересные экземпляры.

Известно, что публиковать очерки путешествия Гончаров начал в журналах и сборниках практически сразу по возвращении в Петербург, с апреля 1855 г., сначала отдельно и без соблюдения хронологии, а по мере готовности и отделки очерка для печати. Одновременно с журнальными публикациями были выпущены оттиски некоторых очерков, несколько сброшюрованных очерков и даже отдельная книга «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». В мае 1858 г. вышло в свет первое издание книги «Фрегат "Паллада"». Очерки путешествия в двух томах».

При жизни Гончарова книга переиздавалась пять раз: трижды отдельным изданием (в 1862, 1879 и 1886 гг.), а также в составе собраний сочинений писателя в 1884 г. и 1886 г. В последующие дореволюционные

¹ Об этом см.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. – С. 55.

годы книга выдержала ещё пять посмертных изданий: отдельное 1895 г., и в собраниях сочинений 1896, 1899, 1912 и 1916 гг.

В фондах Ульяновского краеведческого музея, за исключением отдельного издания 1895 г., представлены все дореволюционные публикации книги. Наиболее ценным предметом коллекции является экземпляр «Русские в Японии в конце 1853 – начале 1854 гг.» (УКМ 25726¹). Это отдельное издание японских глав очерков Гончарова, вышедшее в свет в Санкт-Петербурге, в Типографии Императорской Академии Наук в 1855 г., т. е. одно из тех первых изданий очерков, которые публиковались до того, как были собраны в книгу². Однако особая ценность этого экземпляра заключается прежде всего в том, что издание – мемориальное. На титульном листе сохранился сильно выцветший автограф Гончарова: «Петру Авксентьевичу и Анне Александровне Музалевским от брата». Автограф указывает на то, что сам Гончаров послал эти очерки в подарок младшей сестре Анне и её мужу. О том, что писатель посылал родным в Симбирск публикации очерков, свидетельствует сохранившееся его письмо к сестре, Александре Александровне Кирмаловой: «С Анненковым (Павлом Васильевичем) я послал к сестре Анне Александровне еще по две брошюры своих путевых заметок, напечатанных в феврале и марте в журналах. И ты получишь от нее обе статьи. Когда-нибудь, лежа в постели с этими книгами, услышишь, как неистово завоет буря на дворе, хотя такая, в какую я приехал к тебе, и представишь себе, как брат твой испытывал все это на морях, – право, испугаешься»³. В книге поступлений Ульяновского краеведческого музея это издание было зарегистрировано в 1976 г. как переданное из библиотеки художественного музея, однако также в документации отмечено, что книга была пожертвована потомком семьи Гончаровых, племянницей писателя Екатериной Михайловной Кирмаловой, ещё в 1901 г.⁴ И в этом тоже состоит её особая значимость среди других изданий коллекции. Сейчас книга представлена в экспозиции музея И. А. Гончарова, в зале «Путешествие на фрегате "Паллада"».

¹ Здесь и далее УКМ – Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова.

² Также в фондах музея имеются журнальные издания очерка: публикации в старейшем в мире ежемесячном журнале по военно-морской тематике «Морской сборник», 1855, №№ 9–10 (УКМ 43198, 47491–47492).

³ Письмо. И. А. Гончаров – А. А. Кирмаловой. 20 апреля 1856 г. // Вестник Европы. – 1907. – № 2. – С. 588.

⁴ То есть первоначально книга поступила в музей Симбирской губернской ученой архивной комиссии, коллекция которого были позднее разделена между Художественным и Краеведческим музеями области.

Также в постоянной музейной экспозиции демонстрируется первое издание книги очерков путешествия – 1858 г. Книга вышла в свет в известном издательстве А. И. Глазунова. Публикацию текста предваряет предисловие «От издателя». А на титульном листе напечатано посвящение Гончарова: «Его императорскому высочеству государю, великому князю Константину Николаевичу с чувствами глубочайшего уважения и беспредельной преданности посвящает автор». Позже Гончаров писал в «Необыкновенной истории»: «...я напечатал <...> путевые записки "Фрегат "Паллада"" – и, конечно, поспешил представить первые экземпляры всей императорской фамилии, с посвящением в<еликому> к<нязю> Константину Николаевичу, которому был обязан этим плаванием»¹. Действительно, именно по Отношению Великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала, в скором времени возглавившего Морское министерство, Гончаров был включен в состав экспедиции. Книга Гончарова была издана в двух томах. В коллекции музея представлены оба тома, поступившие в 1976–1977 гг. от С. Л. Сытина (УКМ 26770, 26357) и ещё два экземпляра тома 2-го: поступление 1977 г. из Куйбышевской областной библиотеки (УКМ 27849) и 1986 г. от частного лица, жителя Ленинграда Г. Г. Коллегаева (УКМ 45238).

Второе издание книги «Фрегат "Паллада"» вышло в свет в двух томах в типографии Морского министерства в 1862 г. (УКМ 41113/1–2). В 1879 г. Гончаров продал право на издание «Фрегата "Паллада"» представителю старейшего в России книгопродавческого дома – И. И. Глазуну. Это третье прижизненное издание книги вышло со значительной правкой текста автором, «с переменами», как указано на титульном листе. Имеются в виду не только стилистические уточнения, но и дополнения, сокращения, замены, связанные с углублением смысла, с появлением новых содержательных моментов. Также эта публикация была дополнена «Предисловием автора к третьему изданию «Фрегата "Паллада"» и впервые – главой-эпилогом «Через двадцать лет». Специально для этого издания по просьбе Глазунова гравёр И. П. Пожалостин выполнил портрет Гончарова с фотографии К. И. Бергамаско 1873 г. Этот портрет предваряет публикацию текста. В фонды музея первый и второй тома издания поступали от разных лиц, в разных издательских и владельческих переплётах (УКМ 42930, 743014). Совсем недавно, в конце 2017 г., ещё один экземпляр второго тома в красивом издательском переплёте и хорошей сохранности был подарен музею профессором Сорбонны, по-

¹ Гончаров И. А. Необыкновенная история // Литературное наследство. Т. 102. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – С. 261.

томком симбирских дворянских родов Толстых, Воейковых Вероникой Жобер.

Все дальнейшие дореволюционные издания книги – отдельные и в составе сочинений – печатались в издательстве Глазунова (в общей сложности 9 изданий). Только в 1899 г. вышло в свет 12-томное собрание сочинений Гончарова как приложение к первому в России массовому иллюстрированному еженедельному журналу «Нива», издававшемуся Адольфом Фёдоровичем Марксом. Журнал предназначался для семейного чтения и был ориентирован на широкий круг читателей. С начала 1890-х гг. бесплатными приложениями к «Ниве» стали выходить собрания сочинений крупнейших русских и зарубежных писателей. Благодаря высокому уровню печатавшихся произведений и низкой цене на подписку, журнал обрёл популярность и самый высокий тираж среди журналов России конца XIX – начала XX вв. Не случайно в фондах музея хранится большое количество экземпляров этого издания, они могут составить отдельную полку. Все они в разных издательских и владельческих переплётках. Очерки путешествия публиковались в 5, 6 и 7 томах. Нередко два или все три тома сочинения переплетались под одной обложкой, в одну книгу.

Уже после выхода в свет книги «Фрегат "Паллада"» Гончаров время от времени публиковал новые отрывки из своего «путевого журнала». Так, в 1858 г. появились «Два случая из морской жизни», в 1874 г. – «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании», а в 1891 г. – очерк «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске». Два последних издания представлены в собрании музея.

Очерк «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» опубликован в издании «Складчина» (УКМ 35795) – литературном сборнике, составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии (СПб., 1874). Всего в сборнике представлены 48 литераторов. Гончаров был не только одним из авторов, но и входил в состав редакционно-издательского комитета книги. Его очерк был написан специально для сборника в кратчайшие сроки. Замысел связан с присутствием Гончарова 6 января 1874 г. на обеде, устроенном бывшими участниками экспедиции в Японию в честь 20-летней годовщины избавления их от гибели при крушении фрегата «Диана» в 1854 г. Об этом автор пишет в очерке: «Многое возобновилось в памяти плователей за этим обедом <...> Японская экспедиция была тут почти вся в сборе <...> Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лет назад и доскажу, между прочим, о том, что случилось с "Палладой" и как заключилось дальнейшее

плавание моих спутников, после того, как я расстался с ними»¹. В 1879 г. этот очерк под новым названием «Через двадцать лет» превратился в заключительную главу книги «Фрегат «Паллада», её эпилог.

Очерк «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске» был опубликован в новом литературно-политическом и научном журнале «Русское обозрение» в январе 1891 г. (УКМ 26332). Очерк дополняет сибирские главы «Фрегата "Паллада"», прежде всего, подробными описаниями якутского и иркутского общества. Здесь по прошествии многих лет Гончаров напишет о своих встречах в Сибири с ссыльными декабристами (Волконским, Трубецким, Якушкиным, Поджио), о чём ранее писать было невозможно по цензурным соображениям.

В музее хранится большая коллекция изданий «Фрегата "Паллада"» XX–XXI вв. Среди них, несомненно, стоит обратить внимание на публикацию 1949 г., подготовленную Государственным издательством географической литературы (УКМ 24829). За основу здесь взят текст из последнего прижизненного собрания сочинений Гончарова 1886 г., т. е. с последней правкой автора. Впервые в издании расшифрованы имена и фамилии спутников Гончарова по путешествию (прежде они обозначались инициалами). Автором большой вступительной статьи и подробного комментария к тексту выступил Сергей Дмитриевич Муравейский, что интересно, не литературовед, а известный географ, гидролог, в те годы директор НИИ географии АН СССР, декан географического факультета МГУ, член президиума Географического общества СССР.

Это издание не просто открывает портрет Гончарова (в данном случае с литографии 1847 г.). Здесь текст впервые сопровождается богатым иллюстративным материалом. Во-первых, для оформления книги два московских художника – Б. К. Винокуров и В. Д. Цельмер – создали целую серию иллюстраций, среди которых заставки к главам очерков и отдельные иллюстрации к соответствующим страницам текста. Это особенно интересно и ценно по той причине, что подлинники иллюстраций (35 ед.) хранятся в фондах Ульяновского краеведческого музея, были переданы в дар в 1976 г. (УКМ 30015–30049). Кроме названных иллюстраций, издание дополнено разворачивающимися картами-вклейками и рисунками, в том числе оригинальными: впервые публикуемыми рисунками А. Можайского, изобретателя первого в мире самолета, участника плавания на фрегате «Диана»; японскими рисунками с изображением

¹ Цит. по: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3. Фрегат «Паллада». Материалы путешествия. Очерки. Предисловия. Официальные документы экспедиции. – СПб.: Наука, 2000. – С. 26.

русской дипломатической миссии из коллекции Центрального военно-морского музея. Не удивительно, что это «географическое» издание «Фрегата "Паллада"» не раз переиздавалось – в 1950, 1951 гг. В собрании музея представлены и переиздания книги (УКМ 33420, 32591).

В 1951 г. в издательстве «Ульяновская правда» также появилось издание «Фрегата "Паллада"». По сути своей оно повторяло издание Государственного издательства географической литературы, но, к сожалению, уже не включало ни иллюстраций, ни карт, ни даже портрета Гончарова. В фондах музея представлено два экземпляра (УКМ 26761, 28415).

Ещё одно ульяновское издание «Фрегата "Паллада"» состоялось в 2013 г., оно было приурочено к открытию Международного культурного форума, выпускалось как подарочное издание для формирования представительского пакета участника форума. В оформлении его использованы фондовые иллюстрации Б. К. Винокурова и В. Д. Цельмера – на суперобложке и отдельной вклейкой.

Безусловно, книга очерков путешествия «Фрегат "Паллада"» неизменно входила в состав собраний сочинений И. А. Гончарова. В фондах представлены сочинения 1952 г., 1952–1955 гг., 1959–1960 гг., 1977–1980 гг.

В 1976 г. издательство «Советская Россия» выпустило в свет книгу очерков Гончарова с послесловием известного исследователя русского романа XIX – начала XX вв. Елены Александровны Краснощёковой (УКМ 27461). В 1986 г. Саратовское Приволжское книжное издательство повторило статью Краснощёковой в издании серии «Волжские просторы», иллюстрации к книге выполнила талантливый саратовский художник-график Л. Горячева (УКМ 41328). Также в собрании музея представлена книга «Фрегат "Паллада"», вышедшая в двух томах в Калининграде в 1984 г. в серии «Морской роман» (УКМ 55070, 55071).

В 1986 г. в Ленинграде в издательстве «Наука» вышло первое академическое издание в серии «Литературные памятники», подготовленное сотрудником ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Тамарой Ивановной Орнатской. Текст издания печатался по последнему прижизненному собранию сочинений Гончарова, со сверкой по журнальным публикациям, всем прижизненным изданиям, с обозначением наиболее характерных разночтений и вариантов. В этом издании, кроме текста «Фрегата "Паллада"», опубликованы очерки Гончарова «Два случая из морской жизни» и «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске», тесно связанные с вошедшими в книгу главами; письма Гончарова из плавания и написанные позже, но также относящиеся к творческой истории очер-

ков, связанные с текстом и зачастую дополняющие его. Примечания к тексту, составленные Т. И. Орнатской, представляют собой подробный историко-литературный, текстологический и постраничный реальный комментарий. Здесь же размещена статья известного филолога, литературоведа и переводчика Бориса Михайловича Энгельгардта «Фрегат "Паллада"». Завершают публикацию Словарь морских терминов, Указатель имён, Указатель географических названий, что связано с большим количеством реальных персонажей, исторических лиц и географических названий в книге. Публикацию текста «Фрегата "Паллада"» предваряют портрет Гончарова, впервые опубликованный в третьем отдельном «глазуновском» издании 1879 г., и Предисловие автора к 3-му изданию книги. Среди иллюстраций к тексту – портреты, карты, титульные листы прижизненных изданий, рисунки, в основном из фондов Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Центрального военно-морского музея, а также других источников. В фондах музея представлены два экземпляра этого издания. Одно (УКМ 55076) – с дарственной надписью Орнатской: «В библиотеку музея И. А. Гончарова от составителя этой книги. 20.V.86. Ленинград. Т. Орнатская».

Самое полное на сегодня научное, академическое издание «Фрегата "Паллада"» вышло в Санкт-Петербурге в составе Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова в 20 томах, издаваемого Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В 1997 г. сотрудники Гончаровской группы института подготовили и издали текст книги – второй том собрания сочинений (УКМ 66032), а в 2000 г. – целый том с приложениями и комментариями (УКМ 66033). Текст подготовлен на основе тщательного изучения всех существующих источников (печатных и рукописных) и впервые печатается в сопровождении подготовительных материалов, ранних редакций и вариантов. В томе третьем помещены очерки Гончарова, непосредственно связанные с книгой-путешествием, известные авторские предисловия. Впервые здесь опубликованы официальные документы экспедиции, которые Гончаров вел на протяжении 1853–1856 гг. по своей должности секретаря адмирала Е. В. Путятина, из фондов Архива внешней политики России. Также том содержит раздел «Рукописные редакции и варианты», текстологические, историко-литературные и постраничные комментарии и примечания. Завершает издание словарь морских терминов, встречающихся в книге.

Наконец, несколько слов об иностранных изданиях «Фрегата "Паллада"».

Ещё при жизни автора отрывки очерков путешествия Гончарова были

переведены на чешский и болгарский языки, предпринимались первые попытки перевода на японский. Переводы небольших фрагментов текста появились в 1942 г. на таджикском, в 1947 г. – на якутском, в 1953 г. – на литовском, в 1962 г. – на татарском языках. В Японии, Китае, Южной Африке, т. е. в странах, описываемых в тексте «Фрегата "Паллада"», были переведены соответствующие главы: «Шанхай» в Китае (1980), «На мысе Доброй Надежды» в Кейптауне (1960–1961), «Манила» на Филиппинах (1974), отрывки «японских» очерков печатались с 1898 г. достаточно регулярно. Полностью японские главы книги, а также несколько близких к ним очерков были переведены в 1969 г. Сокращенные переводы книги выходили в Германии (1925), Польше (1960), Великобритании (1965). Полностью книга была переведена на чешский (1927), венгерский (1952), немецкий (1953), румынский (1956), эстонский (1958), итальянский (1970), грузинский (1972), болгарский (1977), китайский (1982). В 1987 г. перевод «Фрегата "Паллада"» опубликован в США. В 1995 г. вышел полный французский перевод книги.

В коллекции музея представлены переводы «Фрегата "Паллада"» на грузинский (1972) и эстонский языки (1958). Книги поступили в музей в 1976–1977 гг., соответственно из Государственной республиканской библиотеки г. Тбилиси (УКМ 26354) и Государственной библиотеки Эстонской ССР (УКМ 26686-26687). Эстонский перевод интересен тем, что в его основе лежит текст нашего Государственного издательства географической литературы 1949 г. с опубликованными в нём рисунками, картами и иллюстрациями Б. К. Винокурова и В. Д. Цельмера, примечаниями и вступительной статьёй С. Д. Муравейского.

В самом конце XX в. в музей поступило издание «Фрегата "Паллада"» на французском языке 1995 г. известной серии «Славянская классика». Предисловие к этой книге написал французский славист, переводчик, профессор Сорбонны Жак Катто, участник V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Сейчас в нашем собрании два издания книги (УКМ 63534, 66552), последнее с дарственной надписью: «От автора предисловия профессора Жака Катто в дар музею Гончарова в городе Симбирск – Ульяновск. Париж. 27.8.1996 г.».

Первый полный перевод «Фрегата "Паллада"» на английский язык вышел в Нью-Йорке в 1987 г. (УКМ 66044), переводчик Клаус Гетце. Книга была передана в дар музею Галей Димент, доктором филологии, профессором университета штата Вашингтон (Сиэтл, США) в 2007 г., когда она посетила Ульяновск как участник юбилейных гончаровских

торжеств и Международной научной гончаровской конференции. Книга в цветной суперобложке, оформленной Стивом Мэдсоном. В качестве иллюстраций здесь приводятся виды мест по маршруту плавания «Паллады», но авторство их нам неизвестно.

Наконец, в фондах музея хранятся издания очерков Гончарова на японском языке. К сожалению, полностью книга «Фрегат "Паллада"» в Японии до сих пор не издана. Наиболее полная публикация включает японские главы и очерки «Гонконг», «Острова Бонинсима», «Шанхай», «Ликейские острова», «Через двадцать лет». Книга издана под названием «Записки о плавании в Японию». Это издание 1969 г. в переводе Такано Акира и Симада Ё (УКМ 40255). Здесь, по всей видимости, за основу текста также взято наше издание Государственного издательства географической литературы. По крайней мере, в качестве вступительной статьи к тексту даётся перевод всё той же статьи С. Д. Муравейского из названного русского издания. Книга интересно оформлена. Она в картонном футляре. Отдельным блоком помещены листы-вклейки с портретами, картами, воспроизведениями титульных листов очерков путешествия, рисунками русских и японских авторов. Этот экземпляр был подарен музею японским писателем Сакё Комацу, который побывал в Ульяновске в июле 1986 г. вместе со съемочной группой из Японии, снимавшей фильм о Волге.

Ещё одно японское издание, включающее те же главы, но без вступительной статьи С. Д. Муравейского – 1988 г., в мягкой обложке, в переводе другого автора – Иноуэ Мицуру (УКМ 49854). Оно поступило в музей в 1992 г. от Икуо Онисы, ассистента профессора Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония), также участника юбилейных международных гончаровских конференций.

Участник последней конференции 2017 г., лауреат Международной литературной премии им. И. А. Гончарова 2017 г., доктор филологии, профессор университета Сайтама Кадзухико Савада передал в музей последнее издание перевода глав книги Гончарова на японский язык – 2008 г. (УКМ 68789). Оно включает в себя перевод четырех очерков: «Русские в Японии», «Острова Бонинсима» и «Ликейские острова». Это небольшая по размеру книга в иллюстрированной суперобложке.

В заключение отметим: значительная часть книг описанной коллекции поступила в музей в 70–80-е гг. XX в., когда было принято решение о создании музея И. А. Гончарова в Ульяновске и в самые первые годы его работы. Именно тогда наиболее активно, целенаправленно формировался гончаровский фонд музея. Среди источников и способов поступлений

можно назвать закупку в букинистических магазинах Москвы и Ленинграда, передачу книг по запросу из резервно-обменного фонда библиотек, в том числе союзных республик, пожертвования частных лиц. В последующие годы собрание изданий постоянно пополнялось, теперь уже во многом благодаря авторитету музея, который стал признанным в мире центром по изучению и популяризации жизни и творчества нашего великого земляка. Многие из последних поступивших изданий были переданы в дар друзьями музея, исследователями творчества Гончарова из разных городов России и зарубежья, поклонниками таланта писателя.

История издания «Фрегата "Паллада"» свидетельствует о том, что книга выдержала испытание временем. Неугасающий интерес к ней и, безусловно, бережное отношение к сохранению памяти И. А. Гончарова в Симбирске – Ульяновске позволяют выразить уверенность в том, что коллекция музея и в дальнейшем будет пополняться.

Н. В. ЛАВРЕНТЬЕВА

«ОТСЮДА НАЧАЛАСЬ МОЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДОРОГА»

У Сызрани богатая литературная биография. Тесно были связаны с Сызранью жизнь и творчество популярного писателя XVIII в. Ивана Ивановича Дмитриева, Дениса Васильевича Давыдова. Нашими земляками являются талантливый представитель революционной поэзии 70-х годов XIX в. Николай Васильевич Симборский, замечательный советский писатель Сергей Тимофеевич Григорьев, Кузьма Яковлевич Горбунов.

В Сызрани начинал свою литературную и журналистскую деятельность Константин Александрович Федин – советский писатель и общественный деятель, Герой Социалистического труда, председатель правления Союза писателей СССР.

Константин Александрович Федин родился в г. Саратове в 1892 г. в семье владельца писчебумажного магазина. Детство и юность провел в родном городе. Окончил Коммерческое училище в г. Козлове (ныне г. Мичуринск). С детства был увлечён писательством. В 1911 г. поступил в Московский коммерческий институт. Печататься Федин начал еще в 1913 г., но подлинным началом большого творческого пути писателя можно считать первые годы революции. В 1914 г. Константин Федин, студент Московского коммерческого института, выехал в Германию, чтобы изучать немецкий язык. Там его застала Первая мировая война.

Четыре года провел он в Германии в качестве гражданского пленного. Только в сентябре 1918 г. он возвратился на родину. Около полугода Федин работал в Москве, в Наркомпросе.

В январе 1919 г. Константин Федин был приглашен в Сызрань, которая тогда относилась к Симбирской губернии, чтобы при уездном отделе народного образования основать и редактировать местный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Здесь, на периферии, Константин Федин яснее, чем в Москве, почувствовал, какие грандиозные изменения произошли в жизни людей за короткое после-революционное время и не столько в материальной жизни, сколько в сознании людей. Надо было питать стремление огромной массы простых людей к знаниям и культуре.

О своей работе в Сызрани он писал так: «Восемь месяцев сызранской жизни заняли большое место в моей писательской судьбе. Этот год – лучший мой год! Отсюда пошла моя литературная дорога» [1].

Подготавливая к изданию первый номер журнала «Отклики», Федин учитывает, что полнокровная творческая жизнь местного журнала немыслима без установления тесных контактов с пролетарскими литераторами, живущими за пределами Сызрани. Редактор «Откликов» надеялся, что журнал сможет стать той притягательной силой, которая соберет провинциальных писателей, поэтов, публицистов, способных создать революционное искусство. Федин обращается, в частности, к симбирскому литератору Николаю Николаевичу Ильину. Первая его публикация появилась под псевдонимом Николай Нилли. Ильин создал Дом народного творчества, объединивший писателей-самоучек Симбирска, о чем Константин Александрович знал, когда еще работал в Москве.

12 марта 1919 г. К. А. Федин направляет Н. Н. Ильину свое первое письмо, в котором, рассказывая о созданном в Сызрани журнале «Отклики», просит творческой помощи и поддержки симбирцев. «Трудность задачи, – пишет Федин, – заключается в отсутствии литературных и публицистических сил. Они не успели еще выявиться. У них не было органа, вокруг которого они могли бы сложиться. Теперь, когда я стою перед огромной задачей создания пролетарского журнала, обращаюсь к вам с просьбой рекомендовать из писателей, поэтов и публицистов-самоучек товарищей, готовых поддержать молодой пролетарский орган и принять участие в его создании» [2].

30 марта 1919 г. вышел первый номер «Откликов», «еженедельный пролетарский орган, литературно-художественный, общественно-политический, научно-популярный».

Журнал «Отклики» был тесно связан с литераторами Симбирской губернии. Об этом рассказывает Николай Николаевич Ильин в своих рукописных воспоминаниях «Мой путь»: «Получил письмо от Константина Фебина. Он в Сызрани налаживает журнал "Отклики". Просит меня указать пролетарских и крестьянских писателей губернии, которые могли бы принять участие в журнале. "Совместно с вами, товарищи, нам будет легче осуществить начатую мною литературную работу". Многие из членов Дома народного творчества настояли на том, чтобы предложить Фебину выпускать один раз в месяц номер журнала исключительно из произведений наших членов. Фебин дал согласие».

Судя по письмам Фебина к Николаю Ильину, творческая связь «Откликов» с симбирцами не прекращалась на протяжении всей деятельности сызранского журнала. В письме от 1 апреля 1919 г. Фебин высказывает уверенность, «что если симбирская организация писателей-самоучек не порвет связь с нашим изданием, то дело будет расти и крепнуть». В том же письме редактор «Откликов» сообщает, что получен рассказ от симбирского писателя П. Н. Николаева, подписанный псевдонимом Петр Максимович [3].

О выпуске специального номера журнала, составленного целиком из материалов симбирских литераторов, Фебин ведет переговоры с Ильиным в письме от 4 июня 1919 г., в котором извещал, что весь материал, присланный симбирцами, не может быть опубликован, так как он потребует по меньшей мере 50 полос набора, т. е. более чем трех номеров журнала «Отклики». Фебин пишет о все возрастающей популярности своего журнала: «В редакцию поступают непрерывно требования на журнал от Губернского агентства Центропечати, тираж же не может быть увеличен за недостатком бумаги».

Несмотря на свою оторванность от местной жизни, журнал с интересом читался и трудящимися Сызрани. Хорошо, например, разошёлся первомайский номер «Откликов»: «Его продавали на демонстрации, он понравился читателям, и я единственный раз пожалел, что отпечатали номер в недостаточном количестве», – вспоминал Фебин.

Работа Фебина в качестве редактора журнала «Отклики» и автора многих произведений в нем не получили до сих пор отражения в нашем литературоведении. Это объясняется, по-видимому, не только невниманием исследователей к писательской деятельности Фебина периода гражданской войны, но и тем, что комплект «Откликов» представляет сейчас большую библиографическую редкость.

В «Откликах» Фебин публикует рассказ «Счастье», «Сказку», стихот-

ворение «Триолет мая». Выступает он с публицистикой: пишет статьи на общественно-политические темы: «Спартакowцы», «И на земле мир», «Историческая справка о рабочем празднике». С большим увлечением высказывает Федин свои мысли о литературе, искусстве, народном образовании в статьях: «На открытие Пролеткульта», «Максим Горький», «О проекте товарища Ильина», «Библиографические заметки», «Труд в школе».

Анализ работы Федина в «Откликах» весьма важен для понимания мировоззрения и творческих принципов писателя, первые литературные шаги которого были проделаны под знаком искреннего стремления созидать искусство, рожденное революцией.

До личной встречи с Максимом Горьким, когда Федин, по-видимому, еще не предполагал, что он станет одним из ближайших учеников великого писателя, начинающий литератор поместил в журнале «Отклики» юбилейную статью, посвященную 50-летию со дня рождения Горького.

Летом 1919 г. в Сызрани была устроена выставка ручного труда школьников первой и второй ступени и питомцев детских садов. Федин, посетив эту выставку, был восхищен экспонатами. Свои впечатления он написал в «Откликах», высказав в статье «Труд в школе» несколько весьма актуальных мыслей о роли трудового воспитания в формировании характера будущих строителей социалистического общества: «Ребенок, пройдя трудовую школу при более или менее нормальных условиях, безусловно отыщет наиболее близкий по духу вид труда, полюбит его, и выйдет в жизнь, не зная, что такое лень или скука»...

Трудности гражданской войны, недостаток постоянного авторского и читательского состава, недостаток бумаги уготовили журналу очень непродолжительную жизнь. Издаваясь тиражом не более 300 экземпляров, «Отклики» вышли только 7 раз. «Тогда, как и теперь, – писал К. А. Федин в 1952 г., – я сознавал, что безвестный сызранский журнал не оправдал скромных ожиданий уездного города. В нем не отразилась и малая доля новых требований необыкновенного времени» [4]. Но несмотря на это, сызранский журнал и его молодой редактор получили большую известность не только у читателей, но и среди литераторов, главным образом, из рабоче-крестьянской массы, живущих в других губерниях и городах Советской России [5].

Константин Федин перешел работать в газету. Он сотрудничает в сызранской газете, которая имела последовательно наименования: «Известия Сызранских Советов», «Алый путь», «Сызранский коммунар» [6].

В «Сызранском коммунаре» печатался рассказ Федина «Дядя Кисель».

В конце 1919 г. этот рассказ был отмечен 2-й премией на литературном конкурсе, который проводился в Москве газетой «Агит-РОСТА». В рассказе начинающий писатель сумел психологически воссоздать зримый облик жалкого и ничтожного человека, который готов был променять Родину на плен и неволю [7].

Целый ряд статей Федин посвятил сызранским актерам, с которыми много общался. Из многочисленных театральных отзывов, рецензий наиболее значительными являются критические обозрения спектаклей «Дети Ванюшина», «Дни нашей жизни» [8].

Рассказ «Дядя Кисель» вместе с другим рассказом «Прискорбие» и статьей «И на земле мир» Федин в конце января 1920 г. послал Горькому. Ознакомившись с этими рукописями, Горький пригласил тогда начинающего литератора для личного знакомства. Как вспоминал писатель, Алексей Максимович произнес тогда очень ясные, очень серьезные слова: «Писать вы можете. Это видно их рассказа "Дядя Кисель". Таких Киселей у нас предостаточно. И это очень верно, что он от свободы ушел в кабалу. Живой человек. Такие есть. И рассказ, даром что коротенький, заставляет задуматься» [9].

Весной 1919 г. разлив Волги, Сызранки и Крымзы превратился в стихийное бедствие. Сигналы об обильном паводке стали поступать из верхневолжских городов еще в начале мая. А 17 числа разбушевавшаяся водная стихия прорвала городскую дамбу. На ликвидацию аварии были направлены рабочие, красноармейцы, другое взрослое население. Комсомольцы сами объявили себя мобилизованными на борьбу с наводнением. Прорыв был ликвидирован. Но разлившиеся реки затопили все низменные места в городе. Жилища и имущество большого числа сызранцев оказались под водой. Сутками работали комсомольцы в спасательных отрядах, оказывали помощь пострадавшим: детям, женщинам, старикам. Особенно упорно шла борьба, как вспоминает Александра Ивановна Суханова, за спасение электростанции и военных складов. Две недели продолжался напряженный поединок с водной стихией. Позднее эти сызранские события отразил в своем рассказе «Дамба» Константин Федин. Правда, город в нем не назван и фамилии героев изменены. Но все-таки в Сёме Голосове ясно угадываются черты Алексея Колосова – заведующего народным образованием, а затем и председателя исполкома (позднее он стал специальным корреспондентом газеты «Правда», писателем). Напечатана «Дамба» была в ленинградском журнале «Юный пролетарий». До сызранцев это издание не дошло. И Александра Ивановна Суханова прочитала его лишь спустя десятилетия. Однако участницу тех далеких

событий смутил юмористический тон рассказа, хотя смешного в той драме ничего не было, и она дала понять это автору литературного произведения, отправив ему письмо. Константин Александрович Федин, к тому времени уже Герой Социалистического Труда и широко известный литератор, откликнулся на такую весточку из прошлого (письмо хранится в краеведческом музее г. Сызрани). Вот что он ответил своему адресату: «Уважаемая Александра Ивановна <...> Письмо действительно прекрасно и той легкостью слова, и трогательностью воспоминаний о юношеских днях былого. Как хорошо пахло от Ваших строк верою в возвышенный смысл и очарование суровой героики революции – верою, свойственной молодежи тех лет!

Вы правы, конечно, что половодье 1919 г., пережитое Вами (и мною) в Сызрани, нашло отражение в рассказе <...> А нынешний год рассказ опубликовал саратовский журнал «Волга», за ним «Литературная Россия», где – к моей радости – он и был прочитан сызранской уроженкой, которая отнеслась к нему не только снисходительно, но даже с восторгом (что я объясняю земляческим чувством к сюжету – не больше) <...>

<...> Вот и Вы, уважаемый мой читатель Александра Ивановна, ожидали своими воспоминаниями мою память о майском разливе в Сызрани, и я от души благодарю Вас за Ваше славное, сердечное письмо! Будьте здоровы и благополучны!

Конст. Федин» [10].

«Как бы ни были слабы мои литературные начинания в Сызрани, они сыграли свою роль на первых порах моей работы журналиста в Петрограде, сызранские впечатления щедро наделили меня, как писателя, жизненным материалом» (К. Федин. «Сызранские эпизоды»).

В заключение, следует отметить, что лучшие произведения К. А. Федина составляют национальное достояние, широко известны во всем мире. Они очень разные, но в них есть единая тема – судьбы гуманизма, интеллигенции в новом обществе. Роман «Города и люди» 1924 г. – это один из самых первых романов о революции. Русская революция тут представляла как явление мирового порядка, как выстраданный поиск всего человечества, испытавшего кошмар и ужас Первой мировой войны. О крушении старого и становлении нового мира, о судьбах русской интеллигенции – роман К. А. Федина «Братья», в котором ярко и правдиво воссоздана эпоха гражданской войны. Масштабность художественных обобщений отличают созданный в тридцатые годы роман «Похищение Европы». Федин сталкивает два мира – социализм и капитализм, соответственно два мировоззрения, два социальных типа людей. Перу

К. А. Федина принадлежат романы «Первые радости», «Необыкновенное лето», в которых воссоздан героический путь трудового народа, бессмертные подвиги в битвах Великой Отечественной войны. Это историческая эпопея о судьбах народа и Родины. «Костер» – роман о новых нравственных критериях, о трагическом рубеже в жизни народа, о личности и народе в этот миг, о критериях, которыми должна мериться личность. Романы Константина Федина – неоценимый вклад в развитие советского и мирового романа. Вся его жизнь была посвящена деятельному служению культуре. Неутомимую творческую работу К. А. Федина сочетал с кипучей общественной деятельностью. В течение нескольких десятилетий он стоял во главе писательской организации страны. Он принимал активное участие в работе Советского комитета защиты мира, являлся членом редколлегии журнала «Новый мир». Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции», двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Константин Федин – признанный классик советской литературы, человек огромной культуры и личного обаяния, отдавший безраздельно свой талант Отечеству. Книги К. А. Федина навсегда вошли в художественную сокровищницу советского общества.

Литература и источники

1. МБУ «Краеведческий музей г. о. Сызрань», л/ф № 247, д. № 3, биограф. справки.
2. Зильберштейн И. С. Творчество Константина Федина. – М., 1966.
3. Зильберштейн И. С. Творчество Константина Федина. М., 1966.
4. Федин К. А. Писатель. Искусство. Время. – М.: Советский писатель, 1980. – С. 558.
5. Зильберштейн И. С. Творчество Константина Федина. – М., 1966. – С. 239.
6. Зильберштейн И. С. Творчество Константина Федина. – М., 1966. – С. 249.
7. Зильберштейн И. С. Творчество Константина Федина. – М., 1966. – С. 250.
8. Красный Октябрь. – Сызрань. – 1977. – 23 апр.
9. Федин К. А. Собрание соч. в 9 т. Т. 9. – М., 1962. – С. 139–140.
10. МБУ «Краеведческий музей г. о. Сызрань», л/ф Ф-3.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА. МУЗЕЙ И ШКОЛА

Ж. В. АЛЕКСЕЕВА

МУЗЕЙНЫЙ КЛАСС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ г. КОЗЬМОДЕМЬЯНСКА

«...посещать музей – значит, постепенно обогащаться духовно».
Дмитрий Сергеевич Лихачёв

Содержание программы «Музейный класс» направлено на приобщение учащихся начальной школы г. Козьмодемьянска к музеям города как к культурной среде, формирующей визуальные и эстетические предпочтения личности. Музей играет огромную роль в воспитании подрастающего человека.

Начиная со второго класса, музейно-образовательная программа «Музейный класс» вводит учащихся в пространство музея и, раскрывая его профильную специфику и содержание деятельности, знакомит детей с миром музейных ценностей, формирует навыки музейной культуры и восприятия подлинных произведений искусства Козьмодемьянской картинной галереи.

Осмысленное изучение искусства позволяет учащимся начального звена формировать навыки креативности и толерантности, то есть способности к созданию собственных принципиально новых идей и уважительного отношения к чужому образу мысли.

Музейно-образовательная программа «Музейный класс» направлена на формирование умения видеть, наблюдать, анализировать, переживать, обобщать, размышлять, сравнивать и фантазировать по поводу увиденного в музеях города. В дальнейшем на основе сформированных умений и навыков у детей формируется способность к пониманию специфики изобразительного языка.

Данная программа получила положительные результаты и отклики как со стороны учителей, так и со стороны учеников и их родителей. Школьники ознакомились с историей своего родного города, а также с видами изобразительного искусства, узнали, что такое живопись, графика, архитектура, скульптура. На занятиях у детей развиваются не только любознательность, внимание, но и фантазия, творческая изобретательность, самостоятельность. Ученики, рассматривая музейные

экспонаты, постигли главный закон истории: каждый предмет должен быть осмыслен в общем историческом потоке.

С помощью программы «Музейный класс» сотрудники учреждения МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» стараются решить ряд трудных задач образовательного и воспитательного процесса: создать условия для формирования духовно-нравственных качеств личности путем приобщения детей к культуре.

Мир прекрасен своей гармонией, и познание его маленьким человеком также должно быть гармоничным. Поэтому в музеях «активными» являются не только глаза, уши, руки ребенка, но и его сознание, интеллект, эмоциональная сфера. Понятие о нравственности, приобщение к духовной культуре формируют личность с позитивным взглядом на мир и способствуют развитию творческих способностей ребёнка.

Обогащение ребенка художественно-эстетической культурой происходит для него ненасильственно, если знание поступает как практическая созидательная деятельность. Использование методики музейно-образовательной программы «Музейный класс» позволяет адаптировать детей к современной жизни, восприятию окружающего мира на основе законов культуры, традиций и бытия предков.

Главной целью программы «Музейный класс» является создание модели формирования гражданственности учащихся на основе музейной коммуникации. Предлагаемая программа стремится познакомить учащихся с особенностями музейной работы, формировать и развивать музейно-визуальную компетентность, содействовать их приобщению к историческому наследию школы, города, Отечества.

В ходе реализации программы были поставлены следующие задачи:

1. Содействовать развитию креативного мышления учащихся.
2. Расширять исторический кругозор.
3. Создать условия для приобретения опыта общения с культурно-историческими ценностями музеев г. Козьмодемьянска.
4. Сформировать умения документирования исторических событий, активно участвовать в создании экспозиции музея.
5. Отработать навыки деятельности по сохранению историко-культурного наследия своей малой родины.
6. Воздействовать на формирование личностного, эмоционально окрашенного отношения к историческому прошлому.
7. Создать условия для социального, культурного и профессионального самоопределения, творческой самореализации личности ребенка.

Планируемые результаты:

1. Повысится общий уровень культуры учащихся.
2. Активизируется деятельность учащихся на школьных занятиях.
3. Появится интерес к профессии музейного работника.
4. Расширится аспект знаний у учащихся в области истории и культуры родного края.
5. Повысится успеваемость учащихся.
6. Появятся навыки работы с научной и справочной литературой, а также навыки публичных выступлений (в ходе экскурсий, выступлений на школьных и городских научно-практических конференциях).

Реализация музейно-образовательной программы «Музейный класс» осуществляется в три этапа: 1. Сотрудничество с образовательным учреждением МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» г. Козьмодемьянска. 2. Реализация занятий на базе МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». 3. Анализ реализации программы в конце учебного года.

Программа рассчитана на три года (2016–2019). Аудиторией программы являются школьники младшего звена МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» г. Козьмодемьянска. Место проведения: музей МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Методические формы работы с детьми в условиях музея достаточно разнообразны. Программой, в которой заняты как дети, так и сотрудники музея, предусматривается проведение обзорных и тематических экскурсий, проведение познавательных бесед и занятий. Перечисленные методы реализуются в разнообразных формах работы экскурсовода с детьми: викторинах и загадках, творческих заданиях.

Методические принципы четко определяются такими важными факторами, как развивающая направленность обучения и возрастные особенности музейного восприятия. Процесс эстетического развития является сложным, постепенным, он требует систематического, длительного воздействия на личность ребенка. В этих условиях не только возможно, но и необходимо начинать обучение музейному восприятию с раннего возраста. При этом неопределимо велика роль музея, его огромные возможности для приобщения к миру музейных ценностей.

План музейно-образовательной программы реализуется согласно графику проведения занятий и в соответствии с учебной программой начального звена образовательных учреждений г. Козьмодемьянска.

Структура программы включает в себя три учебных курса:

1. «Музей – это место для тебя» для 2 класса.
2. «Мы – друзья музея» для 3 класса.

3. «Музей – территория творчества» для 4 класса.

Таким образом, данная программа позволила детям познакомиться с музейными экспозициями, историей родного края и страны, развить собственное творческое начало, занимаясь на уроках Музейного класса, осознав личные коммуникативные способности, основанные на занятиях, полученных в ходе действия программы.

Л. И. АРТЕМЬЕВА

«АРТ-СТУДИЯ» ПРИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ им. А. В. ГРИГОРЬЕВА КАК ФОРМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Арт-Студия» – музейно-образовательная программа, которая создана в декабре 2015 г. автором доклада на базе Художественно-исторического музея им. А. В. Григорьева. Целью этой программы является популяризация изобразительного искусства среди населения г. Козьмодемьянска. Была выбрана обучающая форма проведения занятий в виде мастер-классов по акварельной живописи. Программа данных занятий успешно апробирована и приводится ниже.

География музейно-образовательной программы «Арт-Студия»: МО «Городской округ «Город Козьмодемьянск». Место проведения занятий: Муниципальное учреждение «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Участниками данной программы являются руководитель, сотрудник музейного комплекса и благополучатели, взрослые и дети, начиная с 5 лет. Срок освоения программы – 3 месяца. Продолжительность одного занятия – 60 минут. Кратность проведения занятий – 2 раза в месяц.

«Арт-Студия» – это творческий проект, представляющий собой художественную мастерскую, где проходят уроки рисования для начинающих в разных возрастных группах. «Арт-Студия» состоит из проведения мастер-классов в разной технике – рисование акварельными красками, гуашью, тушью и карандашами.

Программа состоит из нескольких курсов, в каждый из которых входят 6 занятий. Срок освоения программы-курса – 2 месяца.

Каждое занятие состоит из определённой темы, связанной с рисованием для начинающих. Например, тема занятия «Золотая осень» подразумевает урок по рисованию осеннего мотива в технике гуашь.

В первой части урока участники узнают в виде лекции и показа презентации о творчестве советского художника Павла Александровича Радимова (1887–1967), рассматривают его произведения искусства, которые находятся непосредственно в нашем художественно-историческом музее им. А. В. Григорьева. Во второй части занятия участники данного мастер-класса рисуют поэтапно осенний пейзаж «в стиле П. Радимова».

Другой пример, тема занятия «Натюрморт». В первой части урока участники узнают в виде лекции и показа презентации о значении слова натюрморт, а также о творчестве русского художника Ильи Ивановича Машкова (1881–1944), рассматривают его произведения искусства, в частности то, которое находится непосредственно в нашем художественно-историческом музее им. А. В. Григорьева. Во второй части занятия участники данного мастер-класса рисуют поэтапно натюрморт «в стиле И. Машкова».

Таким образом, одно занятие соединяет в себе две составляющие – это творческий процесс и изучение культурного наследия в сфере изобразительного искусства в целом.

Уроки рисования акварелью для начинающих могут стать как дополнением к основному курсу живописи, так и самостоятельным направлением обучения. «АРТ-Студия» по акварельной живописи специализируется на занятиях группами.

Цели, задачи «АРТ-Студии» и актуальность программы.

1. Актуальность: поэтическое восприятие окружающей жизни, развитие наблюдательности, раскрытие художественных способностей. Сила красок способна не только сформировать внутренний мир, но и изменить в лучшую сторону жизнь человека. Творческий процесс обогащает духовную сущность человеческой души.

2. Цель программы: развитие художественного вкуса, творческих способностей, духовного воспитания личности, внутренней культуры, приобщения к миру искусств.

3. Задачи: формирование специальных знаний по живописи, приобретение технических знаний и навыков по рисованию красками и карандашами. В «АРТ-студии» учатся «лепить» форму цветом и штрихом.

4. Как проходят уроки рисования в «АРТ-Студии».

Работа с красками – увлекательнейший процесс. Под руководством квалифицированного специалиста (с художественным образованием) Козьмодемьянского музейного комплекса обучающиеся проходят занимательный творческий путь от знакомства с техникой и выполнения простых упражнений до сложнейших пейзажей с множеством фактур и предметов. Кроме того, в процессе занятия специалист-руководитель

рассказывает дополнительную информацию о художественной жизни различных эпох, а также о творческой деятельности художников, просвещает в сфере современной художественной жизни и направлений в изобразительном искусстве.

5. Специфика продвижения «АРТ-Студии».

Для продвижения музейно-образовательной программы «АРТ-Студия» используются самые разнообразные средства. В целях привлечения большего количества участников руководителю необходимо заранее подготовить информационный материал о работе музейно-образовательной программы «АРТ-Студия». Требуются афиши, объявления, сообщения в школах и других учреждениях. Также имеет значение непосредственное общение со знакомыми, друзьями, сотрудниками, которые могут поделиться со своим кругом общения информацией о проведении мастер-классов по рисованию.

Важную роль в популяризации «АРТ-Студии» играет работа сайта музея. Электронные афиши, фотографии проведённых занятий – это также один из способов предоставления информации о данном творческом проекте. Информация на сайте музея об «АРТ-Студии» даёт ряд преимуществ и практически неограниченный доступ для всех заинтересованных пользователей сайта музея.

6. Результат. Что дают уроки музейно-образовательной программы?

На уроках живописи и рисования для начинающих учащихся знакомится с различными художественными инструментами и материалами, узнает о фактурах бумаги, свойствах разных красок, учится управлять цветом и получать разные оттенки. Обучение предполагает овладение «сухой» и «сырой» техниками рисования. В первом случае работы выходят яркими и глубокими, во втором – нежными и мягкими. Учащийся сможет определять пропорции краски и воды, избавляться от лишней влажности, создавать «легкие» и «тяжелые» картины.

Курсант также учится импровизировать и рисовать быстро, учится хорошему вкусу и чувству меры при работе с деталями. Благодаря таким урокам в форме проведения мастер-классов, происходит новое понимание красоты.

Программа «АРТ-Студия» выполняет несколько функций – это и познавательно-просветительская, и эстетическая, и социально-воспитательная. Изобразительное творчество позволяет человеку ощутить и понять самого себя, выразить свободно свои мысли и чувства, освободиться от конфликтов и сильных переживаний, быть самим собой, свободно выражать мечты и надежды. Рисуя, человек даёт выход своим чувствам,

желаниям, мечтам, перестраивает свои отношения в различных ситуациях. Человек отвлекается от трудовых будней, пересматривает жизненные приоритеты и ценности.

В завершении обучения по музейно-образовательной программе «АРТ-Студия» выдаётся диплом, подтверждающий прохождение курса рисования.

Данная музейно-образовательная программа осуществляется на базе Художественно-исторического музея им. А. В. Григорьева. За 2016 г. было проведено 18 занятий и охвачены данной деятельностью 22 ребенка в возрасте от 5 до 13 лет, а также 12 взрослых.

Нужно отметить, что данная музейно-образовательная программа «АРТ-Студия» осуществляется на платной основе. Несмотря на это, интерес у населения к изобразительному искусству существует, что способствует росту культуры в интересах нашего общества и популяризирует музейную деятельность.

Р. З. ВАГАПОВ

МУЗЕЙ – ПУТЬ В ШКОЛУ.

Из опыта работы Болгарского музея-заповедника

Детство – самая важная часть жизни, ведь именно в эту пору складывается характер человека, его отношение к себе и к окружающему миру, формируется мировоззрение личности, закладывается система ценностей. Детство – самая короткая часть жизни, оно не может повториться дважды. То, что упущено в детстве, очень трудно, почти невозможно наверстать в зрелые годы.

Детское сердце очень чувствительное, оно мгновенно реагирует на проявление добра и зла, правды и неправды. Нравственные чувства, сохранившиеся в детской эмоциональной памяти, накладывают отпечаток на мысли и поведение человека во взрослой жизни.

Приобщение к культуре средствами музея становится и острой социальной потребностью, от решения которой зависит в значительной степени выживание нашего общества и сохранение его культурно-исторической памяти. Музеи стали одним из главных своеобразных дополнений в области образования. Сохранение и изучение объектов исторического и культурного наследия с дальнейшим их развитием без их популяризации среди подрастающего поколения невозможно.

Особенность музейной среды состоит в том, что:

- она сохраняет и экспонирует подлинные исторические предметы, документы, факты и события из жизни людей;
- она способна передавать нравственные и культурные ценности от поколения к поколению;
- дети в этой среде осмысливают социальные явления, соотносят свои взгляды и ценности с взглядами и ценностями людей других эпох и культур.

Роль музеев в образовательном пространстве из года в год увеличивается, особенно в условиях глобализации мира и попыток унификации культуры и языка. Прежние подходы к музейно-образовательной деятельности на сегодняшний день недостаточны. Развитие личности происходит в условиях социального, конкретно-личностного бытия человека под воздействием обучения и воспитания.

Министр культуры РФ Владимир Мединский предложил включить посещение музея в образовательный стандарт. Включить посещение музея в стандарт – прекрасная идея. Вопрос в том, как ее методически и организационно обеспечить. Здесь на пути встают проблемы во взаимодействии музея и школы. Доступность музеев для школьников все еще очень низка. Музейные экспозиции меняются редко, фонды музеев закрыты для посещения, и очень мало произведений искусства переведено в доступную для потребителя электронную форму. Существенная проблема заключается в том, что среднему жителю России не так-то легко добраться до ближайшего музея. За последние годы для взрослых россиян создано множество автобусных туров с богатой культурной программой. Но недорогого культурного туризма для школьников по-прежнему очень мало.

У широких групп школьников не сформирован интерес к тому, чтобы сознательно изучить музейную коллекцию. Возможно, нужны специальные программы на телевидении, более интересные, чем музейные экскурсии. А может быть, для формирования интереса школьников нужно существенно изменить музейную среду. Ведь уклад российского музея сегодня не слишком привлекателен для школьников, потому что в нем почти все запрещено. Нельзя громко разговаривать, делиться впечатлениями, бегать, сидеть на полу... Кстати, сесть на стул зачастую тоже нельзя, да и негде. В музейных зданиях мало пространств для дискуссий, нет аудиторий, где можно было бы обсудить что-то с друзьями после осмотра экспозиции или поработать с группами детей, не говоря уже о том, чтобы на базе музеев проводить занятия для школьников.

В свою очередь, ни для кого не секрет, что система образования не в

полную силу использует образовательные возможности музеев. Новые образовательные стандарты делают упор на самостоятельную работу детей, в которой педагогу отводится лишь роль куратора, с другой стороны, сами дети редко проявляют интерес к самостоятельному изучению истории. Нередко у школ возникают проблемы по не зависящим от них причинам: финансовые, транспортные проблемы и т. д. и т. п.

За последние два десятилетия получила свое развитие музейная педагогика, основанная на принципе интерактивности, информационные технологии, обновилась материально-техническая база музеев. Однако проблема взаимодействия музея со школой до сих пор остается актуальной. Сегодня на первый план выступают активные формы сотрудничества школы с музеями.

Болгарский музей-заповедник – самый северный в мире памятник мусульманского средневекового зодчества. Он свидетельствует о давно исчезнувших древних государствах – Волжской Болгарии, Золотой Орде и представляет исчезнувшую культуру, жизненный уклад тех времен. Здесь при раскопках были найдены и продолжают выявляться многочисленные ценные археологические находки. Музей-заповедник и поныне пополняется археологическими экспонатами, найденными при проведении раскопок в этих удивительно интересных исторических местах.

Одним из главных направлений работы Болгарского музея-заповедника является научно-просветительская деятельность. Музейно-образовательный отдел Болгарского музея-заповедника был образован в 2010 г. К этому времени был накоплен богатый музейведческий, фондовый и просветительский потенциал. Используя всё это, отдел и сегодня активно продолжает музейно-просветительскую деятельность Болгарского музея-заповедника. В своей работе отдел руководствуется уставом и концепцией развития Болгарского музея-заповедника, направлениями научно-просветительской деятельности (туристическо-экскурсионной, лекционной деятельности и др.), разработками музейно-образовательных программ. Главной целью работы отдела является гармоничное развитие личности через реализацию музейно-образовательных программ, занятий, творческих мероприятий. При этом особое внимание уделяется воспитанию патриотизма через сохранение исторической памяти поколений. Для достижения этой цели в отделе разрабатываются и реализуются различные программы, занятия и лекции, с применением большого числа приёмов и методов музейной педагогики.

Большое внимание в области музейно-образовательной деятельности уделяется интерактивности, все мероприятия и занятия строятся

на активном участии в познании и закреплении полученных знаний посетителями.

Проблемы взаимодействия школы и музея не обошли и Болгарский музей-заповедник. На современном этапе развития ставятся новые задачи в разработке образовательной модели нашего музея-заповедника, выходящего на более глубокое взаимодействие с образовательной системой.

Нивелирующее воздействие научно-технического прогресса, особенно ярко проявившееся в области материальной культуры, сделало актуальным сохранение национальной самобытности каждого народа. Обрядность как система определённых обычаев, обрядов и праздников в социальной и культурной жизни человека – явление всеобщее и постоянное. Она свойственна всем народам и во все времена. В 2016 г. была разработана интерактивная образовательная программа «Татарские национальные праздники в хозяйственном календаре». В рамках этой программы были разработаны и проведены следующие интерактивные мероприятия: «Нардуган – рождение света», «Нартаван», «Нәүрүз мәбәрәкбад», «Жиен», «Сабантуй – праздник плуга», «Сәмбелә – көз бәйрәме», «Каз өмәсе». На этих мероприятиях дети знакомятся с историей, обычаями и традициями проведения этих татарских праздников и с тем, как они связаны с хозяйственным укладом. В 2017 г. программа была расширена русскими народными праздниками: Масленица, Святки, День Ивана Купала, Жаворонки. Здесь Болгарский музей-заповедник предстаёт перед ребятами как хранитель не только материальных исторических, но и духовных ценностей.

В 2017 г. была продолжена музейно-образовательная программа «Болгар – взгляд в прошлое». В рамках этой программы проводились как классические лекционные занятия, так и интерактивные мероприятия и мастер-классы. На этих мероприятиях учащиеся не только узнавали различные исторические события и даты, но и знакомились с некоторыми средневековыми технологиями – «Средневековые чернила», «Средневековые краски». Программа «Болгар – взгляд в прошлое» на сегодняшний день стала весомым дополнением к школьной образовательной программе.

Особое положение в этом направлении занимают пришкольные лагеря средних общеобразовательных школ г. Болгар и Детский образовательно-оздоровительный центр «Болгар», с которыми мы стараемся связать образовательные мероприятия. Ярким примером может считаться участие Болгарского музея-заповедника в проекте «Спасские следопыты».

В этом году участники профильной смены были включены в активную

практическую деятельность Болгарского музея-заповедника в работе с посетителями. 13 августа 2017 г. спасские следопыты приняли непосредственное участие в Фестивале средневекового боя «Великий Болгар» как резерв волонтерского движения в Татарстане. Впервые ребятам предстояло поработать в визит-центре: они раздавали карты фестиваля, обретали коммуникативные навыки встречи гостей фестиваля, давали краткую необходимую информацию о мероприятии и, конечно же, отвечали на вопросы гостей.

Среди предлагаемых музеем-заповедником услуг наиболее востребованными являются обзорная экскурсия в рамках внеурочной деятельности; музейные акции, мероприятия; тематическая экскурсия, связанная с тематикой уроков по истории, краеведению, литературе, по экологии, проектной, исследовательской деятельностью учащихся; выездные музейные занятия на базе образовательного учреждения; консультации по исследовательским проектам; тематические экскурсии в рамках программы дополнительного образования и в рамках внеурочной деятельности по истории края. Особое место здесь занимают выездные музейные занятия на базе образовательного учреждения, именно они помогают наладить более глубокое взаимодействие со школами.

Хорошей находкой в области популяризации Болгарского музея-заповедника и здорового образа жизни стала интерактивная игра (соревнование) «Занимательный кросс» для учащихся образовательных учреждений района. Здесь участникам предлагается пройти как интеллектуальные, так и спортивно-исторические этапы: метание копья, топора, стрельба из лука. Спортивно-интеллектуальное соревнование «Занимательный кросс» как открытое районное проводится уже второй год. Это мероприятие проводится в преддверии очень важного для всей страны и народа праздника Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а подготовка к этому мероприятию начинается уже в начале учебного года, и она тесно связана с музейно-образовательной программой «Болгар – взгляд в прошлое».

Необходимо отметить, что кроме культурно-образовательных и досуговых услуг музея-заповедника, школы нуждаются в различных услугах именно научных сотрудников. Одним из приоритетных и новых направлений сотрудничества школ города и музея-заповедника выступает предпрофильная подготовка. В рамках этого направления в 2013 г. Болгарский музей-заповедник начал реализовывать образовательный проект «Юный экскурсовод».

Целью проекта изначально являлось способствовать социализации

подростков старшего школьного возраста, приобретению навыков экскурсионной работы, непосредственному вовлечению к изучению имеющегося потенциала культурно-исторического наследия района, состоящего из богатого исторического прошлого, памятников архитектуры и археологии, музеев, расположенных на территории Спасского муниципального района. На первом этапе реализации проекта были сделаны следующие шаги:

- Разработан методический материал.
- Создан кружок «Юный экскурсовод» для участников волонтерского движения Спасского муниципального района при Доме детского творчества г. Болгар.
- Проведены теоретические и практические курсы обучения навыкам экскурсионной деятельности, истории Волжской Болгарии, информационных технологий музейного дела.
- Предоставлены информационные материалы (буклеты, специальная литература, CD диски).

Промежуточные результаты проекта были продемонстрированы 8 октября 2013 г. на зональной научно-практической конференции для историков и краеведов Закамья «Социальное партнерство в формировании гражданской идентичности».

Проект был завершен в конце апреля 2014 г. Четверо участников проекта на летний туристический сезон были зачислены внештатными экскурсоводами Болгарского музея-заповедника. Здесь они смогли на практике попробовать свои силы.

В 2014–2015 и 2015–2016 учебных годах проект решено было продолжить. Конечно, не все подростки связали свою судьбу, даже на каникулах, с музеем-заповедником. Но первые профессиональные навыки, которые получили ребята, они с успехом применяют и в других областях своей деятельности.

В 2016–2017 учебном году проект вышел на новый уровень. В качестве партнера был привлечен ГБОУ СПО «Спасский техникум отраслевых технологий». Для решения вопроса формирования профессионального кадрового резерва для Болгарского музея-заповедника и других музейных образований района при ГБОУ СПО «Спасский техникум отраслевых технологий» был открыт образовательный курс по экскурсоведению на полный цикл обучения, проект и курс получил новое название «Школа экскурсовода».

Образовательная функция музея приобретает особую значимость и ценность, новую динамику в XXI в., подтверждая высокую востре-

бованность обществом ценностного и информационного потенциала. Культурно-образовательная деятельность музеев в последние годы приобретает большое значение не только для успешной работы самих музеев, но и для исторического и культурного развития общества, так как музеи – это, прежде всего, место изучения и сохранения культурно-исторических традиций и ценностей.

Музей сегодня рассматривается как одно из важнейших средств образования, выполняет функции дополнительного образования и осуществляет их в специфической форме – символическом акте встречи прошлого и настоящего, в диалоге музея и школьника, обладающего правом выбора и интерпретации увиденного и услышанного. На текущий момент музейно-образовательная деятельность становится одним из главных инструментов в решении задач презентаций и популяризации родной истории, и Болгарский музей-заповедник активно его использует. Без активной музейно-образовательной работы в союзе со школой деятельность в области просвещения и воспитания крайне затруднительна.

В. Н. КАПИНА

РАБОТА ЕЛАБУЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА С ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ГОРОДА ЕЛАБУГИ

Елабуга – один из древнейших городов Восточной Европы. Уникальность города в том, что историческая его часть сохранилась в неизменном виде с середины XIX в. Это настоящий музей под открытым небом. По экспертным оценкам специалистов Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Елабуга входит в число 10 наиболее сохранившихся малых и средних исторических городов России. В чьи руки перейдет после нас культурно-историческое наследие? Этот вопрос далеко не праздный для любого старинного города. Тем более он актуален для Елабуги, на чьей территории оставили свой след ананьинская культура (VIII–III вв. до н.э.) и Волжская Булгария (со времен которой дошла до наших дней башня древней крепости). Более поздний период истории представлен хорошо сохранившимся архитектурным ансамблем купеческого города и именами таких видных наших соотечественников, как

художник И. И. Шишкин, кавалерист-девица Н. А. Дурова, поэтесса М. И. Цветаева, ученый В. М. Бехтерев.

Таким образом, постоянно возрастает роль и значение социокультурных институтов, учреждений образования и культуры, чья миссия – в воспитании подрастающего поколения в духе любви к малой родине.

В проекте «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» особо подчеркивается, что система образования «...призвана обеспечивать воспитание патриотов России, граждан правового демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость»¹. Понимание Родины у детей дошкольного и младшего школьного возраста своеобразно: оно тесно связано с конкретными представлениями о том, что им близко и дорого, с любовью к родным, своему дому, окружающей природе.

В связи с этим возрастает роль культурно-образовательных учреждений, осуществляющих инновационные системные преобразования на гуманистической основе, уважение к правам всех участников образовательного процесса и добившихся успехов в образовательно-воспитательной деятельности.

К таким учреждениям относится Елабужский государственный музей-заповедник, с момента своего основания в 1989 г. осуществляющий комплекс музейных, информационных, туристических услуг и педагогическую деятельность.

Елабуга – город, обладающий уникальным историко-культурным наследием, поэтому предлагаемый музеем-заповедником курс тематических занятий является замечательным подспорьем в воспитании подрастающего поколения елабужан в духе любви к своей малой исторической Родине и ее культурному наследию. В настоящее время музейные занятия проводятся не только в специально оборудованных помещениях, но и в традиционных музейных экспозициях, где интерактивное пространство создается в ходе самого занятия. Музейная экспозиция дает возможность погрузиться в особую эстетическую среду, прикоснуться к истории, встретиться с «живым» экспонатом. Именно здесь имеющиеся у школьников знания приобретают эмоциональную окраску, появляется возможность лучше осознать исторические события, «пропустить их через себя» и главное – применить свои знания по-новому.

Воспитать достойных преемников, которые любят свой город, знают его историю и гордятся ею – такую задачу поставил перед собой коллектив Елабужского государственного историко-архитектурного

и художественного музея-заповедника и успешно осуществляет ее на протяжении последних десяти лет.

Музейно-образовательная программа «Музей и школа» Елабужского государственного музея-заповедника, до мелочей отработанная на протяжении 13 лет реализации проекта, понятна, позитивно принимаема и востребована педагогами и учащимися различных ступеней образования.

Программа актуальна и вызывает интерес как в контексте получения теоретических и экспериментальных знаний в рамках общего образования, расширенных знаний в рамках предпрофильного и профильного обучения, так и в качестве комплекса дополнительных образовательных услуг для учащихся профессиональных училищ.

Музейно-образовательная программа «Музей и школа» работает с 2004 г. и направлена на систематическую и длительную работу с детской аудиторией. Для ребят организованы занятия на различные темы по музейным абонементам. Дети на занятиях в игровой форме постигают азы музейного дела, изучают историю родного края. Опыт в подготовке и проведении музейных занятий с каждым годом растет, все занятия построены на оригинальных сценариях, где применяются сравнительный анализ, дискуссии, элементы игры и театрализации, сюжетно-ролевые игры.

Большую часть участников программы составляют воспитанники детских садов и учащиеся начальных классов. Но это и замечательно, ведь ребенок младшего школьного возраста постигает окружающий мир через чувства, а самое сильное воздействие на них оказывает мир непознанный, неизвестный, который представлен в музее. И чем раньше и чаще ребенок будет знакомиться с этим миром, тем разностороннее и быстрее будет формироваться его личность. Крайне важно, чтобы детям младшего школьного возраста было интересно посещать музеи, ведь если в детстве им здесь понравится, то существует большая вероятность, что и в среднем и старшем школьном возрасте они придут в музей с удовольствием.

Охват программы составляет не менее 2300 учащихся и воспитанников детских садов (120 классов и групп) – это 25 % от общего количества учащихся города Елабуга. В абсолютном исчислении это более 15,5 тыс. посещений музейных занятий в рамках программы в течение учебного года.

Каждый месяц в течение учебного года школьники города посещают музейно-выставочные объекты Елабужского государственного музея-заповедника, где для них разработаны и реализуются интерактивные образовательные программы:

- Мемориальный дом-музей И. И. Шишкина
- Музей истории города
- Музей-усадьба Н. А. Дуровой
- Литературный музей М. И. Цветаевой
- Библиотека Серебряного века
- Музей истории города и Музей-театр «Трактир»
- Музей уездной медицины им. В. М. Бехтерева
- Мультимедийный зал.

Кроме музейно-образовательной программы «Музей и школа» работа с детьми Елабужского государственного музея-заповедника носит разносторонний характер:

1. Программа «Музей и школа» является своеобразным катализатором для возникновения новых проектов и идей. Так, одно из ее занятий, посвященное Масленице, стало родоначальником целого проекта под названием «Сказкотерапия». Проект «Сказкотерапия» – это сочетание познавательной театрализованной экскурсии (путешествия) с героями той или иной сказки по экспозиции музея. Предметы музейной экспозиции рассматриваются в проекте «Сказкотерапия» через призму ощущения детьми сказки и помогают им прийти к осознанию того, что добро не только в сказке, но и в жизни побеждает зло. При этом активное участие самих детей в действии обусловлено их преобразованием в сказочных персонажей. Сказочные герои – сотрудники музея-заповедника – ведут ребят к Главной идее сказки – стать добрее, уметь дружить, помогать друг другу.

За десять лет реализации этого проекта участниками стали более 10000 детей, для которых были подготовлены 25 увлекательных сценариев, сочетающих в себе познавательные, игровые и творческие моменты, встречу с героями любимых сказок и непосредственное погружение в атмосферу театрализованного действия. С ролью сказочных персонажей успешно справляются сами сотрудники музея-заповедника. Ими же были написаны сценарии, учитывающие тематическую направленность, особенности и возможности каждого из музеев, в котором происходит то или иное сказочное путешествие. Так в непринужденной игровой форме дети знакомятся с историей родного города, учатся ценить и беречь его культурное наследие.

2. Музей-заповедник является организатором ежегодного республиканского конкурса юного художника **«Я рисую, как Шишкин»**. Учащихся художественных школ города, а также Елабужского колледжа культуры и искусств всегда приглашают на вернисажи художников, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства, многие из

которых затем проводят мастер-классы для детей. Наряду с профессиональными живописцами и графиками школьники и студенты уже не раз становились участниками международных художественных симпозиумов и этноартпроектов, организуемых ЕГМЗ.

3. Более семи лет при музее-заповеднике работают английский и немецкий клубы языкового общения, куда с удовольствием приходят учащиеся школ и вузов. Их часто можно увидеть и в литературной гостиной Библиотеки Серебряного века, где проходят встречи с поэтами, писателями, проводятся презентации различных литературных изданий. Здесь же в преддверии дня рождения М. И. Цветаевой ежегодно собираются на конкурс чтецов произведений Серебряного века юные любители поэзии.

4. В числе ежегодных наиболее масштабных проектов Елабужского государственного музея-заповедника – **Всероссийская Спасская ярмарка и Фестиваль колокольного звона** – три ярких праздничных августовских дня, наполненных торговлей изделиями народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства, выступлениями фольклорных коллективов и мастеров колокольного звона, ярмарочными играми, забавами и многим другим. Здесь подрастающее поколение приобщается к вековым народным традициям, проникается духом старины, погружается в атмосферу творчества и красоты, созданную руками сотен мастеров.

5. Итоговым занятием для более чем тысячи младших школьников и воспитанников детских садов является большой праздник, который проходит 18 мая, в Международный день музеев, на главной площади в исторической части города перед административным зданием музея-заповедника. Мероприятие под названием **«День музеев – наш праздник!»** сопровождается яркими концертными номерами детских творческих коллективов. Здесь же, на площади, дети могут поучиться у мастеров различным ремеслам и рукоделиям. Но больше всего, конечно, их привлекают многочисленные игровые «пятачки», где они наперегонки скачут на «лошадках», «пекут блины», носят воду на коромыслах, «лечат больных», рисуют, составляют с помощью магнитных пазлов изображения археологических находок и т. д.

6. Для учащихся среднего звена с 2008 г. совместно с руководством города проводится городской конкурс-викторина **«Моя Елабуга»**. Он представляет собой задание в виде теста, в котором на протяжении одного урока необходимо ответить на 25 вопросов, составленных на основе прошедших занятий. Участвуют в конкурсе-викторине по желанию. Авторы десяти лучших работ объявляются победителями и награждаются

поездкой по историческим местам. За эти годы школьники побывали на родине М. Шолохова в станице Вешенской, во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике и Нижнем Новгороде, посетили Калининград, прожили несколько дней в музее-заповеднике «Куликово поле», познакомились с историческими и природными достопримечательностями Ижевска, Перми, Кунгура, Воткинска, Углича, Иванова, Ярославля, Екатеринбурга и Волгограда.

7. В рамках плана основных и юбилейных мероприятий Министерства культуры Республики Татарстан в Елабужском государственном музее-заповеднике проходит ежегодная Республиканская научно-практическая конференция **«Их имена составили славу России»**, которая становится плацдармом для начала исследовательской работы студентов и совсем юных краеведов – учащихся начальных классов общеобразовательных школ Республики Татарстан.

8. Постановлением Кабинета министров Республики Татарстан № 1174 от 30.12.2010 г. утверждена стратегия развития образования в Республике Татарстан на 2010–2015 гг. «Киләчәк» – «Будущее». ² В рамках стратегии была разработана инновационная образовательная программа Министерства образования и науки РТ «История родного края», куда в качестве пилотного проекта вошло учебное пособие «История Елабуги» для учащихся 7-х классов средних общеобразовательных школ г. Елабуги и Елабужского муниципального района. Учебное пособие **«История Елабуги»** создано Елабужским государственным музеем-заповедником при активной поддержке учителей-историков и ведущих методистов г. Елабуги. Это первая попытка научных сотрудников музея-заповедника и учителей-краеведов дать учащимся научные знания по истории города.

Таким образом, за два с небольшим десятилетия музей-заповедник превратился в Елабуге в средоточие культуры. Являясь связующим звеном между прошлым и будущим, он в то же время задает тон и уровень многим сторонам современной жизни, начиная с сохранения памятников, благоустройства и заканчивая формированием внутренней культуры, исторической памяти и эстетических вкусов горожан, в особенности молодежи. И эта работа была бы невозможна без тесного взаимодействия с Управлением образования г. Елабуги и образовательными учреждениями.

Примечания

1. Текст документа на веб-ресурсе: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm>
2. Текст документа на веб-ресурсе: https://edu.tatar.ru/upload/images/files/pub_67647_enc_7369.doc

**ФОРМЫ РАБОТЫ СО ШКОЛЬНОЙ АУДИТОРИЕЙ.
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ТОЛЬЯТТИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Школьники – на настоящий момент самая многочисленная часть аудитории во многих музеях, в том числе и в Тольяттинском краеведческом. Поэтому работе с этой категорией посетителей уделяется все больше внимания.

Несмотря на то, что музей и школа – представители двух разных систем (образования и культуры), исторически так сложилось, что они стремятся найти пути взаимодействия. Этот процесс связан с изменениями в системе образования, общностью решаемых задач и одновременно со спецификой их осуществления каждым из этих социальных институтов.

Традиции взаимодействия музея и школы начали формироваться еще в 70–90-х гг. XIX в. Ведущие педагоги того времени разработали педагогическую концепцию, в основе которой был заложен принцип наглядности. Это обратило внимание образования на музей с его уникальными коллекциями.

Процесс сотрудничества со школой благоприятно отразился на деятельности музея в целом. Во-первых, произошло разделение музейного собрания на отдельные фонды, доступные специалистам и широкой публике. Во-вторых, в музее зарождается экскурсионное движение. **Экскурсия** стала методом школьного обучения и способом повышения квалификации учителей народных школ.

Характеризуя первый этап сотрудничества музея и школы, можно сделать вывод, что обращение системы образования к музейному предмету укрепило просветительные задачи музея и стало стимулом в формировании его образовательной функции. Музей, в свою очередь, стал для школы средством реформирования образования, а также частью дополнительного внешкольного образования.

На следующий этап взаимодействия музея и школы в 1920–1950 гг. сильное влияние оказали общественно-политические процессы советского общества. Но это время стало началом новой интересной формы работы музея с учащимися – **музейного урока**, который проводился в музее с использованием музейного материала.

1960–1980 гг. – это период переосмысления взаимоотношений

музея и школы. Образовательные задачи музея, направленные на приобщение учащихся к историко-культурным ценностям, на нравственно-эстетическое воспитание школьников и молодежи, способствовали изменению содержания экскурсий и разработке новых **тематических занятий**, появлению **экскурсионных абонементов, музейных факультативов**. Однако музей и школа перестали быть равноправными партнерами, и их сотрудничество осуществлялось, благодаря энтузиазму педагогов и музейных сотрудников.

Понятие «музейная коммуникация», введенное канадским музеологом Д. Камероном, послужило появлению в 1980–1990-х гг. новой *образовательной концепции музея – коммуникативной*. Коммуникативная концепция позволяет рассматривать образовательное значение музея как *образование культурой* через «формирование у посетителей ценностного отношения к культурно-историческому наследию», а работу с аудиторией – как **культурно-образовательную деятельность**.

Развитию культурно-образовательной деятельности музея способствовало внедрение в практику музея термина **музейная педагогика**, которая основана на стыке трех дисциплин: педагогики, музееведения и психологии. Она позволила музею разрабатывать дифференцированные музейно-образовательные программы с учетом возрастных и психологических особенностей детей. Музейное образование стало рассматриваться как образование в сфере культуры, которое осуществляется через развитие способности ребенка к ценностному переживанию, визуальному восприятию предметного мира и творческому воображению. Музей учит детей извлекать знания из предмета, находясь в предметно-пространственной среде экспозиции и выставок в игровой или творческой деятельности.

Последние два десятилетия XX в. стали новым этапом в развитии систем образования и культуры, а также в развитии отношений между ними. Пересматривается концепция образовательных учреждений: обновление образования происходит через гуманизацию образовательного процесса путем обращения к мировой культуре, истории, духовным ценностям. В обучении рассматривается индивидуальный подход с учетом запросов и интересов личности учащегося.

Музей и школа, осознавая функциональные различия в сфере образования каждого из учреждений, начинают понимать, что невозможно изолированно друг от друга образовывать и развивать личность ребенка. Сотрудничество музея и образовательных учреждений рассматривается как партнерство, которое строится по *принципу взаимодополнения*, а не

подмены друг друга. Музей занимает место *избирательного альтернативного образования*.

В истории Тольяттинского краеведческого музея период с 1980 по 2018 гг. – это период активного сотрудничества с системой образования, за это время накоплен большой опыт работы с образовательными учреждениями города.

Классической формой работы любого музея является **экскурсия**. Это не только самая распространенная, но и самая ожидаемая музейная форма работы. При всей любви современного посетителя к «чему-нибудь новенькому» запросы на экскурсии продолжают идти. Несмотря на свой «возраст», экскурсия продолжает быть актуальной и при работе со школьными группами. Это процесс передачи суммы знаний через наглядный процесс познания. Школьники под руководством специалиста, экскурсовода знакомятся с окружающим миром во время посещения музея или выставки с образовательной, научной, воспитательной или увеселительной целью.

Наиболее логичным является отдавать предпочтение экскурсиям при однократном или первом посещении музея. Для подобных запросов более всего подходят обзорные экскурсии. В Тольяттинском краеведческом музее существуют обзорные экскурсии по всем музейным экспозициям («Ставрополь провинциальный», «20 век: Ставрополь – Тольятти», «Природа. Город. Человек», «Ставрополь – Тольятти: из века в век»), по открытым музейным хранилищам («Его величество Стул...», «Путешествие к экспонату»). И, конечно, экскурсии разрабатываются ко всем крупным тематическим выставкам в музее.

В отличие от экскурсий **лекции** минимально связаны с музейными экспозициями: и обычные лекции, и видеолекции на основе фильмов и презентаций. Эта особенность делает лекцию (наравне с мастер-классами) одной из самых мобильных музейных форм. Лекции могут читаться как в самом музее, так и на выезде – в школе.

Интересным опытом стал перевод тематической выставки «Афганская баллада» в цифровой, виртуальный вариант. Виртуальная выставка стала победителем Тольяттинской городской общественной акции «Вдохновение-2016» в номинации «Выставка года». Она предназначена для демонстрации на переносных носителях и доступна для индивидуального и коллективного просмотра. Она снабжена аудиоэкскурсией, богатым фотоматериалом, воспоминаниями воинов-интернационалистов, записями стихов и песен афганской тематики.

С виртуальной выставкой «Афганская баллада» можно познакомиться

ся в музей, заказать выездное занятие и приобрести на электронном носителе.

Кроме экскурсий и лекций, ТКМ предлагает большое количество разных занятий для школьной аудитории, для активных групп работает система абонементов. В течение года школьники могут посетить 6 занятий. Некоторые преподаватели приводят свои классы на протяжении нескольких лет подряд. Как же зарождалась в ТКМ система абонементов?

В связи с перестройкой и реформой образования с 1980–1990-х гг. возрастает интерес к краеведению и к самому музею со стороны образования, что способствовало разработке в музее **«Факультета музейной культуры»**.

«Факультет музейной культуры» представлял собой систематический и многоуровневый цикл тематических занятий. В настоящее время это вылилось в создание усовершенствованной программы Тольяттинского краеведческого музея **«Путешествие по реке времени»**. В нее входят 48 занятий для детей с 1 по 11 классы, на которых учащиеся знакомятся с историей, бытом, культурой народов нашего края, природой Среднего Поволжья. Программа предусматривает развитие познавательной и творческой активности детей. Учащиеся в течение учебного года посещают 6 тематических занятий и музейные выставки.

С 1998 г. Министерство образования Самарской области внедряет в программу учебно-образовательного процесса региональный компонент с целью воспитания учащихся в духе нравственности, патриотизма и гражданственности. В помощь учителям, преподающим историю и краеведение, был предложен **проект «Природа. Быт. Культура»** для учащихся 7–11 классов. В рамках проекта на базе музея научные сотрудники проводили уроки по краеведению, на которых учащиеся знакомились с традициями и бытом народов Поволжья, с коллекциями музейных предметов.

Особое внимание уделяется в музее подросткам. В работе с ними необходимо забыть о назидательности и нравовании. Используя методы инсценизации, проблемного изложения, сожето-ролевою игру, сотрудники музея предлагают для подростков **программу «В духе русских традиций»**. На занятиях парни и девушки знакомятся с формами общения и развлечения их сверстников, с традициями и обрядами народных гуляний и праздников, с особенностями и укладом семейной жизни в XIX–XX вв.

В настоящее время созданы предпосылки для выстраивания от-

ношения между Тольяттинским краеведческим музеем и школой на уровне интеграции. Культура и образование всегда стояли рядом. Ведь музей – это особая образовательная среда, он действует в сфере дополнительного образования. Музей, занимающийся изучением краеведения, может помочь образовательным учреждениям в формировании у детей таких компетентностей, как готовность к социальному взаимодействию и коммуникативной компетентности.

Нужно сказать, что в последние годы музейные занятия все больше изменяются: традиционные занятия все чаще включают в себя как элемент другие формы работы с аудиторией. Например, мастер-классы, игры, викторины и т. п. Поэтому в современных программах Тольяттинского краеведческого музея всё чаще можно встретить занятие-сказку, занятие-игру, занятие-погружение, занятие с элементами мастер-класса.

Изначально музейные **мастер-классы** представляли собой занятия, состоящие из теоретической части и практического занятия. В Тольяттинском краеведческом музее из таких занятий состоит разработанная в рамках дополнительного образования программа для младших школьников программа «Народная игрушка», которая может дополнить и расширить тематику уроков технологии. На занятиях ребята знакомятся с историей и сказочным миром народной игрушки: с глиняной, деревянной игрушкой; с семейством соломенных кукол – Масленицей, Купалой, Костромой; с любимыми куклами наших прабабушек – тряпичными и куклами-закрутками. Они узнают о различных материалах и технологиях их изготовления, получают возможность раскрыть и реализовать свои творческие способности, смастерив игрушку своими руками.

Но мастер-классы могут быть и самостоятельной формой работы со школьниками. Сейчас в музее проводятся мастер-классы двух видов: проводимые приглашенными специалистами и разработанные силами музейных сотрудников. Первые – проводятся разово, зато позволяют разнообразить предложенную группам тематику мастер-классов, делают музей площадкой для встречи школьников с профессионалами (гончарами, художниками, дизайнерами, народными мастерами и многими другими).

Самостоятельно разработанные мастер-классы удобны тем, что могут проводиться по заявкам школьных групп в любое удобное для них время. Часть таких мастер-классов, например, по лепке из глины и соленого теста сформирована в программу для 1–2 классов «Лепное разнообразье». С различными техниками работы с бумагой знакомит программа для 1–4 классов «Бумажные превращения». Часть мастер-классов направлена на

формирование природно-экологической грамотности школьников, например, эколого-биологический мастер-класс «Рециклинг» или лаборатория геологических исследований «Тайны каменных страниц».

В XX в. музей все чаще воспринимается не только как культурный, образовательный, но и как развлекательный центр. Поэтому увеличивается популярность таких форм работы со школьной аудиторией, как **игра** и **квест**. Игра вошла в музейную педагогику как неотъемлемый элемент работы с детьми очень давно. До последнего времени она чаще была методом, приемом – частью других форм работы со школьниками.

Сейчас в качестве основного приема музейных экскурсий и занятий игра используется все чаще. Например, «Киностудия XX век» – школьный вариант экскурсии по экспозиции «XX век: Ставрополь – Тольятти», – построен на основе ролевой игры, когда экскурсанты «снимают фильм» о событиях, преподносимых экскурсоводом. Игры становятся основной частью и в музейных занятиях, таких как «Наши герои».

Игры и квесты, как самостоятельная форма тоже очень популярны. В последнее время они пользуются большим спросом у школьных групп. Особенно это актуально, поскольку эта форма наиболее органично ложится на работу с подростками: школьниками средних и старших классов.

В Тольяттинском краеведческом музее в настоящий момент созданы игры и квесты для школьников любого возраста. Для младших классов: игра-расследование «Кто оставил след?», игра-квест «МИ-МИ-МИ, или Музейная КОТовасия». Для средних классов: квест «**Обитель МАЛЕНЬКОГО человечка и его забАААвненьких дРузей**», игра-расследование «Дело о потерянном городе» и игра «Честное пионерское». Для средних и старших классов – квест «Таинственное похищение, или дело в серых тонах».

«**Урок в музее**» стал новой формой работы в музее со школьниками, а если точнее, переосмысленной и переработанной в свете современных тенденций образования старой формой. Урок – ни в коем случае не экскурсия в музей. Это именно урок по школьной программе, который соответствует современным Федеральным государственным образовательным стандартам. Предполагается, что по разработкам этих уроков работать со школьниками в музее могут, как музейные сотрудники, так и школьные преподаватели.

Разработчиком и оператором проекта «Урок в музее» является Московский центр музейного развития. Этот же Центр стал методическим экспертом по разработке уроков в музее. Проект, направленный на соз-

дание единого пространства школы и музея, актуален и для Тольятти. Поэтому Краеведческий музей в сотрудничестве с педагогами МБУ «Школа № 93», МБУ «Лицей № 19», МБУ «Школа № 4» разработал уроки, соответствующие школьным программам, темам и ФГОС.

В настоящий момент в ТКМ уже 4 разработанных и апробированных урока, два из *которых прошли экспертную оценку* методистов Московского центра музейного развития:

1. Урок литературы. 11 класс. Э. Хемингуэй «Старик и море». Или **почему читали Хемингуэя в Тольятти в 60-х?**

2. Урок истории 5 класс по теме «Родовые общины охотников и собирателей». **«Археологические раскопки: было или не было?»**

3. Урок истории. 7 класс. «XVIII век. Ставрополь».

4. Английский язык. 6 класс. Обобщающий урок по теме «Дом». **«Home. Sweet home».**

В разработке пять музейных уроков:

1. Литература. 8 класс. Тема: А. С. Пушкин «Капитанская дочка».

2. История. 9 класс. Тема: «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны».

3. Окружающий мир. 4 класс. Тема: «Леса России» (на примере Тольяттинского леса).

4. География. 6 класс. Тема: «Полезные ископаемые Самарской области».

5. Технология. 5–7 класс. «Экологическая безопасность жилища».

Таким образом, всего Тольяттинский краеведческий музей на своих экспозициях предлагает педагогам города 9 уроков по школьным программам. И это уроки не только история (что было бы ожидаемо), но и очень разные предметы: даже такие как иностранный язык, технология или литература.

Разумеется, это не все формы работы со школьной аудиторией, которые практикуют в ТКМ. При решении конкретных образовательных и воспитательных задач следует обращать внимание и на другие формы работы, такие как **праздники и турниры** (сезонные праздники: «Зимняя сказка», «Весенние заклички», «Золотая осень»; «День рождения в музее»), **встречи** с известными людьми (ветеранами, космонавтами, альпинистами и т. д.).

С удовольствием школьники участвуют в различных **конкурсах, викторинах и олимпиадах**, проводимых музеем. Так, ежегодно проводится конкурс детского творчества. Изначально бывший конкурсом рисунков для посетивших музей по абонементу, конкурс «Мы в музее» перерос

в конкурс творчества с отдельными номинациями для плоскостных работ и для поделок. Хорошей ежегодной традицией в начале каждого года становится городской конкурс проектов по истории и краеведению для старшеклассников. В этом году тема конкурса «Тольятти – город комсомольских строек».

Уникальная возможность музея сочетания в себе образовательных, досуговых и научно-исследовательских функций определяет содержание и перспективные формы работы Тольяттинского музея с образовательными учреждениями города. Поэтому кроме проведения лекций, обзорных экскурсий и тематических занятий, выездных лекций с использованием научно-публицистических фильмов и слайдов, праздников, краеведческих викторин, олимпиад, сотрудники музея готовы к новым формам сотрудничества с образовательными учреждениями, к разработке и внедрению совместных мероприятий, проектов.

Также наш музей работает с запросами, полученными от системы образования города. Результатом такой работы стали проект «Инклюзия в музее» (программа работы с детьми инвалидами), межведомственный проект «Школа. Театр. Музей», программа «Современный музей и музейное дело» (включение музея в систему профориентации девятиклассников), программа «Каникулы в музее».

Музей как живой организм реагирует на изменения, которые происходят в современном обществе. Социальные проблемы современного общества нашли отражение в социокультурной деятельности музея, в проектах социальной направленности для школьников. Результатом социокультурной деятельности музея стали акция для подростков «Белый стол на зеленой траве» и творческие мастерские «Герои и кумиры» с использованием приемов современной драматургии и видеоарта. Они затрагивают проблемы человека и алкоголя, человека и его нравственного ориентира в жизни, они направлены на социальную адаптацию подростков.

Экспериментами в работе со школьниками стали программа «Культурная картография» и игра «Школа газетного молодняка». Программа рассчитана на три возрастные группы и включает в себя цикл тематических занятий, видеолекций, творческих мастерских и просмотров кинофильмов. В рамках программы Тольятти рассматривается как памятник советского модернизма. Любая часть программы может проходить в стенах музея или проводиться как выездное занятие. А уроки в **«Школе газетного молодняка»** проходят в формате игры для детей и подростков (7+; 12+). Игра предлагает истории из «личных дел» горожан, устано-

вителей советской власти на территории Ставрополя и Ставропольского уезда (дневники из фондов музея).

В настоящий момент деятельность ТКМ направлена на внедрение существующих и разработку новых форм и направлений во взаимодействиях со школьниками, расширение сфер деятельности.

Литература

1. Музей и школа. – М.: Просвещение, 1985.
2. Никитин В. А. Образование в информационном обществе // Вестник Департамента Культуры мэрии г. Тольятти. Спецвыпуск. – 2004. – С. 45–59.
3. Орлова Э. А. Смена познавательных парадигм в изучении общества и культуры // Обсерватория культуры. Вып. 1. – 2004. – С. 13–19.
4. Педагогический поиск. – М.: Педагогика. 1987.
5. Попова Т. Н. Культурологические аспекты развивающей педагогики // Постигание культуры. Вып. 11. – М., 2001. – С. 96–108.
6. Работа со школьниками в краеведческом музее. Сценарии занятий. – Тольятти: Гуманитарный издательский центр «Владос», 2001.
7. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. – М., 2001. – 224 с.

С. А. МИРОНОВА, Н. А. ЧУГУНОВА

ТЕМА СТОЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНСКОГО МЕМОРИАЛА

Центральным событием в историко-научной среде нашей страны в 2017 г. стало столетие Великой российской революции. В разных городах России в течение года проходили форумы, конференции, круглые столы, семинары, посвящённые этому событию, издавались монографии и научно-популярные издания, снимались документальные и художественные фильмы. Все они – свидетельство того, что спустя сто лет тема революции в истории нашей страны не исчерпала себя. Напротив, происходит переосмысление одного из наиболее острых исторических периодов, раскрываются новые факты и грани свершившегося.

Не осталось в стороне и музейное сообщество. В условиях появления многообразных и противоречивых трактовок, чего не избежали и события 1917–1922 гг., музеи играют важную роль сохранения культурного диалога между прошлым и настоящим. Являясь музеем политической истории, а также имея экспозицию, отразившую весь жизненный путь

одного из вождей революции, Ульяновский Музей-мемориал В. И. Ленина разделил ответственность перед обществом в представлении событий, прошедших в первой четверти XX в.

Подготовка к знаменательной дате в Ленинском мемориале началась заранее. Ещё в апреле 2016 г. здесь был реализован партнёрский выставочный проект «Две эпохи. Две революции», приуроченный к 100-летию Великой российской революции. В числе основных участников проекта были ОГАУК «Ленинский мемориал», Государственный исторический музей (г. Москва), Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва), Государственный музей политической истории России (г. Санкт-Петербург).

Выставка сконцентрирована не на воспроизведении хронологии событий Великой Французской и Великой российской революций, а на представлении их в совокупности как явлений, имеющих свои далеко не идеальные последствия, и предложении альтернативного пути – пути реформ. В связи с этим экспозиция выставки основывалась на трёх тематических разделах: «Творцы революции», «Культура революции: романтика и новизна», «Революция: достижения и жертвы. Апофеоз свободы». Визуальный ряд, представленный в большей части из подлинных экспонатов (документов, произведений изобразительного искусства, фотографий и личных вещей), построен по принципу «зеркального коридора», что позволило посетителю увидеть сходства и различия в ходе двух исторических событий прошлого, изменивших реалии своего времени.

Тема вымыслов и легенд, порожденных революцией, была продемонстрирована в следующем проекте ОГАУК «Ленинский мемориал» – выставке «Ленин и Керенский: мифы и реальность». На ней представлены не только самые популярные мифы из жизни Ульянова и Керенского, но также обозначены главные точки пересечения двух исторических персонажей.

25 октября при участии делегации из Китая прошел круглый стол, посвященный теме «Политическое лидерство: вчера, сегодня, завтра». В мероприятии приняло участие научное сообщество Ульяновска, коллеги из Музея товарища Лю Шаоци Китайской народной республики, а также Первый Вице-президент Русско-Азиатского Союза Промышленников и Предпринимателей Маргарита Федотова, правнучка Лю Шаоци.

Первым прозвучало выступление доктора политических наук Н. В. Дергуновой, которая обозначила научный подход к изучению политического лидерства. Далее в ходе круглого стола обсуждались

политические лидеры России и Китая. С докладами о В. И. Ленине, А. Ф. Керенском, М. С. Горбачёве и Б. Н. Ельцине выступили В. А. Перфилов, В. Н. Кузнецов, Л. Н. Лютов и Д. С. Точеный. В выступлении Люо Сиона, директора Музея товарища Лю Шаоци, было рассказано о Лю Шаоци, Мао Цзэдуне и Дэн Сяопине.

Также в течение 2017 г. на выставочной площадке Ленинского мемориала прошли выставки «Великая российская революция в изобразительном искусстве», «Во имя революции», «Я рисую революцию. Сто лет спустя», а также был реализован проект «75 раритетов Ленинского мемориала», в ходе которого были представлены мини-выставки «Выстрел «Авроры» и «Город, которого нет». В рамках исторической декады сотрудники Ленинского мемориала провели музейные занятия из цикла «Великая Российская революция. Краеведческий аспект» для учащихся школ, средних и высших учебных заведений города.

Помимо традиционных, экспозиционно-выставочных и экскурсионных форм работы, к 100-летию Великой российской революции в Ленинском мемориале были апробированы новые методы коммуникации с музейной аудиторией. Так, с 8 февраля по 31 мая 2017 г. в ОГАУК «Ленинский мемориал» был проведён всероссийский конкурс студенческих научно-исследовательских и творческих работ «Наследие эпохи». Цель его состояла в том, чтобы побудить студентов высших учебных заведений к изучению событий Великой российской революции (1917–1922), а также, используя выработанные в ходе обучения навыки и умения, представить свою оценку, позицию в отношении минувшей эпохи. Для этого конкурс был поделён на четыре номинации: исследовательская работа, туристический маршрут, художественная иллюстрация и социальный видеоролик. Всего экспертной комиссии было представлено 96 работ из 28 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Ульяновск, Астрахань, Краснодар, Саранск, Воронеж и др.).

16 декабря 2017 г. на площадке Ленинского мемориала состоялась региональная тематическая олимпиада по истории «Наследие эпохи». В ней приняли участие 33 учащихся из 11 школ Ульяновской области. Участникам предстояло продемонстрировать свои знания о Великой российской революции, полученные в ходе школьного курса по истории.

В целом, и студенческий конкурс, и олимпиада для старшеклассников показали, что в коллективной памяти общества, несмотря на неоднократную переоценку и переосмысление революционных событий, по-прежнему сохраняются мифы о прошлом, которые активно усваиваются молодыми поколениями. Так, например, к числу распространённых

мифов относится представление о том, что большевики во главе с В. И. Лениным свергли императора в марте 1917 г.

В заключение хотелось бы отметить, что год столетия революции стал плодотворным для музейного сообщества России. Ленинский мемориал в Ульяновске не остался в стороне, приняв активное участие в представлении выставочных и просветительских проектов.

Н. В. СИЛЬВЕСТРОВА

ТОРТ, ШОКОЛАД, МОНПАНСЬЕ, ИЛИ СЛАДОСТИ КУПЕЧЕСКОГО ДОМА

Музей купеческого быта им. А. В. Муравьёва располагается в старинном купеческом особняке с цокольным этажом, антресолями и мезонином. Дом был построен в 1897 г. купцом-лесопромышленником Александром Ивановичем Шишочкиным. Но уже через 2 года купец разорился. Заводы были заложены, и 9 января 1902 г. состоялись первые торги.

В начале XX в. особняк на Вознесенской был продан «Торговому дому» купцов Губиных, и здесь находились конторы. «Торговый дом» был основан купцами-лесопромышленниками Иваном, Василием и Александром Губиными. Последним владельцем особняка был Александр Александрович. К сожалению, дальнейшая судьба А. А. Губина неизвестна. Возможно, в связи с революционными событиями он выехал из Козьмодемьянска.

После 1917 г. дом был национализирован: здесь находился уездный комитет РКП(б), до начала 1980-х гг. комитет ВЛКСМ, редакция газеты «Ленинский путь». После переезда редакции в другое здание дом был передан под жилье.

В 1995 г. в старинном особняке по инициативе директора музея-заповедника Арнольда Валентиновича Муравьёва был открыт Музей мебельного мастерства. Ещё в 1990-е гг. были предопределены основы всех последующих решений по экспозиционной деятельности музея. Планировалось создание интерьеров купеческого дома, по возможности максимально приближенных к историческим. А. В. Муравьёв и сотрудники музея вели интенсивную собирательскую, просветительскую и исследовательскую работу, изучали обстановку купеческих особняков по фотографиям и описаниям современников (отметим, что фотографий интерьеров особняка А. И. Шишочкина у нас нет), работали в архивах,

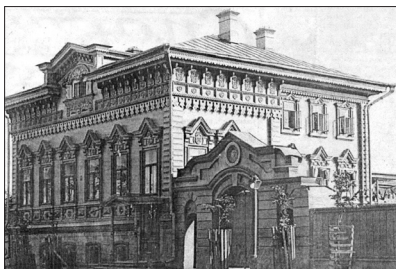
собирали сведения о купеческих семьях г. Козьмодемьянска. Коллекции музея в основном формировались из подлинных вещей, многие из которых были переданы в дар музею жителями г. Козьмодемьянска. В бывшем купеческом доме были собраны предметы быта конца XIX – начала XX вв.: мебель, посуда, кухонная утварь, одежда и обувь, документы, книги и деньги. Над созданием экспозиций работал художник-оформитель С. В. Прутов. Благодаря его совместной работе с сотрудниками музея был создан собирательный образ купеческого дома рубежа XIX–XX вв.

Цветовое решение фасада здания было основано на традициях народного зодчества конца XIX в. Насыщенный цвет, контрастное сочетание стен и наличников способствуют созданию праздничного впечатления и являются исторически достоверным.

В 2002 г. музей вошёл в состав Муниципального учреждения «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» и был переименован в Музей купеческого быта.

В данной статье речь пойдёт об истории некоторых экспонатов, связанных с купеческим чаепитием, которое могло длиться часами: чай пили из вёдерных самоваров, десятками чашек и из блюдец, вприкуску с сахаром. На стол подавали массу «заедок»: варенье, пироги, мёд, засахаренные фрукты, изюм, чернослив, а также покупные сладости.

Чем же нас привлекли дореволюционные упаковки из-под сладостей? Несомненно, они представляют и вполне обывательский, и исторический интерес. Коробки от конфет, шоколада, печенья отличались разнообразием форм и материалов. Такие десерты продавались достаточно дорого и, скорее всего, покупались к праздникам и радостным событиям. Часто упаковка сама по себе представляла художественную ценность и могла стать предметом коллекционирования. Сейчас эти жестяные коробочки – своеобразная история нашей страны.

Дом купца А. И. Шишочкина

Музей купеческого быта

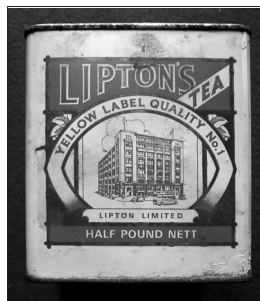
Первые кондитерские появились в Петербурге и Москве в XVIII в., а крупные фабричные производства – во второй половине XIX в. К 1913 г. в России было зарегистрировано 142 кондитерских предприятия [5]. Известно, что своих кондитерских производств в Козьмодемьянске не было, но купцы привозили чай, сахар, кондитерские изделия из Казани, Москвы, Нижнего Новгорода и других городов. Эти и другие товары могли везти и по сухопутному торговому пути, и по Волге.

Итак, что же могло быть куплено для чаепития в дореволюционной России?

Чай «Липтон»

Когда мы слышим название «Липтон», то представляем себе чайную коробочку жёлтого цвета. Между тем, «Липтон» не только название напитка, но и фамилия талантливого предпринимателя Томаса Липтона.

Томас Джонстоун Липтон родился в Шотландии в 1848 г. С детства Томас помогал отцу в бакалейной лавке, а в 14 лет уехал в Америку, где работал клерком. В 1869 г. вернулся домой в Глазго, в 1871 г. открыл свою первую бакалейную лавку.

Чай «Липтон»

Как известно, чай – самый популярный напиток в Англии, и Томас Липтон скупил на Цейлоне чайные плантации, приобрёл собственный флот. Рекламная акция чая проходила под слоганом: «С чайного куста – прямо в чашку». В 1898 г. торговая марка «Липтон» была официально зарегистрирована [2].

Томас Липтон впервые стал продавать чай в пакетиках и небольших коробках, а не на развес. Сорта чая «Липтон» было много, но самый лучший продавался в картонной жёлтой упаковке с красной эмблемой «Lipton». Сейчас этот сорт известен во всём мире как «Lipton Yellow Label».

К сожалению, неизвестно, какого года наша жестяная коробочка из-под чая, но можно с уверенностью сказать: данный чай был известен в конце XIX в. Чайные пакетики «Липтон» стали упаковываться в жестяные банки в 1927 г. Возможно, данная упаковка чая была произведена не ранее этого года.

Томас Липтон умер в 1931 г. и не оставил наследников, поэтому его состояние пошло на благотворительные цели. Так или иначе, торговая марка «Липтон» существует и по сей день.

Торт «Наполеон»

Празднование столетия Отечественной войны 1812 г. стало одним из важнейших событий культурной жизни России начала XX столетия. Торжества 1912 г., растянувшиеся на несколько месяцев, прошли от Варшавы до Владивостока.

Корреспондент газеты «Утро России» писал: «Увлечение юбилейным 1812–1813 годом достигло апогея. Нет области торговли и промышленности, в которой бы не появлялось каких-либо поделок, приуроченных к юбилейным дням. На парфюмерных этикетках, конфетных коробках, тетрадях, безделушках помещаются портреты Наполеона и Александра I» [4].

Коробка из-под торта «Наполеон». 1912 г.

Духи «Букет Наполеона», парфюмерные наборы «В память Наполеона» (духи, одеколон и мыло), шампанское «Наполеон», наливки «Юбилейная» и «Наполеоновская», банки консервированных сардин с портретом французского императора, конфеты и шоколад с «юбилейными» картинками... На прилавках магазинов появился знаменитый торт «Наполеон», а точнее, треугольные пирожные в форме шляпы знаменитого полководца (хотя треуголки носили и в русской армии).

В экспозиции Музея купеческого быта находится жестяная коробка из-под торта «Наполеон». Торт был испечён на кондитерской фабрике Кондратия Григорьевича Пирогова в Казани. Имя К. Г. Пирогова упоминается в издании «Адрес-календарь Казанской губернии на 1915 год» в перечне крупнейших торгово-промышленных предприятий г. Казани: «Пирогов Кондратий Григорьевич, хл.-бакал. и конд.- Вознесенская, свой дом» [1].

До 1920 г. Козьмодемьянск относился к Казанской губернии, козьмодемьянские купцы поддерживали торговые связи с Казанью, возможно, кто-то из жителей привёз это юбилейное кондитерское изделие в наш город.

На фабрике К. Г. Пирогова выпускались конфеты, монпансье, мармелад, пастила, варенье, халва и разное печенье.

Монпансье

В одном из шкафов для посуды Музея купеческого быта выставлена голубая квадратная коробка с надписью: «Г.Ландрин. Монпансье. Смесь»,

Коробка из-под монпансье

«С-Петербург, Рига». На крышке изображён Государственный герб России.

Монпансье – маленькие ароматные разноцветные леденцы. Раньше душистый запах конфетам придавали с помощью пряностей, сейчас – добавлением фруктовой эссенции. Название происходит от имени герцогини Монпансье, известной по романам Дюма [3].

В 1848 г. предприниматель Георг Ландрин открыл на Петергофском шоссе мастерскую по производству леденцовой карамели. В 1860 г. здесь был начат выпуск знаменитого монпансье, а в 1886 г. было образовано товарищество на паях. Продукция Товарищества «Георг Ландрин» была очень популярна в дореволюционной России. В России фамилия Ландрин стала нарицательной – ландрином стали называть его знаменитые леденцы.

В книге В. А. Гиляровского «Москва и москвичи» рассказывается легенда о происхождении леденцов ландрин: «...Вот хоть взять конфеты, которые "ландрин" зовут... Кто Ландрин? Что монпансье? Прежде это монпансье наши у французов выучились делать, только продавали их в бумажках завернутые во всех кондитерских... А тут вон Ландрин... На кондитерскую Григория Ефимовича Елисеева это монпансье работал кустарь Федя». Однажды Фёдор забыл завернуть леденцы в бумажные обёртки, но гимназистки раскупили у него все конфеты. «На другой день опять принёс в гимназию – Ландрин пришёл! Начал торговать сперва вразнос, потом по местам, а там и фабрику открыл. Стали эти конфеты называться "Ландрин" – слово показалось французским... ландрин да ландрин! А он сам новгородский мужик и фамилию получил от речки Ландры, на которой его деревня стоит».

Шоколад «Товарищества Эйнем»

Интересна бумажная упаковка из-под шоколада кондитерской компании «Эйнем». На обёртке есть надпись: «Шоколад. Ваниль. Товарищество Эйнем. Москва».

Немец Фердинанд Теодор фон Эйнем занимался в России производством пиленого сахара, но хотел открыть собственный кондитерский магазин. Свою помощь ему предложил предприниматель Юлиус Гейс, и в 1867 г. было организовано «Товарищество паровой фабрики шоколадных конфет и чайных печений» под руководством Фердинанда Эйнема и Юлиуса Гейса. Отметим, что Гейс занимался в прошлом художественной

фотографией, поэтому оформлению продукции уделялось большое внимание. Конфеты продавались в красивых, иногда даже отделанных бархатом упаковках.

Конкуренты почти не рекламировали свой товар, а у «Товарищества Эйнем» реклама играла важную роль. В подарочные наборы конфет вкладывались ноты с «шоколадной мелодией», а для детей в магазинах устанавливались шоколадные автоматы.

В 1913 г. фабрика стала официальным поставщиком двора Его Императорского Величества. В 1918 г. фабрика была национализирована, и в 1922 г. получила другое название – «Красный Октябрь».

Таким образом, Музей купеческого быта им. А. В. Муравьева является хранителем исторической памяти о российском купечестве: интерьеры музея воссозданы из подлинных предметов быта того времени, что позволяет почувствовать прелесть и размеренность ушедшей эпохи.

Упаковка из-под шоколада
«Товарищества Эйнем»

Источники

1. Адрес-календарь Казанской губернии на 1915 год. – Казань, 1914.
2. Lipton. Больше чем чай // Биография. – 2014. – № 6. – С. 34–35.
3. Монпансье // [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Монпансье>.
4. Память как товар: коммерческая составляющая столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2900>.
5. Упаковка ушедшей эпохи // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.monetonos.ru/index.php?topic=50148.0>.

**О КОЛЛЕКЦИИ СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ XIX–XX вв.
ИЗ ФОНДОВ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

Коллекция свинцовых пломб в фондах Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАЗ) – результат работы многих людей: собирателей, исследователей, хранителей. Она собиралась на протяжении многих лет, и сейчас в фондах Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранится 458 пломб. Материал коллекции ранее не атрибутировался.

Типология пломб в статье основана на двух принципах. Во-первых, материал разделяется на до- и послереволюционный периоды. Во-вторых, пломбы разделяются по назначению – товарные, почтовые, таможенные и т. д.

Отгиски-пломбы были собраны в результате многолетних экспедиций, проводившихся Болгарским заповедником на территории бывшего г. Спасск-Куйбышев, находившегося примерно в 140 км к югу от г. Казани. Заселение этого места имеет свою историю. На левом рукаве Волги – Чертыке при впадении р. Бездна возникли первые поселения рыбных ловцов. Местность эта еще называлась Березовая грива и была пожалована царем Иоанном IV (Грозным) казанским архиепископам, о чем сообщает «Выпись на владение рыбной ловлею данная Гурию архиепископу Казанскому и Свяжскому 1556–1557 гг.», где определяется отводимая территория «в Волге реке от Камского устья и с Серным песком по Чертыцкую взголовь по обе стороны Волги реки, опричь Чертыка». Между Волгой и Чертыком на острове возник Воскресенский монастырь и с. Никольское при нем. Однако река смыла Эдемский остров и село. Жители переселились на берег р. Бездны и основали поселение, названное Спасским. В 1781 г. по указу Екатерины II было создано Казанское наместничество, состоящее из 13 уездов, в том числе и Спасского. Центром уезда стало с. Спасское, которому этим же указом в ряде других селений императрица придала статус города и утвердила герб: «Древняя башня в золотом поле в знак того, что подле сего нового города в близости находился древний татарский город Болгары, в котором и по сие время таковыя башня время еще не разрушило».

Судьба города в XX в. дважды круто менялась. Сначала в 1935 г. он был переименован в г. Куйбышев, а уже в 1953–1956 гг. в результате

строительства каскада ГЭС на Волге был перенесен на юго-запад рядом с древним Болгарским городищем. При этом деревянные и каменные постройки были разобраны и перенесены на новое место. Часть сооружений, в том числе Троицкий собор, были взорваны. Городу предстояло исчезнуть в водах Куйбышевского водохранилища. Однако, как позднее оказалось, затоплена была лишь прибрежная часть города, остальная же стала большим островом. За прошедшие десятилетия береговая полоса интенсивно размывалась, обнажая различные предметы, которые собирают сотрудники музея-заповедника и местные жители. Интересные находки рассказывают о разных исторических эпохах, в том числе и о времени существования г. Спасск-Куйбышев.

Собранная коллекция свинцовых оттисков-пломб, хранящаяся в фондах БГИАЗ, выделяется значительным количеством. Большинство пломб относится к дореволюционному времени.

Свинцовые пломбы (печати) как исторический источник известны давно, при этом научных исследований их не так уж и много, особенно посвященных отечественным пломбам. Как надежный источник они служат для изучения различных исторических эпох. Изучение изображений и надписей на печатях и пломбах в тесной связи с исторической обстановкой, в сочетании с другими видами исторических источников может дать исторической науке ряд новых интересных данных. Печати и пломбы представляют интерес и в художественном смысле: вырезанные умелыми мастерами, они являются памятниками искусства.

Происхождение печатей уходит корнями в глубокую древность. Именно первые знаки собственности, поставленные человеком на принадлежащих ему вещах, послужили прообразом печатей. Первым родовым знаком, отличавшим его от других родов, было изображение тотемного животного. Появление собственности как следствие развития человеческого общества привело к тому, что изображения животных на отдельных предметах заменяются изображениями орудий труда или элементами бытового характера. Постепенно родовый знак заменяется семейным и ставится на предметах, находящихся в частной собственности семьи. Некоторые изменения в знаках собственности произошли с изобретением письменности. Часто знаком принадлежности являются инициалы, то есть начальные буквы имени главы семьи.

Обычай употреблять печати возник на Востоке, упоминания о них мы находим в вавилонских, египетских и других источниках. На Руси еще до официального принятия христианства русские князья употребляли печати, на которых изображались родовые знаки Рюриковичей. Факт

использования печатей отмечает летописец Нестор, описывая договор, заключенный Святославом с Византией.

В древности печатью удостоверялась не только подлинность документа. Печати имели более широкое значение: они заменяли верительные грамоты, а в дальнейшем стали употребляться для их подтверждения. Привешенные или приложенные к грамоте печати свидетельствовали, что документ достоверен.

Печати делятся на печати-матрицы и печати-оттиски. Матрицы – это рисунки печатей, вырезанные обычно на твердых предметах: металле, камне, кости, в более позднее время – на каучуке. Оттиском называется отпечаток, который получается на металле, воске, бумаге в результате применения матрицы. Остановимся в связи с изучаемой коллекцией plomb на металлических оттисках. Они привешивались на шнурке, продетом в пергаменте или бумаге, и состояли из двух тонких пластинок, через которые пропускался и заклепывался шнурок. Печати были из следующих металлов: золотые, серебряные, серебряные позолоченные и свинцовые. Применение различных металлов было не произвольным, а устанавливалось в соответствии с саном лица. Золотые печати, например, привешивались к документам императора Максимилиана I к Великому князю Василию Иоанновичу. Свинец применялся чаще в связи с дешевизной и сравнительной мягкостью.

Известно два основных вида печатей-матриц. Первые – это матрицы для вислых печатей. Такая печать имеет изображения с обеих сторон. Для изготовления таких печатей использовалась соответствующая матрица. Она имела форму щипцов. На обеих ее концах в том месте, где они плотно прилегали друг к другу, вырезались соответствующие изображения или надписи. Отпечаток получался в результате сжатия щипцами материала. Соответственно получалось и изображение, вырезанное на концах щипцов. Такие матрицы называли тисками.

Второй вид матрицы прикладывался к материалу для получения оттиска. Употребление различных материалов для печатей-оттисков находится в некоторой связи с назначением документов, которые они скрепляют.

В средневековом Болгаре в период Волжско-Камской Булгарии и Золотой Орды также применялись вислые пломбы-печати, но это были бронзовые литые двухчастные изделия, соединявшиеся штифтом, а также с отверстием для шнура. Иногда они имели свинцовый груз внутри. На найденных печатях-пломбах изображены на одной стороне птицы, а на другой – крылатый барс с человеческой личиной.

Печати и их оттиски служат предметом изучения сфрагистики. Название «сфрагистика» происходит от греческого слова «печатать». Печать, сопровождающая документы, является знаком, свидетельствующим, что документ исходит от лица или учреждения, которым она принадлежит. Изучение печатей помогает определить подлинность документов, их написания, установить автора.

Материал, публикуемый в статье, представляет собой более позднюю форму существования и использования оттисков-печатей. В коллекции представлены разные по назначению типы пломб – таможенные, почтовые, банковские, торговые, пломбы учреждений и организаций, призванные подтверждать документы, представлять товар фирмы, защищать тайну и сохранность как документа, так и товара, рекламировать, удостоверить и информировать.

В первой группе пломб, относящейся к дореволюционному периоду, представлены торговые, почтовые, банковские, таможенные и т. д. пломбы российского и зарубежного происхождения. Они отличаются богатым оформлением, содержат много информации, хотя встречаются и «закодированные». Особо выделяются торговые пломбы, связанные с деятельностью различных акционерных обществ.

Во второй по типологии группе находятся пломбы послереволюционного периода. Наибольшая их часть – торговые. Они отличаются скудным оформлением. Большое число пломб связано с различной хозяйственной деятельностью и с советскими учреждениями.

Датировка материала представляется сложной. Лишь на некоторых пломбах имеется дата. Самая ранняя пломба относится к первой половине XIX в. Отличаются таможенные пломбы – практически каждая имеет в тексте дату. Из других пломб можно отметить почтовые, часть из которых также датирована.

Как уже отмечалось, количественно выделяются в общей массе торговые пломбы. Применение товарных пломб отмечается еще в средневековой Западной Европе. Несложными знаками геометрического характера пользовались купцы для обозначения принадлежности товаров. Их эмблемы могли основываться на инициалах купцов, но могли и не совпадать с ними. Простота исполнения вызывалась тем, что ими маркировались тюки, бочки и др. товары, отправляемые морем. После маркировки они могли быть распределены между несколькими судами или загружены на одном судне вместе с товарами от других владельцев. Эти марки регистрировались и тщательно охранялись. В ганзейских городах такие эмблемы рассматривались как доказательство законного

владения. Со временем они из личных и семейных превращаются в марки торговых домов и компаний. Многие эмблемы купцов попадают в гербы знати.

Обращаясь к нашему материалу, можно увидеть обширную географию российских городов, Польшу, многие известные купеческие фамилии, например, Морозовых. Основатель известной купеческой династии С. В. Морозов (1770–1862) – бывший крепостной из д. Зуево Богородского уезда Московской губернии. К концу XIX в. Морозовы владели несколькими фабриками, которые объединились в четыре крупные фирмы. Одна из них – Богородско-Глуховская мануфактура – была учреждена в 1856 г. на базе мануфактуры бумажных изделий, основанной в 1847 г. в с. Глухово Богородского уезда Московской губернии. Во главе предприятия был сын С. В. Морозова Захар, затем – внук Иван. Перед Октябрьской революцией фирму возглавил Арсений Иванович Морозов. Пломба-оттиск именно этой фирмы представлена в нашей коллекции. В коллекции представлены пломбы с надписью: «Саввы Морозова сыновья» и «Компании Богородск. Шуховск. Мануфакт.».

Целая группа следующих пломб объединена содержанием текста: «ПРА. ГУБКИНА А.КУЗНЕЦОВЪ И К°».

Алексей Семенович Губкин, известный в России купец, начинал вместе с братьями с кожевенного производства в г. Кунгуре Пермской губернии. В 1840 г. занялся чайной торговлей, выгодно обменяв в Кяхте кожаный товар на чай. Правительство высоко оценило заслуги Губкина – ему был Высочайше пожалован чин действительного статского советника и орден Св. Владимира.

Дело Алексея Семеновича продолжил внук, в 1891 г. он учреждает Товарищество «Преимник Алексея Губкина Александр Кузнецов и К°». Его дело продолжили младшие братья и сестры. В 1916 г. обороты Товарищества достигли 65 млн рублей, что составило одну треть от всей продажи чая в России.

Представлены в коллекции и пломбы «Товарищества братьев Терещенко». Дело было основано братьями в 1861 г. Началом этой гигантской индустрии стал сахарный завод в с. Теткино Рыльского уезда Курской губернии. В 1900 г. на заводах получили более 28 млн кг сахарного песка, около 4 млн литров спирта ректификата. Мельницы перерабатывали 16 млн кг зерна, из которых вырабатывали 12 млн кг муки разного сорта. Кроме того, достоянием братьев были сельхозугодия, общая площадь которых составляла 112 тыс. десятин, товарные склады, магазины в Одессе и Глухове. Николай Артемьевич и Федор Артемьевич владели

крупнейшими заводами по производству сахара. В Киевской, Волынской и Курской губернии находились десять сахарных предприятий братьев Терещенко. Неудивительно, что на старом городище были обнаружены и товарные пломбы одного из крупнейших производителей сахара в России.

Пломбы еще одного известного предпринимателя России – Харитоненко – также представлены в данном каталоге. Павел Иванович Харитоненко – действительный статский советник, коммерции советник, глава фирмы «И. Г. Харитоненко с сыном». Главная контора находилась в г. Сумы Харьковской губернии, вторая – в Москве на Софийской набережной в собственном доме. Фирма Харитоненко владела почти 60 тыс. десятин пахотной земли, одним рафинадным и 8 песочно-сахарными заводами. Имения располагались в Харьковской, Курской, Полтавской и Черниговской губерниях. Общее число рабочих в сезон достигало 30 тыс. человек. Ежегодно только рафинада вырабатывалось 8 млн пудов и 3 млн пудов сахарного песка. Кроме того, Павел Иванович владел заводами рысистых и рабочих лошадей, а также выращивал симментальский рогатый скот и свиней башкирской и йоркширской пород. Ежегодно в его имениях засевалось более 10 тыс. десятин свекловицей. Продукция Харитоненко экспонировалась на выставках в Париже, Антверпене, Ницце, Филадельфии, а также на всех российских выставках, и на каждой она отмечалась высокими наградами. Только права изображения Государственного герба на своей продукции и вывесках он удостоивался дважды. На пломбах из коллекции представлена следующая надпись: «И. Г. Харитоненко. Павловский рафинадный завод в Сумах».

Из других фамилий российских предпринимателей можно обратить внимание на пломбу с надписью: «Братья Воронцовы. Тула». Эта фирма известна как производитель самоваров.

Среди пломб с купеческими фамилиями есть и такая: «Бр. Крестовниковых и К^о».

Род Крестовниковых происходит из Костромской губернии, где в писцовых книгах второй половины XVII в. упоминается крестьянин под кличкой Крестовик. Позднее прозвище стало фамилией его сыновей. Впоследствии часть семьи переселилась в Москву и другие города. В Москве Крестовниковы появляются в начале XIX в. В московском купечестве состоят с 1826 г. и начинают действовать самостоятельно. У Константина Косьмича Крестовникова, умершего молодым около 1830 г., было 7 сыновей, и все братья первоначально участвовали в торговых и промышленных делах, но главное руководство было в руках Александра

Константиновича. Фирма «Бр. Крестовниковы» в виде товарищества по вере была учреждена в 1831 г. С 1871 г. фирма называлась «Фабрично-торговое товарищество бр. Крестовниковых на паях». В 1851 г. братья Крестовниковы построили в сельце Поляна Московского уезда при станции Лобня Савеловской железной дороги прядильную фабрику, перейдя из группы торговцев в промышленники. В 1853 г. они же построили в Казани стеариново-мыловаренный завод. Впоследствии этот завод сделался также глицериновым и химическим. Этим заводом до глубокой старости управлял Иосиф Константинович, который обладал большими знаниями по химии и, проживая в Париже, был близок с известными химиками. Этот завод был первым по своей специализации в России и после Октябрьской революции стал государственным заводом по обработке жир-веществ № 1.

Не менее интересна и следующая пломба: «М...ВТОРОВЫХ. МОСКВА». На пломбе также имеется изображение царского герба. Сибирские купцы Второвы оптом торговали мануфактурой почти по всей Сибири. Впоследствии их дело, акционированное в 1900 г., имело самый крупный основной капитал в этой области – 10 млн рублей. Делом руководил Александр Федорович Второв. После смерти отца сын Николай Александрович развернул энергичную деятельность в Москве, и хотя принадлежащее ему торговое дело продолжало существовать и успешно работать, он занялся промышленностью и банковским делом. Второв объединил три крупнейшие московские ситценабивочные фабрики – Альберта Гюбнера, Даниловскую и Коншенскую. Позднее он приобрел Московский промышленный банк. С помощью этого банка он стал приобретать и ряд предприятий, в частности, цементной и химической промышленности. Его банк был также тесно связан с шерстяной и суконной промышленностью, с изготовлением предметов военного снаряжения.

А вот пломба с таким интересным текстом: «Елецкая биржевая артель № 6». Биржевые артели представляли своего рода особенность русской торгово-промышленной жизни. Это были группировки лиц, связанных между собой круговой порукой, с ответственностью за возможные убытки при отправлении их профессиональной деятельности. Все кассиры, исполнители денежных поручений, хранители товарных складов и т.п. были обычно артельщики, и за их действия артель отвечала материально.

Следующая купеческая фамилия из представленных пломб – Гучковы. Они происходят из дворовых людей надворной советницы Бе-

лавиной, помещицы Малоярославского уезда Калужской губернии. Родоначальником их был Федор Алексеевич Гучков, переселившийся в Москву в конце XVIII в. и устроивший в Преображенском под Москвой шерстяную фабрику. Он был старообрядцем и за это в конце своей жизни, в 1840-е гг., был сослан в Петрозаводск, а фабрика перешла к его двум сыновьям Ефиму и Ивану, которые некоторое время продолжали дело вместе, но потом разделились, и фирма стала называться «Ефим Федорович Гучков» по имени того из братьев, кому перешла фабрика. Ефим Федорович скончался в 1859 г., и три его сына продолжили дело. Фирма получила новое название: «Ефима Гучкова сыновья». В 1896 г. Гучковы закрыли фабрику, но торговое дело продолжали и завершили его окончательно в 1911 г. Представителями этой фамилии были многие общественно-политические и государственные деятели, например, председатель Государственной думы Алексей Иванович Гучков. На пломбе из коллекции БГИАЗ следующая надпись: «Гучков. Москва».

Непосредственно связана с историей нашего города и пломба с надписью «Кавказ и Меркурий. С. Петербург». В девяти верстах от Спасска на левом рукаве Волги—Чертые находился Спасский затон. Здесь располагался судоремонтный и механический завод пароходного общества «Кавказ и Меркурий». На заводе постоянно работали четыре паровые машины, при которых было 6 котлов. О производительности могут сказать следующие цифры: в 1890 г. на заводе заново перестроено 3 речных парохода и выстроена машина для морской шхуны, приблизительная стоимость выработанного около 487430 рублей. Здесь были построены известные в свое время на Волге великаны-пароходы – «Император Александр II» и «Фельдмаршал Суворов». 10 июля 1870 г. Спасский затон посетил Великий князь Константин Николаевич.

Общество «Кавказ и Меркурий» вместе с обществом «Л.Нобель», обладали наибольшими мощностями. В 1913 г. под влиянием финансировавших их банков происходит слияние двух обществ – «Кавказ и Меркурий» и «Восточное общество товарных складов», которые вскоре приобрели и камско-волжское пароходство М. К. Калининой, получив обиходное название «Камво». Это общество обладало наибольшим флотом – более ста волжских самоходных судов.

Представляют интерес и другие пломбы, связанные с нашим городом и районом. Вот некоторые из них: «Магазин Улитина. г. Спасск», «Меха. вальц. мельницы М. А. Кузьмичева, в г. Спасск Казан. губ», «Асаф Аристарх Блинов». А. А. Блинов – петербургский купец 1-й гильдии, владеец с 1911 г. паровой мельницы в с. Балымеры, ранее с

1874 г. принадлежавшей нижегородскому купцу М. Н. Блинову. Мельница вырабатывала муки на 1,3 млн рублей в год при 115 рабочих. При городе была также весенняя пристань, с которой отправлялось до 3 млн пудов хлеба, к ней же в течение двух месяцев приставали пассажирские пароходы Савина.

А разве не интересны пломбы из дальних стран? Например, судя по пломбам, из Польши привозился текстиль и готовые изделия: «И.Фершт. Варшава. Социальн. Фаб. корсетов.», «Густав Гейер. Лодзь», «Зальцман. Прежде в Мессаже. Варшава», «Д.Ранке. Лодзь. Фаб.платки.трико». Есть в каталоге и пломба, где прочитывается надпись: «BOLOGNA» (по-русски читается как Болонья) – город в Италии, известный своей промышленностью.

Следующая группа оттисков-пломб связана с почтовым делом. Своим появлением в России, как и в других странах, почта обязана государству. По указу царя Алексея Михайловича в 1665 г. в Москве была учреждена постоянная служба «для пересылки государственных бумаг» – Ямской, или Почтовый приказ. Этот год и считается началом почтового сообщения в России. Первоначально письма раз в две недели отправлялись из Москвы в Польшу и Курляндию, поэтому почта тогда называлась немецкой. В 1718–1720 гг. Петром I была учреждена ординарная почта от Петербурга «до всех знатных городов». В 1781 г. Екатерина II своим указом обязала соединить почтовыми дорогами не только губернские, но и все уездные города. Однако этот проект осуществился только в следующем, XIX в., в котором произошли заметные изменения в почтовом деле вообще.

Работа почты, скорость доставки писем во многом зависели от состояния дорог. В XIX в. это были в основном грунтовые дороги. Строительство первого шоссе, соединившего столицы, началось в 1817 г. Движение по нему было открыто в 1834 г. Однако дороги строились очень медленно, так, к 1850 г. общая протяженность шоссе в европейской части России (без Финляндии и царства Польского) была чуть более 2,5 тыс. верст, а к концу столетия – около 14 тыс. В 1910 г. – 37 тыс. верст.

Появление шоссе сыграло известную роль в развитии почтового сообщения. Теперь появляются дилижансы – почта перевозится вместе с пассажирами. Однако с появлением железных дорог роль дилижансов как вида почтово-транспортной связи стала падать, а в конце 1860-х гг. они исчезают вовсе.

Создание железнодорожной сети в 1860–1880-х гг. изменило направление ряда традиционных почтовых трактов, привело к запустению

наиболее старых из них, многие почтовые станции были переведены на новые места. Однако, несмотря на бурное развитие железнодорожных путей сообщения, грунтовые дороги, шоссе и просеки еще долго оставались основными почтовыми трактами. В 1900 г. они составляли по протяженности около 150 тыс. верст, тогда как железные дороги – немногим более 50 тыс. верст.

В сельской местности почтовая связь развивалась значительно слабее. В первой половине XIX в. жители сел и деревень, расположенных вокруг уездных и губернских городов, обычно получали и отправляли корреспонденцию в почтовых конторах, а сельскую казенную переписку принимали на некоторых почтовых станциях. В 1841 г. в уездах была устроена «рассыльная почта», главным образом, для общения помещиков, однако писем через нее посылалось сравнительно мало. Появление регулярного почтового обмена в селах и деревнях связано с организацией в 1865 г. земской почты. В конце 1890-х гг. эта почта действовала в 190 уездах. Однако в силу отсутствия грамотности, общественной замкнутости деревни земства преодолевали значительные трудности, чтобы ввести почту в обиход крестьянской жизни.

В «Справочнике по гор. Казани и Казанской губернии на 1920 г.» есть раздел, посвященный почтовой губернской системе. Вот как представлен Спасский район:

«Спасская Почтово-Телеграфная Контора. Юрткульское Почтово-Телеграфное Отделение с. Русские Юрткули. Трех-Озерское Почтово-Телеграфное отделение с. Три Озера. Базарно-Матаковское Почтово-Телеграфное Отделение с. Базарные Матаки. Балымерское Почтово-Телеграфное отделение с. Балымеры. Спасо-Затонское Почтово-Телеграфное Отделение, Сп. Затон. Ромодановское Почтовое Отделение с. Ромоданы. Почтово-Телеграфные отделения: в сс. Кокрять, Марасе, Пичкасы, Кузнечиха, Левашево, Никольское, Юхмачи. Спасское Уездное Отделение Российского Телеграфного Агентства /УЕЗДРОСТА/ гор.Спасск».

Почтовые пломбы представляют географию всей России. Особо выделяются пломбы паровой и железнодорожной почты. Например: «почтовый пароход. Нижний – Астрахань», «Петроград. това... . дек. 14. СЕВ.ЗАП.Ж.Д.».

На ряде почтовых пломб имеется изображение почтового символа – два почтовых рожка и две молнии.

Представляет интерес и группа таможенных пломб-оттисков.

Таможенная служба известна в России с XIII в. и была заимствована

вместе с основами налогообложения и первыми переписями населения из Золотой Орды. Сам термин «таможня» происходит от тюркско-монгольского слова *тамга*, что первоначально обозначало знак собственности, а затем – денежный налог, взимавшийся с торговли, ремесла, различных промыслов в некоторых странах Востока и в России после монгольского нашествия XIII в. и существовавший до XVI–XVII вв.

Конечно, значение таможни в XIX–XX вв. изменилось. Таможенная пошлина стала одним из источников пополнения казны, постепенно помимо сугубо фискальных задач целью такой политики становилась и защита нарождающейся национальной промышленности. В пореформенные десятилетия в России наблюдалось постоянное увеличение ввозных пошлин на важнейшие промышленные изделия, а также на уголь, чугун, железо и т. п. Политика протекционизма приносила свои плоды – способствовала развитию национальной промышленности, притоку иностранных капиталов.

В коллекции свинцовых plomb-оттисков таможенных – 30. Вот несколько примеров: «Иркут. 1909. ТАМОЖНЯ 236», «Москов. 1897. ТАМОЖНЯ 84», Кяхт.-та пр.то. 1845», «Вержб. 1863.», «МОСКОВ. 1865. ТАМОЖНИ».

Развитие капитализма было немыслимо без банковской деятельности. Главным законодательным источником действовавшего торгово-промышленного права в Российской Империи были Устав горный, Устав торговый и др., в том числе и Устав кредитный. Закон, строго регулируя банковские операции и процентные ставки по займам и ссудам, ставил целью минимизацию спекулятивных сделок, а также сдерживал появление мелких учреждений с ограниченными возможностями.

Финансовая реформа 1897 г., а также развитие банковского дела повлияли на расширение иностранных капиталовложений, причем некоторые банки приобрели первостепенное значение, например, Русский банк для внешней торговли, Северный банк, Русско-Азиатский банк. В 1913 г. несколько банков полностью управляли рынком. Более половины банковских сделок в этом году проводилась через посредство шести крупнейших деловых и депозитных банков в России, находившихся в Санкт-Петербурге.

Среди plomb-оттисков данного каталога есть ряд plomb банковских, ярко иллюстрирующих развитие банковского дела в российской провинции: «РУССКИЙ Д.В.Т. БАНКЪ.СИБИРСКЪ», «А-ДК.БАНКЪ», «КАЗАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНКЪ».

Завершает этот обзор группа plomb, относящихся к советской эпохе.

Среди них есть пломбы-оттиски почтовые, торговые, таможенные, банковские. Все они представлены в общих группах, объединенных тематически, ряд из них оформлены традиционно, как и пломбы различных учреждений. Однако и этот материал представляет несомненный интерес для специалистов: «Сормовск. 9 фев. 26. НЕФТЕСКА. КОНТРОЛЬ. И 605. №2. БУРНАКОР», «СОЮЗКРУПА. СКЛАД №2», «ГМЗ В КОЛЬЧУГИНЕ. 1925», «МОСКОВСКАЯ. 1928. ТАМОЖНЯ 90/9/», «СПАССК ТАТАР...ГОСУД.БАНК», «ЛЕНИНГР./МОНЕТН. ДВОР/Ф.А.».

Завершая краткий и далеко не полный обзор публикуемого материала, еще раз хочется отметить его уникальность и малоизученность.

Литература

1. Бурыкин П. А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991.
2. Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. – Прогресс-Академия, 1995.
4. Зорин А. И. Уездные города Казанского Поволжья. Опыт историко-этнографического изучения планировки. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1989.
5. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. – М.: Высшая школа, 1974.
6. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI, с. 178 по 1783. – СПб., 1830.
7. Постановления 47-го Спасского уездного земского собрания Казанской губернии. 1912.
8. Примаченко П. А. Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993.
9. Российское предпринимательство XVI – начала XX в. К завершению исследовательского проекта Института российской истории РАН // Отечественная история. – 1998. – № 6.
10. Спасский Н. А. Очерки по родиноведению. – Казань, 1912.
11. Черных А. П. Западноевропейская средневековая городская геральдика и эмблематика // Вопросы истории. – 1996. – № 9.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А. В. ВИСКАЛИН

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОГО КРАЯ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕБРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Первые научно-документированные материалы по энеолиту¹ Ульяновского края были получены Збруевой А. В. в начале 50-х гг. XX столетия во время раскопок Гулькинского археологического комплекса. В 1990-е и начале 2000 гг. автором данной статьи были проведены исследования поселений Елшанка VI, Елшанка XI, Ховрино, значительно расширившие научные представления об энеолитической эпохе на территории Ульяновского края.

Наиболее ранние материалы происходят со стоянки-могильника Гулькин Бугор, расположенной на дюнных возвышениях левого берега р. Утка неподалеку от места ее впадения в Волгу. Памятник обнаружен в 1950 г. и исследован в 1950 и 1953 гг. Збруевой А. В. [1, с. 45–47]. В 1957 г. памятник затоплен водами Куйбышевского водохранилища. В 1967 г. во время низкого стояния воды обследован Старостиным П. Н. [2, л. 50–52]. Збруевой А. В. были заложены 4 раскопа площадью около 1500 м² и получен разновременный материал от неолита до бронзы включительно.

Находки энеолитической эпохи были отмечены по всей площади раскопа между жилищными западинами эпохи бронзы. К ним отнесены 2 группы лепной керамики. Кремневый инвентарь энеолитической эпохи трудно идентифицируется из-за смешанности разновременного материала.

Наиболее ранняя группа включает обломки нескольких сосудов традиционной для волго-камского неолита яйцевидной формы, украшенных по поверхности оттисками зубчатого штампа. Отличием данной керамики от неолитической является использование органического отощителя в глине, образующего при обжиге характерные пустоты-поры, и орнаментального приема «шагающей» гребенки. По аналогии с комплексами русско-азибейского типа «пористая» керамика может датироваться

¹ Термином энеолит в археологической науке принято называть эпоху постепенного вытеснения из обихода орудий из камня и замену их орудиями из чистой меди.

второй половиной IV тыс. до н.э. [3, с. 183]. Вторая группа включает большое количество обломков толстостенных сосудов с примесью толченой раковины в глине и гребенчатой орнаментацией. Изображений сосудов данной группы не осталось, но, предположительно, они могут относиться к волосовской культуре и датироваться концом III тыс. до н.э. [4, с. 196, 197].

Гулькинский могильник содержит 3 погребения. Первое и второе погребения исследованы Збруевой А. В. в 1953 г. в северо-западной части раскопа 1. Третье погребение было обнаружено Старостиним П. Н. в 1965 г. в южной части поселения. Умершие лежали в неглубоких прямоугольных ямах в вытянутом положении на спине, головой на восток. У первых двух скелетов были ампутированы ноги ниже коленей. От третьего остались лишь части черепа. Покойники были посыпаны охрой. В первом погребении в области шеи найдено ожерелье из округлых каменных бусин диаметром 2,5 мм и 2 каплевидных подвески. В третьем погребении находилось ожерелье из 14 каплевидных подвесок. Третье погребение оказалось без сопроводительного инвентаря.

В отношении возраста и культурной принадлежности Гулькинских погребений исследователи имеют разные мнения. Буров Г. М. датировал их эпохой позднего неолита [5, с. 79–81]. Габашев Р. С. и Шорин А. Ф. отметили в погребальном обряде памятника хвалынские черты (подсыпка охры, каменные бусы и подвески, ритуальное захоронение телят и т. д.), на основании чего связали данные погребения с кругом памятников русско-азийского типа [6, с. 21; 7, с. 42]. Судя по материалам поселения Утюж I, расположенного в южной Чувашии вблизи г. Алатырь, отдельные группы степного населения хвалынской культуры действительно проникали по долинам Суры и Волги вглубь лесостепного Поволжья и вполне могли оказывать влияние на лесное поздненеолитическое население. Так, во время раскопок этого поселения автором настоящей статьи было обнаружено полуземляничное жилище с развалами круглодонной посуды хвалынской культуры и пластинчатый кремневый инвентарь: нуклеусы, длинные ножевидные пластины, вкладыши из узких пластин с крутой ретушью по брюшку, черешковые и иволистные наконечники стрел на пластинах, скребки, проколки на пластинах, сверла, шлифованное тесло треугольного сечения (рис. 1: 1–4) [8, с. 16].

Несколько более поздний возраст имеют материалы энеолитических поселений Елшанка VI и Елшанка XI.

Поселение Елшанка XI обнаружено жителем с. Елшанка Яковлевым И. И. и обследовано Вискалиным А. В. в 1999 г. В 2001 и 2003 гг.

им же раскопано на площади 346 м² [9, с. 39–49]. Памятник расположен на песчанистом возвышении в пойме р. Свияга в 4 км южнее с. Елшанка. В ходе его изучения выявлены 2 разновременных культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой: верхний – энеолитический, нижний – неолитический. Находки верхнего слоя образуют 2 скопления на месте некогда существовавших наземных жилищ. В каждом из скоплений найдены развалы 5–7 глиняных сосудов, изделия из камня, обломки костей, костного угля, очаги и хозяйственные ямы. В число находок из энеолитического слоя входят обломки лепной глиняной посуды – 600 и фрагменты костей – 175, изделия из камня – 271, медное шило (рис. 4).

Посуда изготовлена из глины с примесью органических волокон и толченой раковины. Реконструировано полутора десятка круглодонных горшков. Три крупных сосуда имеют вытянутые пропорции и относительно тонкие стенки – 0,7–0,8 см. Наиболее полно восстановлен крупный горшок с диаметром тулова в средней части 38–40 см и высотой 55 см. Сосуд имеет округло-коническое днище, напоминающее собой приостренные днища раннеэнеолитической керамики (рис. 4: 3). Прямой венчик украшен по срезу крупными ямчатыми вдавлениями, образующими гофрировку. Поверхность изнутри и снаружи заглажена рельефной штриховкой. Иных украшений сосуд не имеет. Остальные 2 сосуда этой группы сохранились хуже. Они имеют несколько меньшие, чем первый сосуд, размеры, но сходную форму и обработку. Вторую группу образуют сосуды с орнаментом из оттисков зубчатого и гладкого штампа, разнообразных ямок, навитого на палочку шнура. Самый крупный и относительно хорошо сохранившийся сосуд этой группы имеет воронковидный поддон и небольшое округлое днище (рис. 4: 6). Туловище сосуда расширяется в верхней части, горловина прикрыта. Орнаментом служат плотные горизонтальные ряды из вертикальных оттисков гладкого штампа. На туловище прослеживаются сквозные сверленные отверстия, указывающие на ремонт сосуда. У второго крупного сосуда этой группы реконструирована только верхняя часть. Сосуд имеет профилированную горловину с отогнутым под сильным углом венчиком и округлые бока (рис. 4: 1). Снаружи по туловищу и по отгибу венчика сосуд украшен горизонтальными рядами крупного гребенчатого штампа. Третий сосуд имеет слабопрофилированную горловину и округлое дно (рис. 3: 2). Его наружную поверхность украшают горизонтальные и наклонные ряды оттисков навитой на палочку веревочки. Венчик слабо отогнут и по отгибу гофрирован. На горловине отмечаются сверленные парные отверстия

для подвешивания сосуда. К третьей группе относится небольшой чашевидный сосуд с оттисками зубчатого штампа и крупных полулунных вдавлений, образующих в верхней части широкий орнаментальный пояс из соединенных вершинами и заштрихованных ромбов (рис. 4: 4). Нижняя часть сосуда украшена рядами радиально расположенных оттисков того же самого зубчатого штампа. Остальные сосуды трудно отнести к какой-либо группе, поскольку они представлены отдельными обломками. Венчики прямые, либо с грибовидным расширением на конце. В орнаментации использовался зубчатый (рис. 4: 8), двузубый (рис. 4: 7), гладкий штамп (рис. 4: 6), крупные овальные ямки (рис. 4: 5), отпечатки веревочного узелка. Оттиски штампов наносились в разреженной манере: на многих сосудах сохраняются свободные зоны. Преобладающими мотивами являются горизонтальные полосы и ленты из рядов оттисков. Реже используются многорядные горизонтальные зигзаги.

Коллекция изделий из камня насчитывает 271 предмет, из которых 59 имеют вторичную обработку, а остальные являются отходами производства. Большинство орудий изготовлено из молочного и темно-серого мелового кремня хорошего качества. Значительно реже используется цветной кремень зеленоватого и желтоватого оттенка. Наиболее выразительной частью орудийного комплекса является серия ножей, пилок и скребков, изготовленных на крупных (13 экз.) и средних (10 экз.) пластинах. Пластины обработаны по краям крутой и полукрутой ретушью (рис. 4: 9). У одного ножа двусторонней косоструйчатой ретушью выделено острие. Еще одно орудие на крупной пластине сочетает в себе элементы скребка и ножа. Среди орудий на отщепе представлены ножи (12 экз.), скребки геометрических очертаний с выделенными кончиками (8 экз.) (рис. 4: 12), скребло. Не выделяется из основного комплекса и нож-скобель на плитке зеленоватого кремня с естественным обушком. Данное орудие имеет подтреугольную форму и двустороннюю обработку рабочей части, не выходящую за края. Коллекцию каменного инвентаря дополняет иволистный наконечник дротика (рис. 4: 10), молот из песчаника с кольцевым желобком (рис. 4: 13), 2 сверла, проколка, долото и обломки различных орудий. Уникальной является находка медного шила прямоугольного сечения (рис. 3: 11).

Анализ расположения керамики в слое показывает, что многие сосуды были разбиты в древности, а их обломки рассеяны по площади стоянки. Ареалы рассеивания сосудов часто перекрываются, что может говорить об их одновременности. Общая малочисленность находок и тонкость культурного горизонта свидетельствуют в пользу версии о

кратковременности стоянки, представляющей собой сезонный поселок рыболовов и охотников.

Такие характерные особенности материалов поселения Елшанка IX, как прямостенные и округлодонные горшки с расчесами на внутренней и внешней поверхности, зональный разреженный орнамент на основе зубчатого и гладкого штампов, ямчатых вдавлений, витого шнура, молоты с перехватом, крупные ножевидные пластины – все это находит близкие аналогии в материалах ранней гаринской и юртиковской культур, на основании чего возраст памятника определяется последней четвертью IV тыс. до н.э.

Поселение Елшанка VI обнаружено Вискалиным А. В. в 1993 г. Раскопки памятника проведены им же в 1993–1994 гг. [10, с. 24, 25]. В раскопе площадью 107 м² получены материалы раннего неолита, энеолита, эпохи бронзы и раннего средневековья.

Основным комплексом находок является энеолитический. С ним связан котлован углубленного в землю жилища размерами 8 x 7 м с выходами на торцевых сторонах (рис. 2: 1). По оси жилища напротив каждого выхода находились отопительные очаги, создающие тепловой заслон холодному воздуху, и ямы для сбора проникающих через дверь атмосферных осадков. Песчанистые стенки котлована во избежание осыпания грунта имели деревянную обшивку. В южном углу жилища под несохранившейся обшивкой песчанистой стенки котлована был найден клад из 5 крупных кварцитовых ножей листовидной формы, сложенных стопкой.

В раскопе обнаружены развалы двух десятков лепных сосудов с примесью органики и толченой речной раковины, от которых после обжига остаются пустоты. По форме сосудов выделены 3 группы. В первую группу входят круглодонные горшки удлиненных пропорций с прикрытой и открытой горловиной, прямыми и грибовидными венчиками (рис. 3: 1–3, 12). Они украшены оттисками укороченного зубчатого штампа и перевитого шнура, образующими незамысловатый орнамент из горизонтальных рядов. Вторая группа представлена сосудами с плавной профилировкой горловины, округлыми и плоскими днищами. Орнаментированы такие сосуды короткими и длинными гребенчатыми штампами, ногтевидными ямками и разреженными наколами (рис. 3: 6–11). К третьей группе отнесены 2 сосуда с воротничковыми венчиками, у которых восстановлена лишь верхняя часть. Венчик одного сосуда плавно отогнут наружу и приострен, что характерно для 2 этапа самарской культуры (рис. 3: 5). Венчик другого сосуда имеет вид утолщен-

ного валика, напоминающего отдаленно венчики хвалынской культуры (рис. 3: 4). Орнаментированы эти сосуды плотными рядами гребенчатого штампа и шагающей гребенкой, покрывающими туловище и лицевую часть венчиков. Следует отметить, что воротничковые сосуды 3 группы находились за пределами жилища и их связь с жилищным комплексом не документирована.

Каменный инвентарь насчитывает более 2000 изделий из кварцита, кремня, песчаника и сланца. Его специфической чертой является значительное количество орудий из кварцита, составляющих около половины всех изделий из камня. Среди орудий выделяются ножи на крупных пластинах (рис. 2: 12), бифациальные ножи из кварцита (рис. 2: 5–9), массивные скребки и скребла геометрических очертаний из кварцита (рис. 2: 11), сверла, проколки, ромбические и треугольно-черешковые наконечники копий и стрел (рис. 2: 2–4), шлифованные сланцевые долота (рис. 2: 10), выпрямители стрел и абразивы из песчаника, сверленные подвески-амулеты из речной гальки (рис. 2: 13).

Материалы поселения Елшанка VI имеют заметное сходство с материалами поселения Елшанка XI, т.к. основная часть керамики этих поселений представлена гаринскими круглодонными горшками прямой и закрытой формы со следами влияния волосовской традиции. Однако на поселении Елшанка VI помимо северного типа керамики широко представлены слабопрофилированные плоско- и круглодонные сосуды, украшенные оттисками зубчатых штампов, шагающей гребенки, насечек, наколов, ямчатых вдавлений. Часть этих сосудов имеет воротничковые венчики. Подобная посуда находит параллели в лесостепном энеолите (токский, алексеевский типы). Широкое использование кварцита для изготовления крупных орудий (бифациальные ножи, скребки, наконечники копий и стрел) может указывать на проявление степных алтатинских традиций [3, с. 163].

Представляется, что поселения Елшанка VI и Елшанка XI были оставлены группой лесного гаринского населения, проникшего в верховья р. Свияга с территории Нижнего Прикамья. Несколько позже сюда же попадают выходцы из степного и лесостепного Поволжья, оттесненные с мест прежнего обитания племенами репинской и ранней ямной культуры, исходя из чего возраст энеолитических материалов поселений Елшанка XI и Елшанка VI определяется концом IV – началом III тыс. до н.э.

Продвижение репинской раннеямной культуры вглубь лесостепного Поволжья документируют находки на территории раннесредневекового городища Комаровка II, сделанные во время его раскопок Введен-

ским В. И. и Семькиным Ю. А. в 2016 г. В раскопе 1 был обнаружен развал пористого сосуда яйцевидной формы с выделенным высоким венчиком и слегка уплощенным дном. Венчик и верхняя часть сосуда орнаментированы жемчужным пояском и оттисками гребенчатого штампа (рис. 1: 5). Вероятно, из этого же комплекса происходит крупная кремнёвая пластина и иволистный наконечник стрелы. Данные предметы находят аналогии в материалах репинской культуры конца энеолитической эпохи и могут быть остатками разрушенного погребения.

Поселение Ховрино находится на оконечности дюнной гряды по правому берегу р. Барыш вблизи одноименного с. Вешкаймского района Ульяновской области. Памятник обнаружен Губайдуловым Р. З. в начале 90-х гг. XX в. Его дальнейшее изучение проведено Вискалиным А. В., вскрывшим за 5 полевых сезонов (1994, 1999, 2004–2006 гг.) 1419 м² культурного слоя [11, с. 370–376; 12, с. 58–80; 13, с. 208–219; 14, с. 191–200].

Поселение занимает площадь в 40 га. На его территории выявлены около 3 десятков жилищных западин, расположенных хаотично по гребню крупной дюны и в ее окрестностях. Изучены 9 жилищ, представляющих собой небольшие прямоугольные полуземлянки площадью от 20 до 40 м², углубленные в грунт на 0,5–0,9 м. Крытыми переходами соединены лишь 2 жилища, в которых очаги расположены по оси постройки (рис. 5: 6). Остальные жилища являются однокамерными и отличаются организацией внутреннего пространства (рис. 5: 1–5, 7, 8). Очаги в этих жилищах располагаются вблизи одной из стенок. У других стенок оборудованы земляные и деревянные лежанки. В 2 жилищах прослежены углистые полосы от сгоревшей облицовки земляных стенок котлованов (рис. 5: 1, 8). Тамбуры выходов расположены в углу котлована и обращены в сторону реки. В нескольких жилищах удалось проследить центральный столб, поддерживающий шатровое перекрытие.

Площадка вокруг жилищ активно использовалась в хозяйственных целях. Здесь выявлены хозяйственные ямы, в том числе несколько погребков, скопления колотого песчаника и кварцита, образовавшиеся на месте камнеобрабатывающих мастерских. В одном из жилищ обнаружена мастерская по выделке наконечников стрел из относительно мягкой окремненной опоки. Данное обстоятельство может указывать на дефицит каменного сырья и зимнее время существования данной мастерской.

Особый интерес вызывает ритуальный комплекс, вероятно, связанный

с несохранившимся погребением. Он состоит из прямоугольной ямы размерами 2 x 1,2 м и трех окружающих её открытых очагов. В заполнении ямы найдены медный и кремневый ножи, скребок и несколько мелких обломков керамики. Учитывая, что в песчанистом грунте органика сохраняется плохо, нельзя исключать наличие в прошлом в данной яме погребения. Окружающие яму очаги явно носят ритуальный характер. Они заполнены жжеными костями, мелкими обломками керамики и кремня, являющимися следами жертвоприношений. В этой связи следует упомянуть обнаружение на полу одного из домов останков человеческого черепа, возможно, также имеющего ритуальный характер.

Среди находок видное место занимает лепная посуда с примесью органической трухи, птичьего пуха и песка. Реконструировано полностью или частично свыше 100 сосудов, среди которых выделяются 4 группы. В первую группу входят яйцевидные горшки удлинённых пропорций с закрытой горловиной и округлым донцем. Несколько сосудов этой группы имеют выделенные плечики (рис. 6: 6, 8). Во вторую – плоскодонные сосуды горшковидной формы с отогнутой горловиной и выделенными плечиками (рис. 6: 1, 3–5, 7). В третью – плоскодонные банковидные сосуды с Т-образным окончанием венчика и примесью крупнотолченой дресвы (рис. 6: 10). Четвертая группа представлена небольшими чашевидными сосудами (рис. 6: 2, 9).

Посуда орнаментирована отрисками различных зубчатых штампов, шнура, наколов, ногтевидных насечек, аммонита, кружковых отпечатков. Система орнаментации включает горизонтальные и вертикальные полосы, лесенку, свисающие вниз вершинами треугольники, вертикальные многорядные зигзаги, сетку, ромбы, композиции из шагающей гребенки и кружкового орнамента и т. д. Столь же разнообразны формы венчиков, среди которых имеются прямые, закрытые, с т-образным расширением, отогнутые г-образные, s-овидные, с наплывом-утолщением, внутренним желобком. Горловины нескольких сосудов украшает налепной валик (рис. 6: 1, 4, 5, 7).

Каменный инвентарь представлен ножами, сверлами, проколками, скребками, скребками из кремня и кварцита, сланцевыми теслами и долотами, шлифовальными плитками и выпрямителями стрел из песчаника, грузиками для сетей, сланцевыми каплевидными подвесками, наконечниками копий и стрел (рис. 6: 8–18). Для изготовления наконечников стрел использовался не только кремень и кварцит, но и относительно мягкая опока. По форме среди наконечников стрел выделяются подтреугольно-черешковые (рис. 7: 12), ромбические, иволистные (рис. 7:

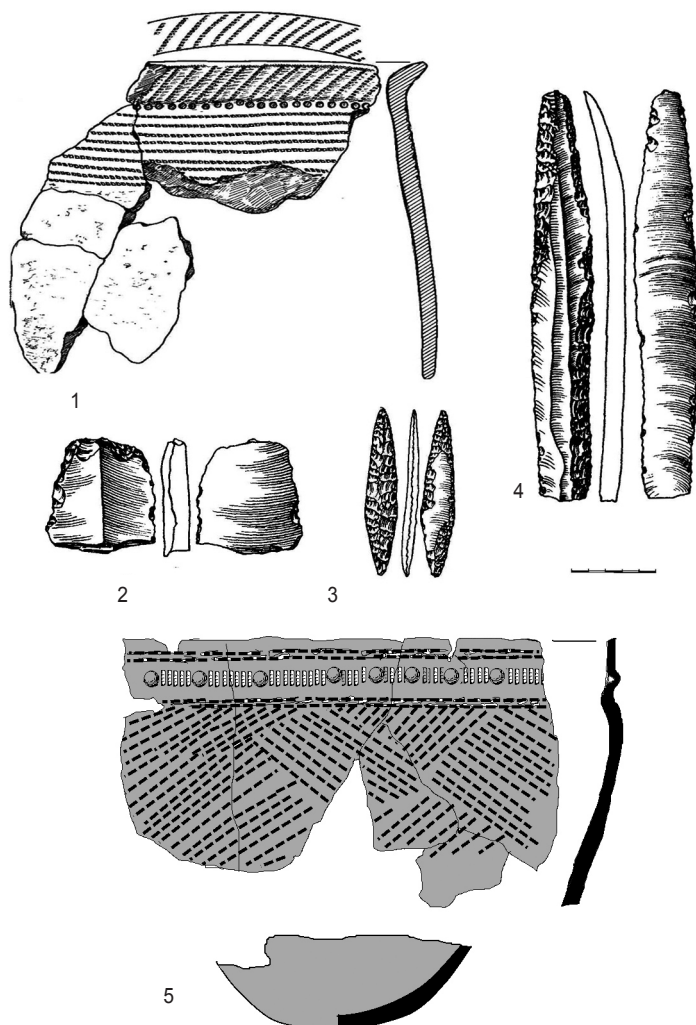

Рис. 1. Энеолитические находки поселений Утюж I (1–4) и городища Комаровка II (5).
 1 – сосуд хвалынской культуры, 2 – наконечник стрелы, 3 – скребок, 4 – ножевидная
 пластина, 5 – сосуд репинской культуры

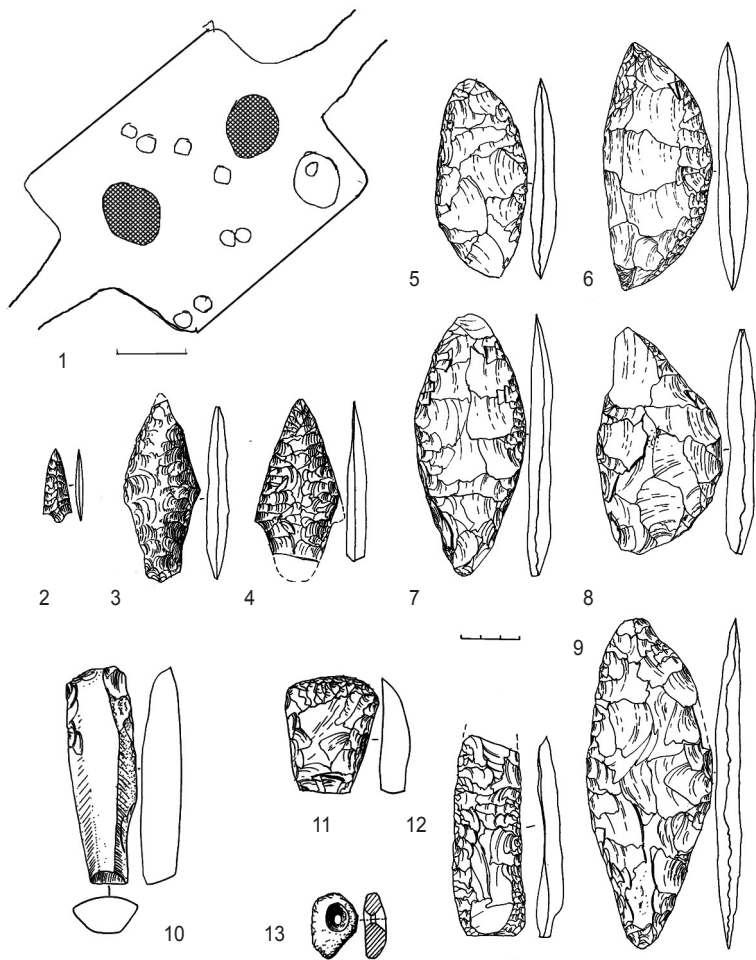

Рис. 2. Энеолитическое поселение Елшанка VI. 1 – жилище, 2 – наконечник стрелы, 3, 4 – наконечники копий, 5–9, 12 – ножи из кварцита, 10 – сланцевое долото, 11 – скребок из кварцита, 13 – амулет

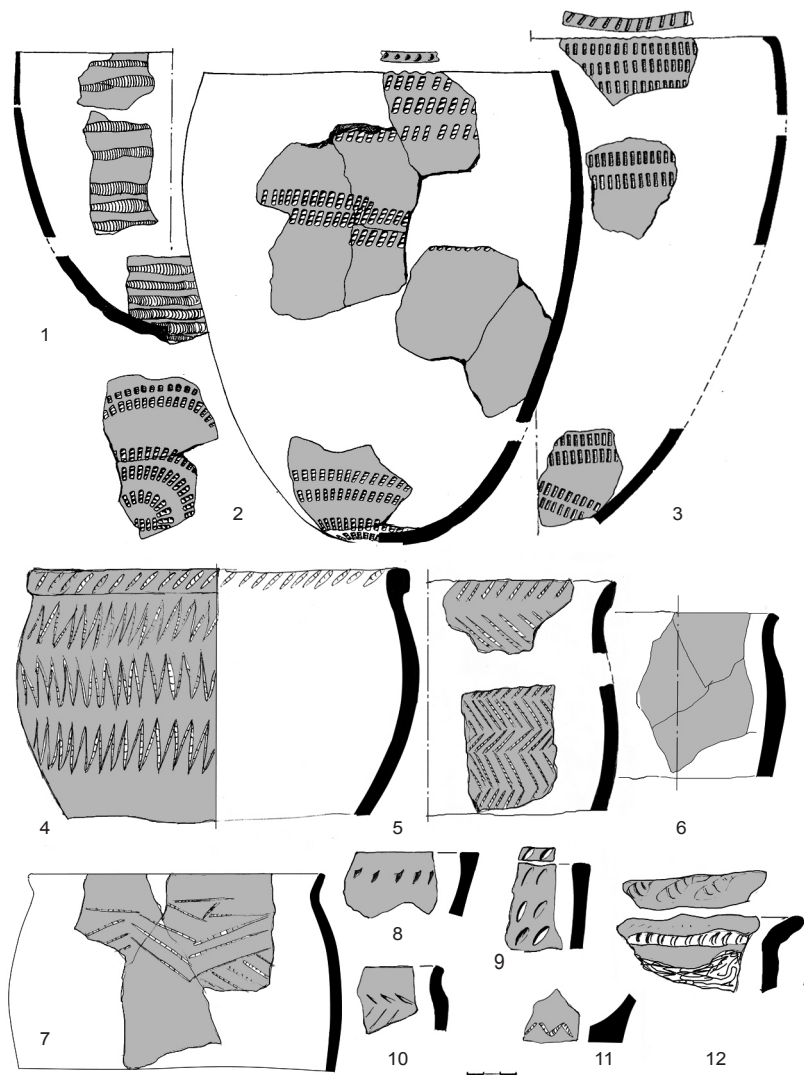

Рис. 3. Энеолитическое поселение Елшанка VI. Керамика. 1–3, 12 – сосуды гаринско-волосовского облика, 4–11 – сосуды лесостепного облика (ивановский, тоцкий, алтатинский типы)

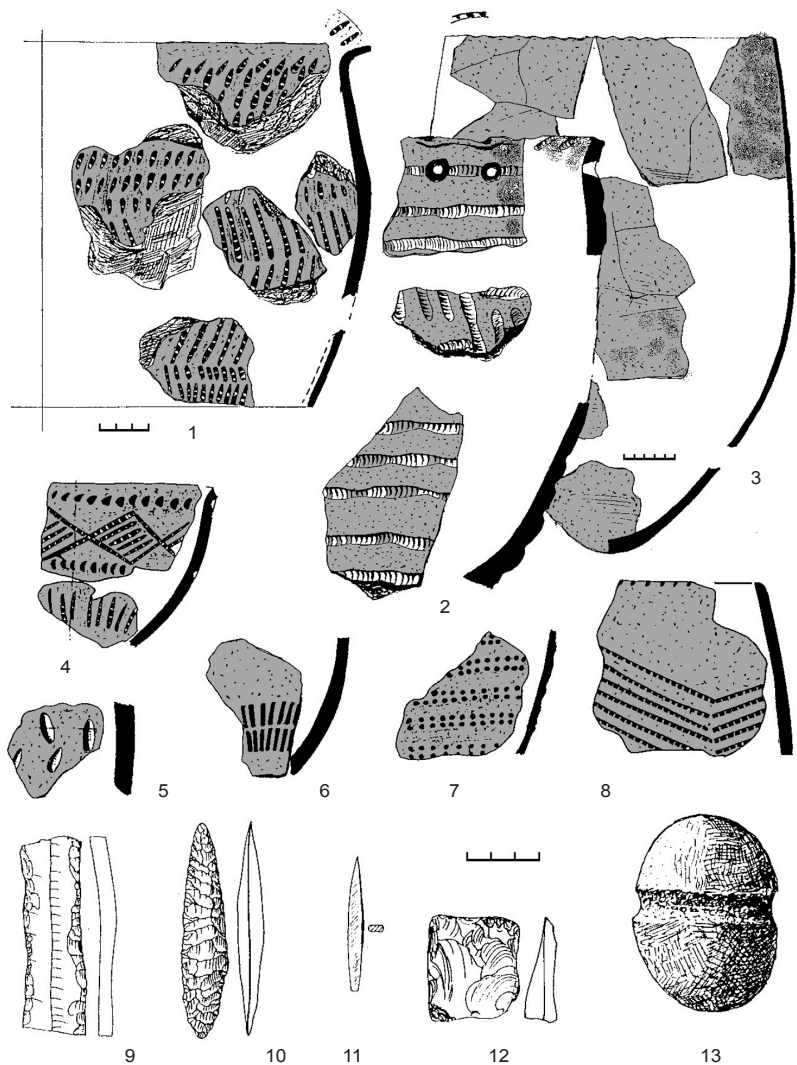

Рис. 4. Энеолитическое поселение Елшанка XI. Керамика (1–8), изделия из камня (9, 10, 12, 13) и меди (11). 1–8 – гаринско-волосовские сосуды, 9 – нож на пластине, 10 – наконечник дротика, 11 – медное шило, 12 – скребок, 13 – молот с перехватом

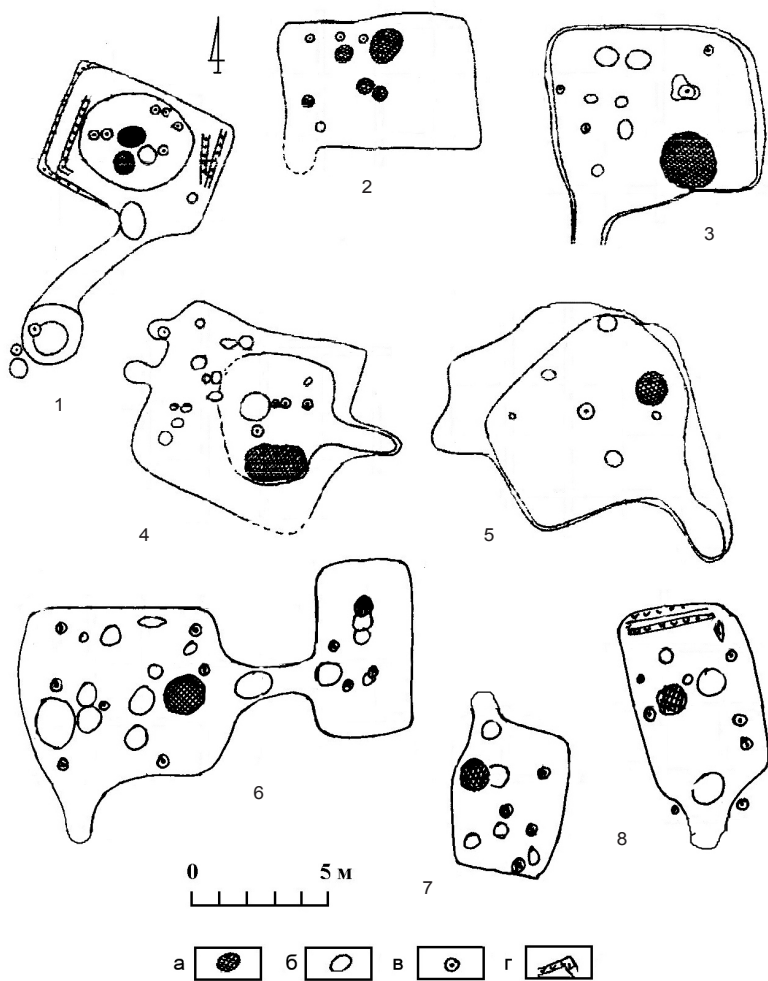

Рис. 5. Энеолитическое поселение Ховрино. Планы жилищ: а – очаги, б – хозяйственные ямы, в – столбовые ямы, г – сгоревшие конструкции

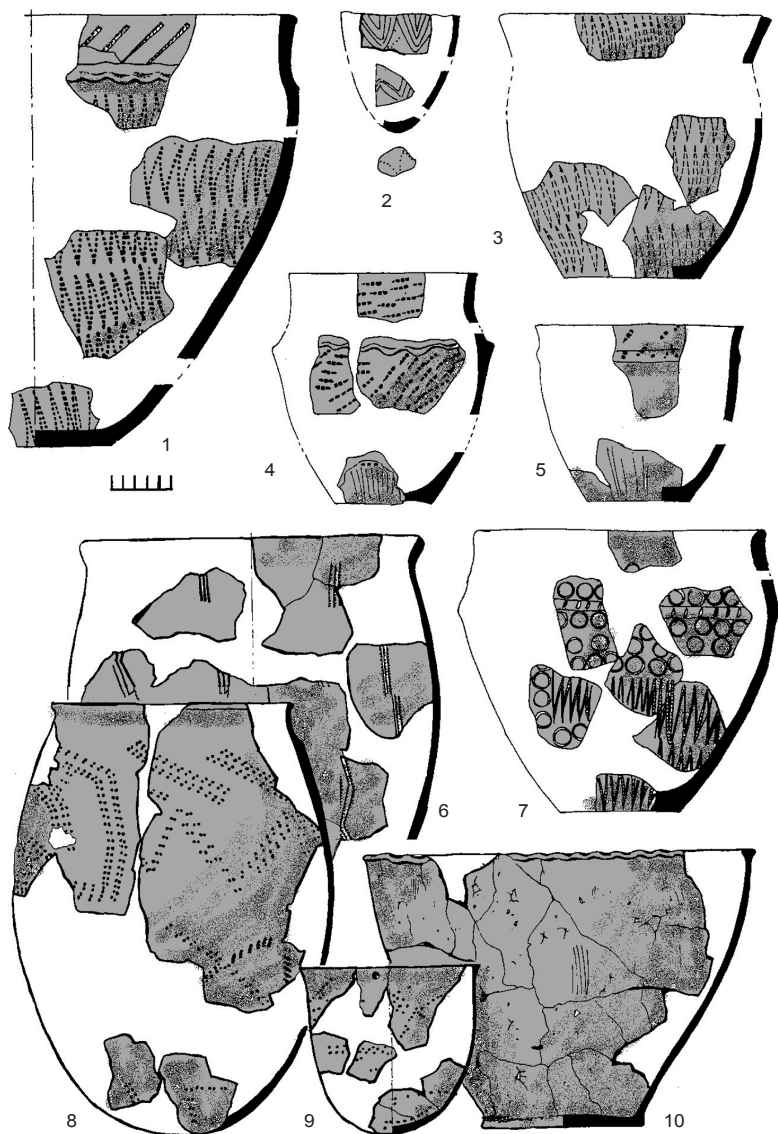

Рис. 6. Энеолитическое поселение Ховрино. Керамика

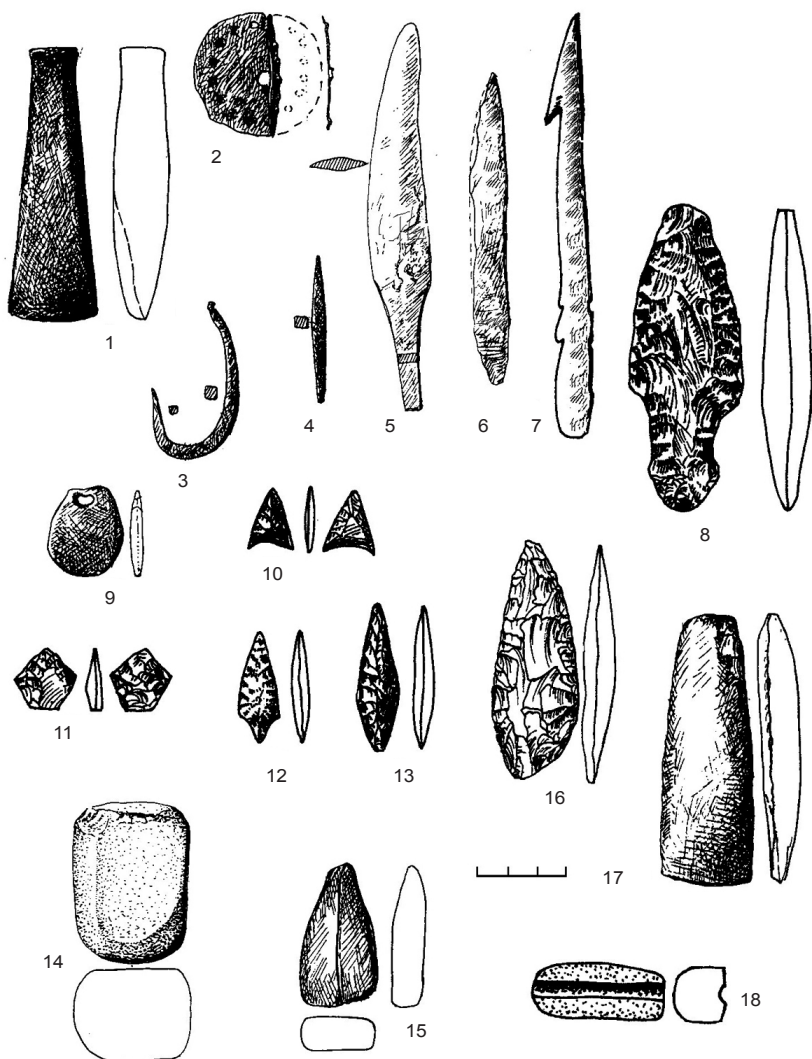

Рис. 7. Энеолитическое поселение Ховрино. Изделия из меди (1–7), камня (8–18).
 1 – тесло, 2 – нашивка, 3 – рыболовный крючок, 4 – шило, 5, 6 – ножи, 7 – гарпун,
 8 – ножа, 9 – каплевидная подвеска, 10–13 – наконечники стрел, 14 – молоточек,
 15 – грузило, 16 – наконечник дротика, 17 – тесло, 18 – выпрямитель древков стрел

13), треугольные с выемкой у основания (рис. 7: 10). Среди изделий из камня особое внимание привлекает нож из кварцита с ромбовидным оголовьем на рукояти, явно изготовленным в подражание абашевским металлическим ножам (рис. 7: 8).

К числу наиболее примечательных находок относятся изделия из чистой меди¹: тесло, 2 гарпуна, шилья, рыболовный крючок, бляшка-нашивки с пуансонным орнаментом, змейка, 2 ножа, разнообразные стержни, фрагменты ручных браслетов (рис. 7: 1–7). Для волосовских поселений такое количество находок из меди является уникальным. Нахождение на полу и в очагах большинства изученных жилищ остатков ошлакованных изнутри глиняных сосудов-тиглей и медных выплесков-корольков свидетельствует о том, что плавка металла осуществлялась на территории поселения.

Во всех жилищах обнаружены остатки домашних лошадей, говорящие о знакомстве обитателей поселка со скотоводством.

Основной комплекс Ховринского поселения находит аналогии в материалах волосовской культуры с территории Примокшанья конца развитого и начала позднего периода. Для него характерно изготовление сосудов с примесью органики и птичьего пера, сходных типов орудий на отщепах (ножи, скребки, скобели, проколки, сверла и т.д.), наконечников стрел листовидной, ромбической и треугольно-черешковой формы, шлифованных тесел, выпрямителей древков стрел, формы жилищ и т. д.

Своеобразием материалов Ховринского энеолитического поселения является органическое сочетание волосовских, ямно-катакомбных (полтавкинских), абашевских и среднестоговских, имерских культурных традиций. Так, ямно-катакомбное (полтавкинское) влияние проявляется в оформлении на некоторых типично волосовских сосудах характерных для катакомной и позднеямной (полтавкинской) культур выступов-плечиков и наlepных валиков, встречаемость двушипных наконечников стрел треугольной формы и коневодства. Абашевское влияние прослеживается в использовании в орнаментации опущенных вниз вершинами треугольников с горизонтальной штриховкой, вертикальных и горизонтальных многорядных зигзагов, ромба, лесенки, сетки. Красноречивым доказательством существования абашевских контактов является кварцитовый нож, изготовленный в подражание металлическому абашевскому ножу с ромбовидным навершием на рукоятке (рис. 7: 8). Среднестоговские черты несут сосуды с широким отогнутым венчиком. О контактах с

¹ Данные анализа С. В. Кузьминых (устное сообщение).

имеркской культурой говорит находка сосуда с массивным треугольным утолщением венчика. Культурная принадлежность плоскодонных сосудов с профилированной горловиной и банок с примесью крупной дресвы нуждается в уточнении.

Смешение разнотрадиционных традиций отчетливо проявляется не только в керамике и каменном инвентаре, но и в домостроительстве. Волосовская домостроительная традиция прослеживается в устройстве лишь 2 соединенных крытым переходом относительно крупных жилищ с очагами по центральной линии (рис. 5: 6). Остальные жилища имеют не характерные для волосовской культуры небольшие размеры, подквадратные очертания и планировку (очаг у стенки, угловой выход, шатровое перекрытие, поддерживаемое центральным столбом). Истоки данной домостроительной традиции нуждаются в уточнении. Но в предварительном плане следует отметить встречаемость небольших квадратных жилищ в стрелнинской [15, с. 20, 21] и абашевской [16, с. 124] культурах.

Органическое сочетание в материалах Ховринского энеолитического поселения волосовских, ямно-катакомбных (полтавкинских), абашевских и других черт позволяет датировать его энеолитический комплекс концом III – началом II тыс. до н.э.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении археологической науки материалы свидетельствуют, что в эпоху энеолита–ранней бронзы на территории Ульяновского края протекали сложные этно-культурные процессы, характеризующиеся, с одной стороны, продвижением лесного населения на юг и восток, а степного и лесостепного – на север, а с другой стороны – возникновением между различными группами населения культурных контактов.

Литература

1. Збруева А. В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА № 80. Труды КАЭ. Т. III. – М., 1960. – 252 с.
2. Старостин П. Н. Отчет о работе в зоне Куйбышевского водохранилища весной 1965 года. – Архив ИА, 1968.
3. Моргунова Н. Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – 220 с.
4. Уткин А. В., Костылева Е. Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений на Гулькином бугре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. – С. 195–197.
5. Буров Г. М. Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. – Ульяновск: Приволж. кн. изд-во, 1982. – 102 с.

6. Габяшев Р. С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ, 1994. – С. 16–38.
7. Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 182 с.
8. Березина Н. С., Вискалин А. В., Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж 1 на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. – Самара: СОИКМ, 2007. – С. 14–23.
9. Вискалин А. В. Комплекс лесного энеолита в лесостепных районах Волго-Уральского междуречья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. 2. – Пенза: ПОКМ, 2008. – С. 39–49.
10. Вискалин А. В. Разведки памятников неолита-энеолита на территории Ульяновской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. – С. 24–25.
11. Вискалин А. В. Поселение ранних металлургов и коневодов на Барыше // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 370–376.
12. Вискалин А. В., Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. – Самара: СамГПУ, 2002. – С. 58–80.
13. Вискалин А. В. Ховринское поселение эпохи раннего металла в восточном Посурье (итоги исследования 1994 г.) // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза: ПГУ, 2003. – С. 208–219.
14. Вискалин А. В. Результаты исследования 6 жилища Ховринского энеолитического поселения // Вопросы археологии Поволжья. № 4. – Самара: СамГПУ, 2005. – С. 191–200.
15. Королев А. И., Ставицкий В. В. Примокшанье в эпоху раннего металла. – Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 2006. – 202 с.
16. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Серия Археология СССР. – М: Наука, 1987. – 472 с.

И. Д. МУХАМЕТШИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОКРУГИ г. БОЛГАР

Первые сведения об округе Болгара содержатся в древних письменных актах. В описи земельных угодий патриаршего дома 1659 г. отмечается близ р. Утки «на высокой горе татарское Балымерское городище, в длину того Балымерского городища на 300 сажен, поперек на 250 сажен» [16, с. 592–594].

Серебряные монеты были найдены в сентябре 1895 г. у с. Три Озера К. В. Трегубовым и переданы уездному исправнику. Далее они были направлены в канцелярию казанского губернатора, а затем на экспертизу в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) [2]. 22 мая 1893 г. у с. Тенишево найдены золотые индийские монеты [1].

Крестьянин с. Танкеевки Д. К. Варфоломеев нашел на огороде кости человека и лошади, а также многочисленные вещи: топорик, стремя и т. д. В отчете ИАК отмечено, что вещи из обнаруженного захоронения «относится к единственному до сих пор известному туземному погребению в стране волжских булгар, относящегося ко времени Ибн-Фадлана» [4, с. 135–136].

На базе собранных в конце XVIII – начале XIX вв. данных, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятников. В Российской империи во второй половине XIX в. в связи с общей тенденцией роста интереса к объектам старины начинают проводиться и археологические съезды. В 1871 г. на I Археологическом съезде в Москве членом-корреспондентом Императорской Академии наук, профессором К. И. Невоструевым был сделан обобщающий доклад, в котором он описал 36 болгарских городищ [16]. Среди них Болгарское, Майнское (Старомайнское), Бальмерское, Кокрышское (Кокрятское), Тетюшское и другие городища. Его работа явилась одной из последних по историографии краеведческих исследований того времени. С 70-х гг. XIX в. начинают более интенсивно развиваться непосредственные историко-археологические изыскания.

В 1898 г. А. А. Спицын у с. Кокрять раскопал 10 погребений с костяками, ориентированными в большей части на север. В погребении встречены железные вещи.

Особый интерес вызвали исследования у с. Бальмеры. Первые раскопки здесь проводились врачом А. Н. Стояновым в 1870 г. Он вскрыл 6 всхолмлений к северо-западу от села. Он писал: «Местные жители считают курганы мордовским кладбищем и рассказывают что Бальмерь и ближайшая к нему д. Арчиловка, в которой по настоящее время насчитывают дворов около 15 потомков мордвы, в старину было исключительно заселено мордвою» [17, с. 20].

В 1898 г. А. А. Спицын произвел осмотр местности и сбор материала у с. Бальмеры в целях отыскания болгарских городищ. В его отчете сообщается о двух городищах золотоордынского времени и одном более позднем и высказано предположение о существовании в исследуемом районе древнего городища первых веков нашей эры [3, с. 49–50].

Второй раз курганы раскапывались в 1882 г. П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым. В этом году было изучено 7 насыпей. Всего же на этом месте было зафиксировано 25 курганов. В 1893 г. П. А. Пономарев произвел дополнительный осмотр местности и установил, что все 25 курганов застроены деревней Арчиловкой (часть с. Бальмеры). В результате

всех раскопок оказалось, что вещи находились только в 3 курганах – это грубые плоскодонные горшки. Исключение составил один курган, где были зафиксированы остатки труположения и были найдены вещи, среди которых меч с согнутым клинком, кресало, медные накладки и обоймочки, а также фрагмент глиняного сосуда.

Н. П. Лихачев, подводя итоги исследований, пришел к выводу, что под курганами было выявлено два типа захоронений: «Погребение тела в вытянутом положении на спине и трупосожжение. При одном из костяков найдена железная стрелка, при другом – бронзовая бляшка. В кургане с трупосожжением близ остатков костра лежал согнутый в дугу полуистлевший от ржавчины прямой железный меч». Таким образом, курганы были засыпаны в разное время [19, с. 113–114].

Идея о принадлежности меча к захоронению, которое можно связать с руссами Ибн-Фадлана, стимулировала новые поиски П. А. Пономарева в окрестностях Болгара и Балымер. Разведки по побережью, которые он провел, ничего не дали, и он вернулся к балымерским курганам. К этому времени они оказались практически все застроены, только на проезжей части улицы были заметны две маленькие насыпи. Они были раскопаны. П. Н. Пономарев кратко написал, что здесь было кострище и в нем небольшое количество посуды [19, с. 115]. Здесь же Пономарев впервые упоминает, что эти насыпи находились в д. Арчиловке и что других здесь нет. Одновременно в поисках курганов левый берег Волги от Балымер до Танкеевки обследовал Н. П. Лихачев, о чем свидетельствуют составленные им планы.

В 1916 г. В. Ф. Смолин изучил 11 погребений на древнем мусульманском могильнике у с. Три Озера к югу от Болгар [18, с. 116].

В 1925 г. раскопки городища Шелом у с. Балымеры провел В. Ф. Смолин. Целью работ было связать расположенные неподалеку Балымерские курганы с насыпью городища, похожей на курганныю. Предварительный анализ материалов дал основание датировать находки с городища в пределах VII–XIV вв. Раскопки 1925 г. были сосредоточены на площадке городища. При раскопках в траншее № 4 была обнаружена «гряда камней с овальным очертанием без связи с кострищем». Не исключено, что это остатки какого-то сооружения болгарского времени. В этой же траншее были зафиксированы остатки деревянных конструкций в виде «клетки». Более детально были описаны остатки сооружения из траншеи № 3 округлой формы с положенным в центр жерновом. Его В. Ф. Смолин считал жертвенным очагом, поскольку сооружение из камней с прикрытием его жерновом должно было иметь культовое значение [18, с. 125].

Важнейшей задачей послевоенных лет стало составление археологической карты Татарской Республики. В 1945, 1948, 1949, 1950 гг. археологические разведки в Западном Закамье вел Н. Ф. Калинин, в 1949 г. – А. Ф. Збруева.

В 1955 г. Балымерское городище, расположенное рядом с Шелом, исследовалось А. М. Ефимовой. Целью работ было уточнение данных, полученных в ходе раскопок В. Ф. Смолина и Б. Б. Жиромского в этом районе. А. М. Ефимовой были выделены два слоя – булгарский домонгольский и именьковский. Кроме того, были изучены остатки хозяйственных и жилых сооружений, относящихся к обоим периодам [11, с. 25–26].

Археологические исследования того времени зачастую выявляли и состояние некоторых городищ, которые сейчас уже почти не фиксируются визуально. Так, А. М. Ефимовой были отмечены плохо сохранившиеся линии укреплений Балымерского городища, состоящие из двух оплывших валов и разделенные заплывшим рвом [11, с. 26]. Вопрос об оборонительных линиях – «длинных валах» – будет рассмотрен ниже, что же касается ворот на этих городищах, то в рассуждения автора вкралась неточность. По меньшей мере на трех памятниках (Маклашеевском I, Танкеевском I и Кокрятском) древние воротные проезды находились именно с южной стороны, а другие же пробиты в более позднее время, не ранее XVIII–XIX вв. Кроме того, стоит отметить, что для обороны не так уж и важно, с какой стороны света и по отношению к чему находятся ворота, главным является их степень защищенности от штурма, достигавшаяся использованием свойств рельефа местности и [или] навыками строительства военно-инженерных сооружений.

Большинство исследователей (С. М. Шпилевский, А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, Р. Г. Фахрутдинов) были склонны считать «длинные валы» булгарскими укреплениями, расходясь во мнении лишь об их назначении. Однако отсутствие археологических данных, которые бы выявили их конструктивные особенности, время возникновения, делали все подобные выводы и заключения голословными. В свою очередь, исследования Спасского (Старокуйбышевского) вала у с. Куралово выявили его идентичность с Маклашеевским и, кроме того, он обращен как раз в направлении куста булгарских домонгольских памятников и не мог служить для их защиты.

В первые послевоенные годы были изучены и введены в научный оборот находки, характеризующие материальную культуру булгар на Средней Волге до X в. В 1949–1950 гг. Татарским отрядом Куйбышев-

ской археологической экспедиции под руководством Н. Ф. Калинина был выявлен и подвергнут небольшим раскопкам Тетюшский могильник IX–XI вв., на котором вскрыты 6 погребений. Были вскрыты также Большетарханский, Кайбельский и другие могильники. Они показывали концентрацию кочевого населения на новых землях.

В 1961 г. под руководством А. Х. Халикова и Е. П. Казакова начались раскопки Танкеевского могильника, на котором были раскопаны 137 захоронений. В 1962 г. раскопки были продолжены, и были вскрыты ещё 107 захоронений. Раскопы, заложенные в 1964 г., затронули в большей части мусульманскую часть могильника. Было установлено, что мусульманская и языческая часть некрополя не имеют четкой границы и разнообразные захоронения составляли единое целое. Раскопы 1965–1966 гг. располагались в западной и юго-западной частях могильника. За 1964–1966 гг. при активном участии Е. А. Халиковой было исследовано 541 захоронение. Итогом этого периода исследования, сосредоточенного на языческой части некрополя, было уточнение датировки захоронений в этой части, уточнение погребального обряда.

В 1968, 1972–1979, 1982, 1984 гг. Е. П. Казаковым на Танкеевском могильнике были изучены ещё 395 захоронений. Всего за эти годы были исследованы 1162 захоронения. Танкеевский могильник стал самым масштабным исследованным некрополем раннеболгарского времени. Стало также очевидным, что этнический состав населения Булгарии в период ее формирования был многокомпонентным [12, с. 29–37].

В 1965 г. Е. А. Халикова исследовала балымерские курганы. При попытке найти насыпи, копавшиеся в конце XIX в. и датированные тогда X в., ей был обнаружен курганный могильник золотоордынского времени. Курганы X в. выявлены не были. Большая часть зафиксированных Е. А. Халиковой насыпей имели следы воронкообразных вкопов и траншей, как она считала, от раскопок XIX в. По ее мнению, эти вкопы не затронули в большинстве случаев самих погребений, что подтвердилось результатами ее раскопок [20, с. 110–116].

Булгарские памятники в устье Актая были известны еще С. М. Шпилевскому, который упоминал «Девичий городок» и другие памятники [22, с. 325–331]. В 1950–1952 гг. экспедициями АН СССР под руководством Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова были изучены интересные памятники в низовьях Ахтая и Бездны. В районе Старого Куйбышева, у сел Куралово и Косяково выявлены 7 поселений с булгарским и именьковским материалом [14, с. 28–29]. На Старокуйбышевском городище была обследована система укреплений. С помощью шурфовки выявлена стратиграфия

памятника, а на правом берегу р. Бездна к северо-востоку от городища обнаружен могильник [14, с. 121–123].

Селище Ага-Базар исследовалось Куйбышевской археологической экспедицией в 1950 г. [10].

В 1961, 1964 гг. Е. П. Казаковым были открыты десятки новых памятников булгар: IV, V Старокуйбышевские, I–III Семеновские, I и II Измерский и другие могильники.

На I Старокуйбышевском и I Семеновском могильниках изучены несколько мусульманских погребений. Найдены два витых из двух спаренных проволок серебряных браслета [7, с. 32].

Интересный материал, в том числе серебряные арабские дирхемы X в., бронзовое трехбусинное височное кольцо и другие предметы, были собраны на IV–V Старокуйбышевском, I Семеновском и I Измерском селищах.

В 1961, 1964 гг. Е. П. Казаковым на I Старокуйбышевском и I Семеновском могильниках изучены несколько мусульманских погребений. В 1963 г. П. Н. Старостиным проводились раскопки II Маклашеевского городища, в результате которых в верхних горизонтах культурного напластования выявлена круговая лощеная серого цвета посуда салтовского облика, датирующаяся VIII – первой половиной IX вв.

В 1965–1971 гг. проводились в основном осмотры памятников. В 1971 г. А. Х. Халиковым вскрыты еще 2 погребения на I Старокуйбышевском селище.

В 1972 г. проведены значительные раскопки под руководством Е. А. Халиковой на I Старокуйбышевском и II Измерском могильниках. На первом из них на пяти раскопах вскрыто 271 м², на которых изучено 28 погребений; на втором на площади 261 м² выявлены 50 мусульманских погребений [21, с. 35–59].

В 1980 г. обнаружены новые булгарские могильник и селище у бывшей деревни Соколовка. При этом на могильнике в обряде отмечены раннемусульманские черты, в том числе культ огня [Казаков, 1991, с. 135].

Небольшие раскопки были проведены в 1983 г. на I Семеновском селище, I и III Семеновских мусульманских могильниках. Интересные находки поделок булгарских кузнецов, медников и ювелиров обнаружены на IV Старокуйбышевском селище и городище [13, с. 151].

В связи с изучением средневекового сухопутного торгового пути из Булгара в Киев экспедицией А. Х. Халикова в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. обследовались некоторые булгарские укрепленные поселения, расположенные вдоль данного маршрута. В результате были получены

новые материалы, например, с Кокрятьского и Криушского II городищ, касающиеся военно-инженерного дела Волжской Булгарии [15].

Важное значение имело исследование Е. П. Казаковым Измерского селища. Стационарные раскопки памятника начаты в 1972 г. К 1985 г. было вскрыто свыше 700 м² площади памятника. Масштабные работы были проведены в 2000–2002 гг. – было изучено около 500 м². В целом за 30 лет работ на памятнике было исследовано более 1500 м². Е. П. Казаков комплексно изучал археологические микрорайоны, проводя охранные работы на памятниках всех выявленных здесь эпох. Огромное количество собранного подъемного материала, в том числе и булгарского времени, позволило изучить, систематизировать и классифицировать предметы с негородских поселений Волжской Булгарии, проанализировать их и связать с материалами раскопок, которые велись параллельно с разведочными работами.

На разрушающемся водохранилищем Старокуйбышевском комплексе М. М. Кавеевым в 1986 г. было вскрыто 112 м² площади и изучено 5 сооружений. В 1989–1990 гг. здесь же И. Л. Измайловым и И. Р. Газимзяновым было изучено свыше 120 м² площади и 10 захоронений [8, с. 104–105].

С 2014 г. возобновились исследования в зоне затопления Куйбышевского водохранилища. В 2015 г. проводилось исследование на участке протяженностью около 9 км от урочища старого речного порта г. Болгара до с. Ржавец. У с. Ржавец путем шурфовки, зачисток и сбора подъемного материала определены границы, хронологическая и культурная принадлежность памятников. Установлено, что Ржавецкое V селище и Ржавецкое VI селище, атрибутированные как два булгарских домонгольских памятника, составляют единый памятник, так же как и Ржавецкое I селище и Ржавецкое IV селище, составляют единый культурно-хронологический объект – именьковское поселение, на отдельных участках которого выделяются материалы других археологических культур [5, с. 29]. В 2016 г. были проведены масштабные исследования Старокуйбышевского куста памятников: Старокуйбышевского V и IV селищ. Удалось проследить планиграфические особенности поселений, уточнить датировку и характер образования культурных напластований [6, с. 28].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. №8312, л. 1, 1 об. 7, 19.
2. НА РТ, ф. 1, оп. 3, д. №9763, л. 2.
3. Отчёт Императорской археологической комиссии за 1898 г. – СПб., 1901.
4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. – СПб., 1907.

5. Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / Ситдилов А. Г., Валиев Р. Р., Старков А. С. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 36 с.
6. Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Ситдилов А. Г., Валиев Р. Р., Старков А. С. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. – 40 с.
7. Габяшев Р. С., Казаков Е. П., Старостин П. Н. и др. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. – Казань. 1976. – С. 3–35.
8. Газимзянов И. Р., Измайлов И. Л. Исследования на Спасском комплексе памятников // АО Урала и Поволжья. – Ижевск, 1991. – С. 104–105.
9. Жиромский Б. Б. Некоторые нумизматические данные по истории Волжской Болгарии // МИА. – 1962. – № 111. – С. 179–216.
10. Жиромский Б. Б. Ага-Базар // МИА. – 1954. – № 42. – С. 205–216.
11. Ефимова А. М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА. – 1962. – № 111. – С. 25–48.
12. Казаков Е. П. Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань, 1982. – С. 29–37.
13. Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 176 с.
14. Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги Археологических работ за 1945–1952 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1954. – 126 с.
15. Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар – Киев. Пути, связи, судьбы. – Киев: РИЦ Института археологии НАН Украины, 1997. – 192 с.
16. Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-болгарского и казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. Труды I Археологического съезда, 1869. – М., 1871. – С. 592–594.
17. Стоянов А. Н. Отчет о раскопках древних могил и курганов в Лаишевском и Спасском уездах Казанской губернии // Приложение к протоколу 23 заседания 21 апреля 1871 г. ОЕ при ИКУ. – Казань, 1871. – С. 20.
18. Смолин В. Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // ИОАИЭ. – 1919. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 116.
19. Смолин В. Ф. Раскопки Шелома в селе Балымерах, Спасского кантона Татарской Республики в 1925 году. [Краткий обзор] // ИОАИЭ. – 1926. – Т. XXXIII. – Вып. 2–3. – С. 115.
20. Халикова Е. А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. – 1965. – Вып. 109. – С. 110–116.
21. Халикова Е. А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань, 1976. – С. 39–60.
22. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань: Университетская типография, 1877. – 585 с.

НАХОДКА ФРАГМЕНТА ПЛАСТИНЧАТОЙ КОЛЬЦЕВОЙ ЗАСТЕЖКИ С ТРАПЕЦИЕВИДНЫМИ ЛОПАСТЯМИ В ГОРОДЕ УЛЬЯНОВСКЕ

Пластинчатые кольцевые застёжки (сюльгамы) с трапециевидными лопастями – одна из характерных категорий украшений в составе женского инвентаря комплексов грунтовых погребений культуры рязано-окских финнов [2, с. 144, рис. 13: 1; 3, с. 192, рис. 8: 8; 8, с. 19, 38, табл. IX: 25, XV: 12].

Культура рязано-окских финнов, или культура рязано-окских могильников (I–II – VII вв. н.э.) – археологическая культура Среднего Поочья, ее ареал занимает территорию от устья Москвы-реки до города Касимова и приурочен к течению Оки, преимущественно правобережному. Культура принадлежала населению разноплеменного состава: финно-угорскому (мещере или мордве) и балтийскому, а значит, существовала в условиях двуязычия. В процессе совместного проживания одна группа была ассимилирована другой, о чем свидетельствуют захоронения более позднего времени [12, с. 79; 6, с. 43–44].

Застёжки подобного типа носились на груди [8, с. 37–38] и, как и фибулы, служили для крепления одежды, одновременно выполняя функцию украшения и магического оберега [1, с. 106–107], а также помещались в мужские захоронения в качестве «женских даров» [2, с. 144].

Фрагмент пластинчатой кольцевой застёжки с трапециевидными лопастями (фото) был обнаружен автором статьи 13 октября 2018 года в ходе проведения ихтиологических исследований на правом берегу Ульяновского плеса Куйбышевского водохранилища, на территории Железнодорожного района города Ульяновска, под южной окраиной бывшей деревни Винновка. Предмет находился в воде на глубине около 20 см. Сопутствующий археологический материал (керамика и прочее) на месте обнаружения отсутствовал. Артефакт имеет следы длительного пребывания в воде: незначительную окатанность

Фото. Фрагмент пластинчатой кольцевой застёжки с трапециевидными лопастями

и коррозию. Фрагмент застежки представляет собой обломок, равный половине целого изделия. Характер разлома указывает на то, что разрушение произошло в древности. Игла отсутствует. Застежка изготовлена из бронзы путем литья иковки, также имеются следы слесарной доработки – радиальные проточки на ободе между трапециями. Фрагмент имеет следующие морфологические параметры: вес – 6,3 г, диаметр внутренней окружности обода в месте разлома – 37 мм, диаметр внешней окружности обода в месте разлома – 47 мм, диаметр внешней окружности обода в месте разлома с учетом трапециевидных лопастей – 61 мм, толщина обода – 2 мм. Сохранились 6 трапециевидных лопастей разных размеров: минимальная длина основания трапеции 7 мм, максимальная – 16 мм. Лопастей имеют следы повреждений от долгого ношения – сточенность и деформацию, что свидетельствует о длительном и постоянном ношении, возможно, на протяжении нескольких поколений.

По мнению ведущего научного сотрудника отдела археологических памятников ФГБУК «Государственный исторический музей», специалиста в области украшений культуры рязано-окских финнов к.и.н. Ирины Васильевны Белоцерковской, обнаруженную застежку можно датировать концом III – первой половиной IV вв. Такие застежки стали результатом сочетания формы кольцевых (подковообразных) фибул с эмалью горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей и декоративных элементов, характерных для среднеокского и москворецкого населения. Впоследствии пластинчатые кольцевые застежки с трапециевидными лопастями эволюционировали в ранние формы нагрудных блях рязано-окских финнов [8, с. 37, табл. XV: 10].

Семантическое значение обнаруженной пластинчатой кольцевой застежки с трапециевидными лопастями можно объяснить следующим образом:

- предмет имеет черты ярко выраженного солярного знака, где обод символизирует солнечный диск, а трапециевидные лопасти – солнечные лучи;

- трапециевидные лопасти, вероятно, символизируют лапки птиц семейства Утиные *Anatidae* Vigors, 1825, которые почитались финно-уграми священными животными. У финно-угорских народов встречаются подвески-уточки с привесками в форме лапок птиц семейства Утиные [14, с. 12]. В мифах почти всех финно-угорских народов утка участвует в сотворении мира. По космогонической легенде, из яиц утки образовались солнце, луна и звезды [11, с. 63–66]. На финно-угорских капищах располагались камни с высеченным изображением гусиной

лапы: «знак гусиной лапы стоит как таинственный страж...» [7, с. 142]. Гусиная лапа воспринималась как тотем-оберег [15, с. 61]. В мифологии восточноевропейских народов утки, гуси и лебеди почти всегда играют положительную роль: они предсказывают будущее, спасают детей от злых сил, находят невест и т.д. [4, с. 74–81].

На территории Ульяновской области это первая находка пластинчатой кольцевой застежки с трапециевидными лопастями и самая хронологически ранняя из вещевого комплекса культуры рязано-окских финнов. В исследуемом регионе встречаются единичные находки рязано-окского типа, например, фрагмент крестовидной фибулы, датированной V – началом VI вв., с территории Старомайнского городища [9, с. 50, рис. 26: 10; 10, с. 94–95]. По мнению А. В. Никитиной [10, с. 94], в некоторых комплексах керамики Старомайнского городища (V–VI вв.) прослеживаются черты, характерные для культуры рязано-окских финнов. Л. А. Вязов [5, с. 46] утверждает, что форма топоров культуры рязано-окских финнов (не позднее середины IV в.) послужила прототипом формы топоров именьковской культуры.

Существует предположение, что население культуры рязано-окских финнов приняло участие в первой (германской) фазе эпохи Великого переселения народов [13, с. 21], и теоретически один из векторов переселения мог быть направлен в юго-восточном направлении. Тем не менее, в настоящее время нет достоверных доказательств проникновения представителей культуры рязано-окских финнов на территорию Симбирского – Ульяновского Поволжья. Вероятнее всего, обнаруженные вещи имеют характер фонового культурного влияния и попали в регион по крупнейшей коммуникативной артерии того времени – речной сети бассейна Волги. Однако нельзя исключить проникновения отдельных представителей культуры рязано-окских финнов, скорее всего, в качестве рабов или наемников. Заниматься торговлей в исследуемом регионе для представителей культуры рязано-окских финнов не имело смысла, так как ассортимент товаров в условиях леса и лесостепи был примерно одинаковым. Принимая это во внимание, можно предположить, что обнаруженный фрагмент пластинчатой кольцевой застежки (сюльгама) с трапециевидными лопастями принадлежал женщине-рабыне или «пришел» в результате товарообмена.

Литература

1. Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. О месте фибул в рязано-окских могильниках. Постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. – Рязань: НГЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1998. – С. 105–123.
2. Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). – М.: ИА РАН, 2007. – С. 137–185.
3. Белоцерковская И. В. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). – М.: ИА РАН, 2007. – С. 186–212.
4. Борейко В. Е., Грищенко В. Н. Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Т. 2. – Киев: КЭКЦ и ЦОДП, 1999. – 172 с.
5. Вязов Л. А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. – Казань: ЯЗ, 2012. – С. 43–53.
6. Гордова Ю. Ю. Топонимическая стратиграфия Среднего (рязанского) Поочья: результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур // Вопросы ономастики. – 2014. – № 2 (17). – С. 35–53.
7. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 94. – М.: АН СССР, 1961. – 267 с.
8. Древности бассейнов рек Оки и Камы. В обработке члена Императорской Археологической Комиссии А. А. Спицына. Вып. I // Материалы по археологии России. № 25. – СПб.: Типография «Т-ва Художественной Печати», 1901. – 120 с.
9. Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. – Самара: Самарский университет, 2004. – 165 с.
10. Никитина А. В. Керамический комплекс большого дома Старо-Майнского городища // Поволжская археология. – 2016. – № 4 (18). – С. 85–98.
11. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 463 с.
12. Седов В. В. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования 1988–1996. – М.: Индрик, 1997. – С. 72–80.
13. Ставицкий В. В. Волжские финны в эпоху великого переселения народов: историографический обзор // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 17–24.
14. Шарабарина С. Г. Зооморфные образы в культуре финно-угорских народов Костромского края // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «История и политические науки». – 2012. – № 1. – С. 11–15.
15. Шарабарина С. Г. Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века // Язык, словесность, культура. – 2016. – № 1–2. – С. 58–67.

**МЕДЕСОДЕРЖАЩИЕ ИЗДЕЛИЯ МНОГОСЛОЙНОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА «ОЗЕРО ОСИНОВОЕ»**
(предварительное сообщение)

Многослойный археологический памятник «Озеро Осиновое» находится в Железнодорожном районе г. Ульяновска к западу от производственных корпусов кондитерской фабрики «Волжанка» у подножия водораздельного склона. Озеро Осиновое является старицей р. Свияги и представляет собой узкую полосу воды длиной около 800 м и шириной около 14–16 м. Природно-территориальный комплекс озера является простым урочищем, которое относится к пойменному ландшафту р. Свияги и занимает участок притеррасной поймы реки. Западнее озера располагается оstepненный вейниково-разнотравный луг, сформированный на аллювиальных луговых почвах и представлявший собой до конца XX века распаханый участок [1, с. 3–5].

Археологический памятник был выявлен в 2007 г. В результате разведочных исследований, проводившихся на территории памятника, были выявлены археологические материалы различных эпох: от мезолита до средневековья [4, с. 52–58]. Верхняя часть культурного слоя памятника в значительной степени переотложена. В подъемном материале доминирует керамика эпохи бронзы, преимущественно срубной культурно-исторической общности.

В 2013 и 2015 гг. при проведении полевой практики по зоологии доцентом кафедры биологии, экологии и природопользования УлГУ к.б.н. Д. Ю. Семеновым на дневной поверхности песчаной дюны были обнаружены три медесодержащих изделия: два ножа и фрагмент серпа. Все артефакты переданы на хранение в Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова.

Бронзовый двулезвийный нож (фото 1) имеет следующие морфологические параметры: общая длина – 26 см, длина черешка – 7,5 см, вес – 176 г. Упором для рукояти

Фото 1

являются покатые плечи. Черешок прокован, «сплюснен» с двух сторон. Черешок в сечении прямоугольный, его толщина – 0,9 см. Край черешка приострен для удобства насадки в рукоять. Стороны лезвия симметричны. Ширина лезвия – 3,6 см, толщина – 0,45 см. Сечение линзовидное. Лезвие согнуто в верхней половине. Вероятно, это произошло еще в древности или позднее в результате вспашки почвы. Конец ножа закруглен, что исключает возможность его использования в качестве колющего оружия. Лезвие с одного края имеет зазубрины. Аналогии изделию встречаются в срубной культурно-исторической общности [7, с. 127, рис. 39: 10].

Фото 2

Второй нож (фото 2) с асимметричным лезвием (горбатой спинкой) имеет следующие морфологические показатели: длина – 10,45 см, высота – 2,5 см, толщина – 0,3 см, вес – 32 г. На черешке ножа в окислах сохранились фрагменты берестяной или кожаной оплетки.

Малые габариты и закругленное лезвие ножа указывают на его хозяйственное использование, вероятнее всего, для разделывания туш животных и работы с мягкой древесиной.

Установить культурную принадлежность данного ножа представляет затруднительным. Медные ножи с асимметричным лезвием известны среди материалов энеолитических культур Волго-Камья. Близкие по форме бронзовые ножи встречаются среди материалов эпохи поздней бронзы. На территории Волго-Камья в ранний период развития ананьинской культурно-исторической области бытовали бронзовые однолезвийные ножи с горбатой спинкой (тип Н–16 по С. В. Кузьминых) [5, с. 150]. Они

Фото 3

датируются IX – первой половиной VIII в. до н.э. [6, с. 104]. Отметим, что ранее на территории поселения «Озеро Осиновое» материалы раннего железного века на фиксировались.

Фрагмент литого бронзового серпа представлен крючком, к которому крепилась рукоять из органического материала (фото 3). Сохранившийся фрагмент имеет

следующие размеры – 3,6х1,75х0,45 см. Сечение прямоугольное. После отливки крючок подвергался дополнительной проковке. Узкие, сильно изогнутые серпы с крючком характерны для срубной культурно-исторической общности [7, с. 153–155, рис. 47–50, 52]. В Ульяновском Поволжье серпы срубного типа обнаружены в районе сел Волостниковка, Зеленовка, Помаево [2, с. 45], Абрамовка [3, с. 18, табл. 7: 14].

Более достоверные сведения о культурной принадлежности обнаруженных медесодержащих изделий может дать только металлографический анализ.

Таким образом, публикуемая коллекция изделий подтверждает статус памятника «Озеро Осиновое» как многослойного и перспективного для дальнейшего изучения.

Литература

1. Артемьев Е. А., Аюгова Н. К., Базаров А. А. и др. Озеро Осиновое. Итоги паспортизации. – Ульяновск: НИЦ «Поволжье», 2007. – 21 с.
2. Буров Г. М. Медно-бронзовый век Ульяновского Поволжья. Путеводитель по археологическим памятникам. – Ульяновск: Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение, 1982. – 102 с.
3. Вискалин А. В., Семькин Ю. А. В поисках далёких предков: из древней истории Ульяновского Поволжья // Венец: историко-краеведческий альманах. – Ульяновск, 1991. – Вып. 1. – С. 5–22
4. Гисматулин М. Р., Семькин Ю. А., Семенов Д. Ю. Многослойный археологический памятник «Озеро Осиновое» // VII Сытинские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историческое краеведение Симбирско – Поволжского края: новые реалии и факты», посвящённой памяти учёного и краеведа Сергея Львовича Сытина. Ульяновск, 5–6 октября 2012 года. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2014. – С. 52–58.
5. Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 256 с.
6. Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. – 2014. – № 3 (9). – С. 101–136.
7. Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности /под ред. А. Х. Халикова. – Самара: Самар. ун-т, 1992. – 176 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Жанна Васильевна, заведующая отделом истории, культуры и искусства МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс».

Артемьева Лариса Ивановна, специалист по экспозиционно-выставочной деятельности, МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс».

Беспалова Елена Константиновна, заведующая научно-исследовательским отделом Музея-заповедника «Родина В. И. Ленина».

Вильданова Римма Камильевна, кандидат исторических наук, помощник президента УлГУ.

Вискалин Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент УлГУ.

Вагапов Ренат Зиннатович, заведующий отделом музейно-образовательной деятельности Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Болгар, Республика Татарстан).

Гисматулин Марат Рашитович, старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова.

Громова Татьяна Алексеевна, старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова.

Иванов Андрей Николаевич, заведующий краеведческим отделом ГБУК «Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Капина Вера Николаевна, методист отдела музейной педагогики ГБУК «Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Клевогина Елена Борисовна, заведующая отделом научно-экспозиционной работы Историко-мемориального центра-музея И. А. Гончарова.

Крылов Юрий Владимирович, хранитель фондов Сенгилеевского районного историко-краеведческого музея имени А. И. Солуянова.

- Кузина Людмила Сергеевна**, хранитель музейных предметов МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».
- Кузнецов Валерий Николаевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.
- Лаврентьева Надежда Викторовна**, хранитель музейных предметов МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».
- Маслова Анна Владимировна**, ведущий методист МБУК «Тольяттинский краеведческий музей».
- Миронова Светлана Анатольевна**, младший научный сотрудник ОГАУК «Ленинский мемориал».
- Мухаметшин Ильшат Джамильевич**, научный сотрудник Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Болгар, Республика Татарстан).
- Наумов Евгений Олегович**, научный сотрудник отдела современной истории ГБУК «Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И. Д. Воронина».
- Николаева Юлия Валерьевна**, ведущий архивист ОГБУ «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области».
- Новеньков Константин Иванович**, историк-краевед (г. Ульяновск).
- Розов Олег Олегович**, ведущий методист ОГАУК «УльяновскКинофонд».
- Семенов Дмитрий Юрьевич**, кандидат биологических наук, методист МБУ ДО «Центр детского творчества № 6».
- Серкова Нэлла Васильевна**, заведующая научно-исследовательским отделом МБУ «Краеведческий музей городского округа Сызрань».
- Сильвестрова Надежда Владимировна**, заведующая структурным подразделением Музей купеческого быта им. А. В. Муравьева МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс».
- Фасхутдинов Андрей Николаевич**, заместитель директора по науке Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (г. Болгар, Республика Татарстан).
- Чугунова Надежда Анатольевна**, младший научный сотрудник ОГАУК «Ленинский мемориал».
- Шамигулова Ирина Андреевна**, учёный секретарь МБУК «Димитровградский краеведческий музей».
- Шерстнёв Владимир Леонидович**, научный консультант МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс».

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАНИ УО – Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
- ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
- ИМЦМ И. А. Гончарова – Историко-мемориальный центр-музей И. А. Гончарова
- УлГУ – Ульяновский государственный университет
- УОКМ – Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ.....	5
<i>Е. К. Беспалова.</i> Н. М. Карамзин и грузинские князья П. М. и М.П. Баратаевы	5
<i>Р. К. Вильданова.</i> Мусульманские представители в общественных учреждениях г. Симбирска в последней трети XIX – начале XX вв.	28
<i>Т. А. Громова.</i> Неутвержденный герб дворян Терениных	34
<i>Л. С. Кузина.</i> Огненная катастрофа в Сызрани 1906 года	42
<i>В. Н. Кузнецов.</i> Мемуары П.Н. Солонко: реакция в Ульяновске.....	54
<i>Ю. В. Крылов.</i> 130 лет учительской династии (к 150-летию со дня рождения Николая Степановича Рамзаева).....	60
<i>Е. О. Наумов.</i> «Вся эта банда пила, гуляла, а дела в это время стояли»: дисциплинарные нарушения штабных работников армий Восточного фронта летом – осенью 1918 года	66
<i>Ю. В. Николаева.</i> Бронепоезда в годы гражданской войны (по воспоминаниям участников событий из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области)	77
<i>К. И. Новеньков.</i> К вопросу о времени строительства Симбирска по публикациям симбирских и ульяновских краеведов	84
<i>О. О. Розов.</i> Генерал-разночинец Василий Георгиевич Болдырев: царский генерал, главком Директории, дипломат, симбирский патриот	96
<i>Н. В. Серкова.</i> Основание монастырей на Сызранской земле в XVII веке	105
<i>И. А. Шамигулова.</i> Из истории городского самоуправления посада Мелекесс 1878–1917 гг. К 140-летию городского самоуправления Мелекесса–Димитровграда.....	118
<i>В. Л. Шерстнев.</i> Деятельность члена Государственного совета России М. Н. Галкина-Врасского в контексте истории г. Козьмодемьянска.....	127

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	130
<i>А. Н. Иванов.</i> Эвакуированные в Елабугу литераторы: от «ценности советского государства» Михаила Лозинского до «колдовской цевницы века» Марины Цветаевой	130
<i>Е. Б. Клевогина.</i> Издания очерков путешествия И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» в собрании Ульяновского областного краеведческого музея имени И. А. Гончарова (к 160-летию книги)	143
<i>Н. В. Лаврентьева.</i> «Отсюда началась моя литературная дорога»	152
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОГО ДЕЛА. МУЗЕЙ И ШКОЛА	159
<i>Ж. В. Алексеева.</i> Музейный класс в образовательном пространстве г. Козьмодемьянска	159
<i>Л. И. Артемьева.</i> «Арт-Студия» при Художественно-историческом музее им. А.В. Григорьева как форма популяризации музейной деятельности.....	162
<i>Р. З. Ваганов.</i> Музей – путь в школу. Из опыта работы Болгарского музея-заповедника	165
<i>В. Н. Капина.</i> Работа Елабужского государственного музея-заповедника с образовательными учреждениями города Елабуги.....	171
<i>А. В. Маслова.</i> Формы работы со школьной аудиторией. Из опыта работы Тольяттинского краеведческого музея	177
<i>С. А. Миронова., Н. А. Чугунова.</i> Тема столетия Великой Российской революции в музейной деятельности Ленинского мемориала	185
<i>Н. В. Сильвестрова.</i> Торт, шоколад, монпансье, или сладости купеческого дома	188
<i>А. Н. Фасхутдинов.</i> О коллекции свинцовых пломб XIX– XX вв. из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника	194

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ.....	206
<i>А. В. Вискалин.</i> Памятники и культурные процессы на территории Ульяновского края в энеолите- раннебронзовом веке.....	206
<i>И. Д. Мухаметшин.</i> Археологическое изучение округа г. Болгар.....	223
<i>Д. Ю. Семенов.</i> Находка фрагмента пластинчатой кольцевой застежки с трапециевидными лопастями в городе Ульяновске	231
<i>Д. Ю. Семенов, М. Р. Гисматулин.</i> Медесодержащие изделия многослойного археологического памятника «Озеро Осиновое» (предварительное сообщение).....	235
Сведения об авторах	238
Сокращения	240

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 17

Издательство «Корпорация технологий продвижения».
432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 2.

Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktpbook@yandex.ru.

Ответственная за выпуск Винник О. К. Редактор-корректор Егоров К. В.

Тираж 120 экз.